

ВИКТОР МАРТИНОВИЧ

СФРАГНУМ

РОМАН

34 MAG.
NET

Сфагнум

Роман

Дим Димычу, Табуреточке и всем полесским колдунам посвящается

Все события, персонажи, города, реки, деревни, растения и биологические виды – вымышлены. Собственно, вымышлено – все. Причем не только в этой книге.

Глава 1.

Тишина стояла такая, что хотелось вытянуться до хруста в спине, привстать на цыпочки и гаркнуть изо всех сил, чтобы деревня проснулась, чтобы загремели ведра с тех дворов, где еще держат скот, чтобы хлопнули двери хат, где скота не держат, но пока кое-как просыпаются по утрам – встретить еще один беспросветный старушечий день в надежде, что он не последний. Чтобы рассвело как следует, в конце концов. Погоды были пасмурные, всю ночь шел дождь, но это не означало, что через час хмурь на небесах не растает, не выглянет солнце, не припечет до дурноты.

Выхухолев выбрался из машины и не спеша направился к магазину с гордой надписью «Райпотребкооперация». Сигнализация сработала среди ночи, пока прочухался, пока завел служебный «газик», пока доехал от Глуска, где находился участок, сюда, в Малиново – а впрочем, куда спешить: сигнализация давала ложный вызов раз в месяц, давно ее надо было к чертям демонтировать. Кому тут что воровать? Старухам? Местным алкашам, которые на ногах еле стоят? Подходя, Выхухолев отметил, что красная банка над входом действительно мигает: это странно, потому что обычно сигнализация посылала ложный вызов, не зажигая индикатора, не приходя в сознание. Поправил на плечах

автомат, оружие было не заряжено: с патронами морока и масса бумажной работы. Да и с пустым автоматом Выхухолев ощущал себя спокойней.

Вот и дверь: зайти внутрь, отыскать прилавок, забраться за кассу, нажать на выключатель и ехать обратно, додремывать над кроссвордом. Уже и за ручку взялся, как вдруг обнаружил странное: зарешеченное окно справа от двери было разбито. Он просунул руку в дыру – ну точно, можно спокойно дотянуться до замка с той стороны.

– Во народ! – в сердцах сказал Выхухолев, и было непонятно, кому адресована его досада – анониму, выбившему окно, чтобы вскрыть магазин, или человеку, зарешетившему окно, но не догадавшемуся, что, высадив стекло, можно спокойно вскрыть находящуюся рядом дверь.

Выхухолев заглянул внутрь. Подумалось, что лицо, устроившее кражу со взломом, все еще может находиться внутри. На секунду Выхухолев ощутил удар паники, похожий на то, что ощутил бы обычный человек, оказавшись в его ситуации. Но страх быстро прошел: ну как же, он – милиционер, а внутри может быть только один из местных балбесов – Кабан, Сима, Васька Жабоед. Все эти личности вызвали в нем ощущение брезгливого превосходства. Выхухолев сделал еще шаг, оказавшись в предбаннике. Магазин в Малиново устроен странно: за входной дверью идет коридор, в который из магазина ведут две двери, расположенные перпендикулярно друг к другу. Одна дверь как бы на вход, другая – на выход. Архитектор, проектировавший магазин в Малиново, не иначе как пребывал под влиянием французских конструктивистов и стремился упорядочить людские потоки на вход и на выход. Впрочем, жители деревни Малиново слабо были осведомлены в вопросах актуальной архитектуры.

В общем, тут, в предбаннике, Выхухолев оказался перед двумя дверьми, которые обе вели как бы в одно место. На первой была нарисована зеленая стрелочка, на второй – знак «кирпич», означавший, что через эту дверь заходить нельзя. Выхухолев подумал, как лучше зайти, и решил, что если он проникнет через дверь с «кирпичом», а внутри кто-то есть, он не будет этого ожидать, и Выхухолев застанет вора врасплох. Он уже совсем было собирался ворваться внутрь, рывкнув как следует, как вдруг явственно различил странный звук. Звук – при всей своей невероятности в данных конкретных декорациях – совершенно точно был чавканьем. Кто-то что-то внутри поедал. Причем поедал с видимым аппетитом. Выхухолев не к месту вспомнил, что сегодня он еще не завтракал, но сразу вслед за этой мыслью пришло ощущение жути. Теперь уже настоящей жути, которое обычно впервые приходит в детстве и там же, в детстве, в окружении страшных шкафов и темных спален остается.

Дело в том, что ни Васька Жабоед, ни Кабан, ни Сима, вскрыв магазин, совершенно точно ничего бы там не ели. Скорей, они бы выпили все спиртное, которое могли бы выпить, а остальное унесли с собой. Второй вариант: они бы выпили все спиртное, которое могли выпить на месте, и заснули: такие случаи бывали в практике Выхухолева. Но заниматься поеданием содержимого магазина...

Вспотев, Выхухолев отступил. Он прикрыл дверь с «кирпичом», на цыпочках вышел из магазина и быстрым шагом двинул в сторону «газика». Расположившись в машине, среди знакомого, как запах нелюбимой жены, бензинового амбре милиционер ощутил настойчивое желание завести двигатель и уехать к чертям в Глуск. Сесть в отделении над кроссвордом и сидеть так, пока не проснутся коллеги. А там уж всем вместе компанией вернуться в Малиново.

Отсюда, из «бобика», магазин выглядел тревожно: его естественно белый кирпич смотрелся, как вставной зуб на щербатой челюсти окрестностей: вокруг располагались замшелые хаты, шифер которых едва проступал из-под мшистых наростов. Церкви в Малиново никогда не было, и почему бы не предположить, что в магазине завелась нечистая сила?

Выхухолев понял, что струсил, и разозлился на себя. Он вызвал в голове образы Васьки Жабоеда, Симы, Кабана: больше всех злил сейчас Кабан – худощавый, шатающийся, с нечистым лицом, с губами, полопавшимися от пьянства, как кожа раздавленного апельсина.

– Во народ! – повторил Выхухолев, обошел машину, открыл заднюю дверь, вытащил шлем и бронежилет и стал, пыхтя, их надевать. Всем, кто хотя бы раз надевал на себя бронежилет на тесемках в одиночестве, хорошо известно, как унижительно это занятие. Он закрепил броню спереди, но до задних бретелек рука дотянуться никак не могла. Время от времени он поглядывал в сторону двери, надеясь на то, что его копошение выманит злодея, и тут, у двери, Выхухолев его и примет, пусть даже автомат не заряжен. Но злодей не выходил, бронежилет перекосило, а в каске он чувствовал себя глупо: не мальчик уже в каске бегать.

Больше на бронежилете завязывать было нечего. Нужно идти. Выхухолев вытянул вперед автомат, передернул затвор, стараясь производить при этом как можно меньше шума, и двинулся. Стыдно признаться, но его ноги весьма ощутимо дрожали. Тихо открыв входную дверь, он снова оказался в предбаннике, мучительно созерцая зеленую стрелочку и красный знак «кирпича». На всякий случай очень громко передвинул скобу предохранителя, прокомментировал:

– Боевые. Очередь.

Наконец, как бы смирившись с мыслью, что его, наверное, сейчас зарежут, а хуже ничего с милиционером его лет прожить не может в принципе, Выхухолов изо всех сил ударил ногой по двери, обозначенной «кирпичом», и ворвался в полутемный магазин. Тут он обнаружил сразу две вещи, которые были в равной степени удивительными. Во-первых, он увидел перед собой очень худого растерянного пса, который с остервенением дожевывал палку сухой колбасы. Судя по ошметкам, которыми был забросан пол, палка была отнюдь не первой.

Второе, что обнаружил Выхухолов, было телом мужчины, на вид – 25-30 лет, склонный к полноте, волосы каштановые, одет – джинсы или брюки темного цвета, майка, рубашка (расстегнута), чуть повыше поясницы – самодельная повязка из разорванной кофты или ветровки, пропитанная кровью сзади и спереди (два пятна диаметром 10 см), засохшая кровь возле живота, смерть наступила около двух часов назад. Рядом – непрозрачный полиэтиленовый пакет с надписью «ГУМ 60 лет». Мужчина лежал в позе эмбриона, его лицо было повернуто к двери и оскалено ввиду одеревенения мышц челюсти. Кажется, еще в этот момент Выхухолов слышал мух, или ему это только показалось, что услышал – что-то ползало по лицу трупа, но смотреть не хотелось. Вообще-то мух должно было быть немного: весь магазин был завешан липучками от насекомых.

Прилавки были нетронуты. Тысячелетняя пыль лежала на трехлитровых банках, на штабелях печенья «Василек» комбината «Слодыч», на прозрачных двухкилограммовых пакетах с гречихой, овсянкой, пшеничкой, сахаром, солью. Молчаливым постовым стояла в красном углу надувная лодка «Нырок» – давняя мечта Выхухолева. Ее наполовину спущенный вид не убавлял торжественности. Теснились керосиновые лампы, и тут же, рядом, громоздились рези-

новые сапоги разных размеров – черные, зеленые и даже розовые для девушек нежного возраста. Висел портрет президента. Стояли велосипеды «Орленок» и «Аист» Минского велозавода. Прилавок с хлебом был пустым: хлеб в Малиново завозят из Глуска раз в неделю, и это единственный случай, когда вся деревня собирается побалагурить в очереди. Переполох царил только среди колбас: несколько палок в открытом лоточном холодильнике были пожеваны в клочья, еще несколько – надкусаны, на других виднелись отчетливо различимые следы собачьих лап. Выхухолев открыл контейнер кассы – Катька-магазинщица оставила ключ в замке, растяпа, так вот, выручка за вчерашний день была не тронута. Надо было вызывать наряд, организовывать понятых, но причастность к сцене смерти гипнотизировала Выхухолева.

– Пошла отсюда, – сказал он и вытолкнул ногой собаку.

Возле трупа был целлофановый пакет белого цвета, надпись зеленым италикком «ГУМ 60 лет», ГУМ – это универсам в Минске, это значит, гость приперся из самого Минска, вот беда-то. Пакет был приоткрыт, и Выхухолев на цыпочках, аккуратно так, аккуратно, все равно уже наследил, – к пакету. Тронул рукой, втянув ее в рукав кителя, нагнул, чтобы видеть, а там... Пачки с долларами США, стодолларовые купюры, перетянутые резинками, это плохо, что резинками, если бы остались банковские ленты – можно было бы определить, откуда, может, ограбление или что. Но денег было много, так много, что если перевести в белорусские рубли, то... Мысли Выхухолева путались. Он вышел на воздух. Задумчиво подошел к «газику». Нужно было вызывать наряд, организовывать понятых, но этот пакет, но доллары...

Он включил рацию «Пеленг-2», сделанную примерно тогда же, когда и сигнализация на магазине в Малиново.

Рация отозвалась бодрым шуршанием помех, через которые отчетливо пробивался голос диктора первого канала белорусского радио. Диктор читал сказку для детей или новости, разобрать было сложно, но интонация таила в себе волшебство и заряд позитива. Выхухолев сказал сосредоточенно:

– База, база, двадцать четвертый, ответьте, база.

Диктор на секунду примолк, как будто вслушиваясь в реплику Выхухолева, но тотчас же возобновил свое восторженное речение. Подумав, милиционер выключил рацию и достал сотовый телефон. Быстро набрал номер и зажмурился, на всякий случай вытянувшись по стойке смирно. Прошло некоторое время. Процесс слушания трубки был однообразным, и он, как всегда, включил громкую связь: разговаривая по телефону без громкой связи, он казался себе слишком уж гражданским лицом, хрипотца громкой связи придавала коммуникации нужную чрезвычайность. Кроме того, можно было держать телефон на отдалении от уха, как рацию, которая уже давно не работала толком.

– Ну? – отозвался телефон раздраженно.

– Сергей Макарович, это Выхухолев.

– Ну! – еще более раздраженно рявкнула трубка.

– Сергей Макарович, тут *ваш* в магазине в Малиново.

– В смысле? – удивилась трубка.

– Ну, *ваш*. Как бы это, клиент, – Выхухолев неуверенно усмехнулся.

– Какой клиент, Выхухолев, говори без выебонов?

– Труппа! Труппа тут! – еще раз попытался пошутить милиционер, но ощущение жути еще не до конца отпустило, да и был он человеком, не совсем предназначенным для удачных шуток.

- Какая труппа, чего ты хочешь, Выхухолев?
  - Судя по всему, пулевое, два отверстия, на выход и вход, спереди-сзади, самодельный бандаж, крови немного, магазин вскрыт, следов борьбы не видно, тут ночью дождь был, все замыло.
  - Кто? Из местных?
  - Да нет, видно из Минска гастролер.
  - Выхухолев, ты не знаешь, что в таких случаях делать? Маленький, что ли? Ну труп и труп. Давай в Гомель позвони, пусть пришлют экспертов. От меня что хочешь?
  - Вы зьвинице, – Выхухолев с перепугу перешел на трясянку – смесь белорусского и русского языков: он делал так всегда, когда хотел прогнуться перед человеком, находящимся выше его, выставив себя более глупым и необразованным, чем он был. – Зьвинице, што разбудзиу. Проста тут есць абстаяцельства адно.
  - Что за обстоятельство, ну?
  - Возле тела... – Выхухолев вернул себе четкость русского языка. – Возле трупа обнаружил пакет.
  - Ну.
  - А в пакете деньги. Доллары. Сотенные купюры.
- Трубка помолчала.
- А много?
  - До хуя.
  - До хуя до хуя? – уточнила трубка.
  - До хуя вообще. Я не считал, но вообще до хуя. Просто торчат аж. В пакете. С надписью «ГУМ 60 лет».
  - Ты один прибыл?
  - Один.

– Видел кто?

– Что?

– Видел кто, как ты на место преступления проникал?

– Не знаю. Ну, собака там была.

– Выхухолев, ты тупой? Из людей кто видел?

– Не, из людей не видел. То есть, может, и видел, и что? Видел-не видел – какая разница. Кто видел – скажем, что не видел, и всех делов, – Выхухолев начинал понимать, к чему клонит трубка.

– Вызывай тогда своих. Я скажу еще своим, чтобы тоже подъехали. От нашего ведомства. Потому что труп минский, все равно наших надо подключать.

– А что с пакетом делать?

Трубка снова замолчала. У Выхухолева даже устала рука, и он облокотился на машину.

– С пакетом, говорю, что делать? – напомнил он о себе, когда молчание стало чрезмерным.

– Пакет забери.

– Куда?

– С собой.

– Куда с собой? В участок?

– Нет, не в участок.

– А куда, если не в участок?

– Не в участок, Выхухолев. Потом разберемся.

– А в протоколе осмотра указывать, что пакет был?

– Выхухолев, ты тупой?

– Так указывать?

– Выхухолев, ты тупой?

– Нет, не тупой, – вежливо ответил милиционер. – Я просто не понимаю.

– Нет, не указывать. Если что, потом допишем. Еще один протокол потом сделаешь, если что. С пакетом. Ты запомни, где лежал. Потом еще сделаешь. Если что.

– Если что что? – уточнил на всякий случай Выхухолев.

– Если что то, – резонно заметила трубка.

Диалог завял: было ясно, что стороны еще многое могут сказать друг другу, но, как двое влюбленных, не могут, опасаясь, что одно единственное лишнее слово испортит магию недоговоренности.

– Ну так я зайду тогда? – уточнил Выхухолев.

– Нет, не надо заходить.

– А пакет домой?

– Заходить не надо. Потом зайдешь. С пакетом. Но потом.

– А пакет куда?

– Не в участок, – едва сдерживаясь, рявкнула трубка. – НЕ В УЧАСТОК.

– А как будем решать? Пополам?

– Ты тупой, Выхухолев? Не по телефону такое!

– А что не по телефону? – отозвался обиженный милиционер. Он хотел сказать, что на него хотят возложить груз ответственности и он хотел бы знать, какова цена риска. На его языке вертелось слово «подстава», но он не позволил ему соскочить с губ. Очевидно, собеседник Выхухолева был человеком, с которым нужно тщательно выбирать слова.

– А что не по телефону? – повторил он. – Вроде как кто может меня слушать. Смешно! А меня никто не может слушать. Только вы и ваши можете меня слушать.

– Выхухолев, не еби мозги, – предложил строгий голос из трубки. После этого раздались короткие гудки.

Милиционер остался совершенно один в деревне Малиново, рядом с магазином, в котором лежал труп неизвестного мужчины, у служебного «газика», который заводился через раз, в бронежилете, застегнутом только спереди, в шлеме, от которого пахло Выхухолевым. В органы он когда-то давным-давно пошел по зову сердца, из-за того, что там хорошо платили. С тех пор платить в органах стали значительно хуже, но Выхухолев от погонов не отказался. И вот теперь этот целлофановый пакет с долларами. Через минуту телефон Выхухолева зазвонил мелодией из мультипликационного фильма «Винни Пух». «Хорошо живет на свете Винни Пух», – бодро выводил хриловатый голос, который, как казалось Выхухолеву, был похож на голос самого Выхухолева.

– Алло? – отозвался он, включая громкую связь.

– Вот еще что, Выхухолев, – сказала трубка. – Гомельских не надо вызывать. Сами разберемся.

Выхухолев хотел спросить, почему не надо вызывать гомельских экспертов, но через несколько секунд сообразил, почему.

И вот, когда Выхухолев, перетащив пакет в машину, двинул к ближайшим хатам собирать понятых, на небе, прямо сквозь облака, проступило солнце. Вначале своей белесостью и неуверенным светом оно было похоже на полную луну, которую иногда видно по утрам из окон участка, но быстро набрало яичную желтизну и нарисовало всюду – у «газика», возле магазина, у хат, под Выхухолевым – длинные чернявые тени. Выхухолеву показалось, что это хороший знак.

Глава 2.

К постановлению о возбуждении уголовного дела

Протокол предварительного осмотра места происшествия 10 июня в 6.03 мной, майором Глусского РОВД Выхухолевым А.С., был осуществлен выезд по сигналу «Тревога» в район деревни Малиново, в магазин «Райпотребкооперация», где располагается сигнализация от взлома. Сигнализация находится в аварийном состоянии, и в связи с этим я ехал один, думая, что надо только отключить прибор. Однако, прибыв на место, выяснилось, что магазин подвергнут взлому через отверстие в разбитом стекле и решетку, замок вскрыт изнутри путем открывания защелки типа «собачка», так как он так устроен. Пройдя в магазин, мной обнаружен труп мужчины 25–30 лет, лежащий в позе «согнувшись», на полу, головой от двери, в 2 м от кассы, в 1,3 м от полки с сухими сыпучими смесями (см. схему, фото). Тело не опознано, заявлений о без вести пропавших в эти дни в Глусском районе не фиксировалось. В мужчине при осмотре выявлено два пулевых отверстия, одно располагается в 3 см влево от двенадцатого позвонка, второе – в 15 см влево вверх от пупа, стреляли сзади, в спину, возможно – при беге. Предположительно, смерть наступила 10 июня около 3–4 часов утра в результате кровопотери и ран, несовместимых с жизнью.

В карманах брюк мужчины обнаружены 2 монеты достоинством в 10 и 5 рублей (Российская Федерация), что позволяет предположить, что труп некоторое время назад прибыл из России либо имел контакты с лицами, прибывшими из России. Я имею в виду, что труп прибыл еще в живом состоянии, до того, как его убили.

Также в левом кармане брюк обнаружен кошелек «портмоне» с тремя отделениями, в нем найдены 100 (сто) тысяч белорусских рублей и 50 (пятьдесят) долларов США.

Пулевые отверстия судебно-медицинские эксперты Глусского РОВД установили как отверстия от пистолета калибра 7,62, предположительно марки ТТ (Тульский Токарев). Стреляной гильзы в помещении магазина «Райпотребкооперация» не обнаружено, ряд факторов (отсутствие разрушений от пули, прошедшей «навывлет», отсутствие пули, отсутствие порохового следа в помещении магазина) позволяют предположить, что ранение было произведено за пределами магазина, впоследствии раненый зачем-то прибыл в магазин и оставался в нем вплоть до умирания. Идентифицировать место, откуда он прибыл, по следам крови невозможно в связи с тем, что на убитом была обнаружена самодельная кровоостанавливающая повязка, которая тем не менее не остановила кровь полностью и привела к смерти. Кроме того, следы, которые могли бы указать на сторону, с которой он прибыл, замыты дождем, который шел в ночь с 9 на 10 июня в деревне Малиново и по всему Глусскому району.

Опрос жителей деревни не позволил установить круг свидетелей, владеющих данными о том, когда было совершено нападение на магазин «Райпотребкооперация» в связи с тем, что все спали (см. протокол опроса).

Других предметов на месте происшествия не обнаружено. Хотел бы особо подчеркнуть, что во время, когда я прибыл в магазин, было еще не до конца светло, в самом помещении ничего не было видно, а батареек для фонарика в нашем распоряжении не имеется. Поэтому ответственность за детальное описание и возможные упущения из виду каких-то существенных деталей или улик, имеющих отношение к данному преступлению, полностью возлагается на группу из Глусского РОВД, прибывшую в 7.25 (акт и протокол прилагается).

Кроме того, хотел бы обратить внимание на аварийное состояние автомобиля «ГАЗ», в котором нужно заменить аккумулятор.

Майор Выхухолев А. С.

Глава 3.

На белом мосту через реку Доколька Глусского района Гомельской области стояли три фигуры. Одна была высокая, подтянутостью и стройностью похожая на Дон Кихота в том виде, в каком его изображали на обложках советских книг. Сходство с Дон Кихотом было бы более полным, если бы не китайский спортивный костюм «Адидас», надетый на эту фигуру. Вторая была ниже, но интеллигентней: этой фигуре пошли бы очки, но на ней не было очков. Более того, что-то в повадках этой фигуры подсказывало, что за предложение надеть очки она могла ударить предлагающего по лицу – как раз в то место, где иные носят очки. Третья фигура издали напоминала Санчо Пансу, а вблизи – барыгу с вещевого рынка из тех, которым лучше было бы работать таксистами, так как в такси их хамоватая прижимистость смотрелось бы более органично. Все трое героев пребывали в возрасте, который юношеским называть было уже слишком поздно, а зрелым, мужским – слишком рано. Наверное, в другие времена, лет двадцать назад, к ним можно было бы обратиться «ребята» или более по-деловому: «парни». Но в нынешних декорациях оба слова смотрелись чересчур по-пионерски. Ну конечно, «ребята» – в спортивных костюмах и коже... Тот, кто повыше, называл себя Серым, к среднему и интеллигентному обращались исключительно «Шульга», Санчо Панса же носил загадочную кличку Хомяк. Долго наблюдая за ними, человек с богатым словарным запасом и опытом обращения в разных социальных слоях, не

пременно пришел бы к выводу, что оптимальным наименованием для этой троицы было бы полууголовное словечко «пацанчики».

Некоторое время поплевав на воду, троица разделилась: Хомяк остался на мосту, Серый с Шульгой проследовали к автомобилю, припаркованному у обочины, у въезда на мост. Автомобиль, на котором троица прибыла к живописным берегам реки Докольки, назывался Daewoo, пацанчики кликали его не «Дэу», а «Даеву», и это, безусловно, сообщало нам что-то важное об их взаимоотношениях с миром. Машина была собрана в России, а потому – ввиду не вполне симметричных линий и расходящихся в стороны швов более всего напоминала жука, на которого наступила чья-то исполинская нога, придавив, но не растоптав совсем. Понаблюдав некоторое время за Хомяком, стоящим на мосту, Серый и Шульга уселись в салон, причем Шульга сел за руль, а Серый рядом. Помолчали – так, как обычно молчат у костра. Наконец Шульга кашлянул, прочищая горло и заговорил:

- Вот ты знаешь, почему Хомяка Хомяком зовут?
- Неа. Потому что маленький?
- Не, не потому. Ты про его малую слышал?
- У Хомяка была малая?
- Да.
- Нормальная девка, живая?
- Да.
- Не может быть, – Серого очень удивляла мысль о том, что Хомяк мог общаться с девушкой. – Ты гонишь.
- Да не гоню, точно.
- Да ты гонишь, отвечаю.
- Да не гоню.

– Гонишь.

– Не гоню, ты дослушай!

– Ну.

– Была у Хомя нашего малая. Но это давно было, как ты понимаешь. Короче, угнал он по малолетке «Аудюху».

– Хома? Угнал?

– Ну, а чего там угонять? Там же все просто – панель снял, проводки друг в друга потыкал, искра появилась, завелась, все, тачила твоя.

– Ну?

– Угнал, приехал к цыганам отдавать на разбор, прошарил по салону, там, конечно, всякий мусор – очки темные, диски с шансоном, пачка гондонов, все позабирал, а в бардачке – коробочка подарочная. Маленькая такая. Красная. Вся в финтифлюшках этих, бантиках-хуянтиках. Перевязанная по первому разряду. Знаешь, в магазинах есть еще такие стенды, там их оформляют.

– Ну, знаю, видел. И что.

– А у Хоминой малой как раз день рождения подходит. А Хома же прижимистый, из него копейку не выжать! Все пацаны идут на пиво, сидят, он, сука, сидит, пьет, начинаем рассчитывать, все дают, а у Хомя – «только крупные купюры, пацаны!». «В следующий раз отлистаю, пацаны!». «Буду должен, пацаны!».

– Это точно! Вот это факт, точно сказал!

– Короче, что думает наш Хомяк? Он думает: у малой день рождения, а тут как раз празднично оформленная коробочка. А в ней – подарок.

– Ну, и что, подарил?

– Ну, конечно, Хома колебался: а подойдет ли подарок? Не распечатать ли коробочку? Не глянуть ли, что там, в принципе? Но это же, блядь, Хомяк! Которому на пиво за-

паadlo денег дать, понимаешь? И в нем эта хомяковая сущность взяла, конечно, верх! И он решил – подарю как есть, малая будет рада, что он, Хомяк, так разорился, так, сука, оформил ей празднично.

– И?

– Ну и вручил.

– И?

– Ну а там запонки.

Серый откинулся назад, закатил глаза и очень громко засмеялся. Слюна летела на лобовое стекло, кресло сотрясилось от конвульсивных подрагиваний, вся машина ходила ходуном.

– И что? – спросил он сквозь смех.

– И нет больше у Хомяка малой.

Серый разразился таким хохотом, что если бы в радиусе километра был спящий медведь, он бы проснулся и предпочел убраться подальше. Серый барабанил ладонью по приборной доске, потрясал кулаком и даже икал, показывая, как его рассмешил Шульга. Похоже, он смеялся бы очень долго, если бы задняя дверь машины не хлопнула и в салоне не оказался сам Хома.

– Выкинул? – спросил у него посерьезневший Шульга.

Хомяк молчал.

– Выкинул, ну? – переспросил Серый.

Вместо ответа Хомяк достал из-за пазухи большой пистолет, в котором эксперт безошибочно опознал бы Тульского Токарева, известный также как «ТТ». На стволе у пистолета была длинная царапина.

– Не, не могу, – вздохнул Хомяк. – Пацаны, ну зачем вещь выкидывать? Ведь вещь же. Ну, вы посмотрите только. Вещь!

– Хомяк, мы тебе зачем пистолет дали?

– Зачем? – переспросил Хомяк.

– Затем, чтобы ты его выкинул в реку, – объяснил ему Шульга. – Почему ты его не выкинул?

– Не могу, пацаны. Вещь же. Денег знаете, каких, стоит.

– Хомяк, этот пистолет сейчас все менты Глуцкого района и всей Гомельской области ищут. Ты хочешь, чтобы на тебя стрельбу повесили, а, Хомяк? Давай – напорол иди выкидывай!

– Не могу, пацаны.

– Хомяк, – обратился вдруг к нему Серый с такой интонацией, будто его вот-вот прорвет на смех. – А правда, что у тебя была малая и ты ей запонки подарил? Которые спиздил? В коробочке подарочной?

Вместо ответа спрашиваемый просто тихо выпал из машины. По всей видимости, вспоминать об этой истории было ему еще менее приятно, чем выкидывать в реку стоящую вещь.

– Ты смотри, реально правда! – оценил Серый.

Шульга о чем-то задумался.

– Слушай, – все никак не хотел серьезнеть Серый, – так я так и не понял, почему Хомяка Хомяком назвали.

– Я ведь тебе историю рассказал.

– Ну и что, без малой он, дурень, остался, и что? Как это связано?

– Да то, что запасливый больно. И прижимистый.

– А хомяки прижимистые вообще?

– Ты хомяков видел?

– Ну да. Бегают такой маленький, срется все время. Как крыса, только яйца меньше.

– Ну ты зоолог, Серый! Ну вообще – всем зоологам зоолог! Хомяки во рту запасы держат. Семок ему даешь, он наберет в рот и грызет потиху. Потому что запасливый.

– Ааа! – понял Серый и снова засмеялся. Шульга не подержал смех, без улыбки глядя на реку, петлявшую через луга и пропадавшую из виду за далеким бугром. Хотелось идти за этой рекой, идти до усталости, до изнеможения, идти, как в детстве, когда все опасности были нарисованными и легко решались криком «мама!».

– Чего нос повесил? – хлопнул Шульгу по плечу Серый.

– Да так. О Жирном думаю. Как он там.

– Нормально он там, мне кажется.

– Задело, думаешь?

– Ну, выглядело так, будто задело. Споткнулся он, помнишь? Где он сейчас, кстати?

– В ментовке скорей всего. Деньги ментам отдаст, они его в больницу определят, вылечат.

– На хуй он побежал?

– Богатым быть захотел, ясно. Думал, убежит, – Шульга философски достал из пачки сигарету и закурил. Было видно, что мысли стать богатым посещали его когда-то давным-давно, но с тех пор он изрядно повзрослел.

– А чего нам теперь делать? Что Пиджаку скажем? – поинтересовался Серый.

– Подождем, пока Жирный объявится, узнаем, где его держат, позвоним Пиджаку, все по чесноку расскажем: уебал, деньги забрал, мы пытались остановить, не смогли, деньги теперь в деле, мы достать не можем. Мы вообще в розыске, наверное. Хотя хуй его знает. Может, и не в розыске. Погодить надо. Короче, пусть Пиджак деньги из дела извлекает. Мы тут при чем? Мы вообще ничего плохого не сдела-

ли. Нас наказывать не за что. А Жирному, конечно, точно пиздец – достанут отовсюду. Там же столько было... – Шульга затруднился определить размер суммы, о которой шла речь. – Реально до хуя... Чем он думал?

– Пойдем, Хомяку поможем пушку выкинуть, – оборвал его Серый. Воспоминания о событиях прошедшей ночи окончательно вернули его из расслабленно-добродушного состояния в мрачную сосредоточенность.

Хомяк внимательно смотрел на воду, свесившись через металлические перильца.

– Ну что, где ствол?

– Выкинул, – быстро ответил Хомяк.

– Точно выкинул? – заглянул ему в глаза Шульга, который прекрасно знал натуру приятеля.

– Да выкинул, выкинул.

– Не пиздишь? – приобнял его сзади Серый.

– Неа. Точно. Что мне, охота в тюрьму из-за этой железки?

– И куда выкинул? – для порядка поинтересовался Шульга. Он все еще не был уверен в том, что Хома исполнил поручение.

– Да вунь туды! Под камыши. Видишь, блестит? – протянул руку Хомяк.

Серый и Шульга внимательно всмотрелись, но никакого блеска не увидели. Однако журчание реки настраивало на умиротворяющий лад. Хотелось верить всем живым существам, давать в долг и есть шашлыки на берегу.

– Илом его занесет, видно ничего не будет, – пояснил Хомяк дальнейшую судьбу пистолета. – Хай там лежит спокойно.

– Далеко нам еще? – вопрос Серого был обращен к Шульге, из чего следовало, что один только Шульга и знает, куда едет эта тройца.

– От Глуска мы сильно отъехали?

– Километров сорок уже.

– Значит, уже подъезжаем. Скоро будем.

В окружающей тишине, прерываемой трассирующим писком стрижей, раздался вдруг очевидно инородный звук, совершенно точно не относившийся к миру сонной реки, луга, далекого леса. Звук диссонировал с окружающим ландшафтом примерно так же, как диссонировал бы звук приближающегося товарного поезда с тихим шелестом океанического прибоя.

Все трое напряглись.

– Машина, – наконец, определил Хомяк. – По съебкам?

– Спокойно, – поднял руку Шульга. – Чего нам ссать?

– Менты, – пояснил Хомяк.

– Это не менты, – веско, с интонацией Шерлока Холмса из известного советского фильма, возразил Шульга. – Менты бы неслись, этот едет тихо. Менты ездят на металлоломе, здесь по звуку нормальная машина. Может, Пиджак едет. А от Пиджака бегать чревато, он чуть что шмаляет на поражение. Ждем.

– Пацаны, поехали, ну? – сучил ногами Хомяк.

– Ждем, ждем.

Показалась машина. Была она крашена в легкомысленный салатный цвет, на бортах ясно различались буквы Rent-a-Car.

– Смотри ты, номера литовские, – заметил бдительный Хомяк. Его голос звучал спокойней. Было видно, что литовских номеров он не боится и даже готов им хамить при возможности. Машина плавно сбросила скорость и остановилась. Стекло пассажира поползло вниз. За рулем обнару-

жился мужчина лет около сорока пяти–пятидесяти с седьмой в волосах. Мужчина также был оснащен ухоженной бородой, белая рубашка была выглажена, пожалуй, с чрезмерным тщанием для Глусского района. Было видно, что сам себе он напоминает молодого Шона Коннери и намерен придерживаться этого сравнения еще минимум пять лет, после чего может переориентировать свою внешность на стареющего Хемингуэя. Мужчина подался вперед через пассажирское сиденье и сказал с оттенком снисходительности к аборигенам:

– Здравствуйтесь, – его акцент был, без сомнения, французским, отсюда же и та певучесть, с которой он выдал это простое русское слово.

– Хай Гитлер, – бодро откликнулся Серый.

Мужчина настроения Серого не понял и продолжил:

– Я ничего не понимаю. Я ехал сто километров и нигде увидел никакой заправки, где можно платить карточкой. Банковская карточка, Виза Голд? Вы знаете, что такое?

Было непонятно, жалуется ли он на жизнь или имеет деловое предложение.

– Ты чего с людьми через дверь разговариваешь? – тоном мастера в профтехучилище спросил Серый, медленно обходя машину. – Тебе выйти западло?

– Серый, Серый, не бычи, не надо иностранцев бить, тут мигом милиция будет. И Интерпол. И МИД с гэбней. Не надо, Серый.

– А кто сказал бить? Я поговорить хочу, – весело, с хрипотцой, сказал Серый, приоткрывая дверцу машины иностранца.

Серый держал себя в руках:

– Выйди, стань, как человек.

Француз понял, что попал в социальную ситуацию, которая выходит за рамки его привычного опыта в Восточной Европе, и предпочел послушаться.

– Я этнограф, – сказал он на всякий случай выходя.

– Знаем, какой ты, блядь, этнограф, – Серый ласково взялся за дверцу машины, не давая ее закрыть. – Чего тут шпионишь? Хули тебе тут надо?

Слово «блядь» француз понял, как понял он и слово «шпион». Темп его речи изменился, стал быстрым и сбивчивым. Внезапно он стал похож на рядового просителя в поликлинике или исполкоме.

– Друзья, – сказал он быстро, почти не исковеркав это слово. – Друзья, я есть в беду. Беда превратился я. Я этнограф. Собираю материал эмпирик для диссертации докторовской. Материал, друзья. Разговариваю в деревне, много-много деревни, с вашими бабушками. Я не есть шпион, этнограф не шпион есть.

Серый слушал внимательно, как красный командир на допросе взятого в плен языка. Иностранец его раздражал, причем раздражал не из-за ухоженной внешности, не из-за лощенной машины, но – из-за того, что был иностранцем.

– Я ехал в дороге через Гудагай, Гудагай, Ошмена, Волковиск, Минск, был в Минске. Вы были в Минске, да?

– Блядь, спрашивает, были ли мы в Минске, – обратился к приятелям Серый таким тоном, будто с ним заговорила обезьяна. – Да ты знаешь, откуда мы вообще сюда? Кто мы, знаешь? Ты чего, думаешь, мы, блядь, тут на мосту живем?

Иностранец предупредительно замахал рукой, показывая, что у него нет никаких предрассудков и предубеждений, что он вовсе не думал ничего такого и вообще – дайте же ему закончить!

– Я ехал, ехал, ехал, долго, после Минск, после Осиповичи – не мог нигде заправиться. В Осиповичах одна заправка, я у них просить: «Виза Голд»? А они говорить: «Нам виза не нужна, мы местные». Говорить: «Тебе виза нужна, ты иностранец. Белорусская виза. Но мы не дадим, у нас нет». Это дико, я не могу залиться! В Литве могу залиться, тут не могу! Я почти сухой, мне нужно немного газа, чуть-чуть, у вас девяносто второй в вашей втулке?

– Дядя, едите отсюда, пожалуйста, – решил вступить в беседу Шульга, хорошо знавший Серого. – Пожалуйста. Быстро.

– Быть может, вы мне можете лить немного вашего бензина? Я заплачу. Лить, знаете? – иностранец, как мог, показал руками шланг и изобразил сосущее движение, которое, как ему показалось, символизировало создание условий для появления нужного давления для начала движения топлива из одного бака в другой. Но Серый сосущее движение понял по-другому.

– Ты кому, блядь, сосать предлагаешь? Пацаны, вы видели, он говорит «соси»? Мне говорит «соси». У него. Он не охуел?

– Серый, успокойся. Чувак без бензина почти. Просит бензина слить ему. Вот и все, – просил Шульга

Но Серого было не унять. По его представлениям за предложение отсосать он должен был убить иностранца на месте, убивать же в планы Серого не входило, поэтому он решил избрать другую, менее опасную для иностранца, тему для разговора. Речь идет об общей истории.

– Что, немец, стрелял в моего деда во Вторую мировую? – выдохнул он почти ласково.

– Но я не служил в вермахте, – удивился француз.

– Ну-ну. Все вы не служили.

– Я этнограф.

– Все вы, блядь, кто этнограф, кто радист, блядь, кто повар. Непонятно только, кто тут деревни жег, когда все, блядь, этнографы и повары.

– Серый, Серый, – снова вступил Шульга, – ты ебнулся! Ему ведь сорок лет! Какая, на хуй, мировая? Его еще не было тогда!

– Я из Франции! Я не германец, – наконец, понял суть претензий к себе француз.

– Да один хуй! Что Франция, что немцы!

– Они не воевали против нас, французы, Серый, ты че? – попытался образумить приятеля Шульга.

– Ага, расскажи. Я, типа, блядь, тупой. Я, типа, блядь, не знаю. Они заодно были. У них этот... Как его... Муссолини был! Что, ссука, любишь своего Муссолини?

Француз молчал, Серому казалось, что молчал пристыженно, на самом же деле молчание иностранца было растерянным. Он не знал, что сказать, и ни разу в жизни не бывал в настолько тупиковой ситуации.

– Нельзя фашистом быть, понял, ссука! – почти просил того Серый. – Мы тебе бензина отольем, а ты пойдешь и деревню сожжешь! В Хатыни был, блядь? Ну, был?

Иностранец помотал головой.

– Ты едь давай в Хатынь. На хуй сворачивай своих бабуль и едь в Хатынь. Помяни! Извинись! Посмотри, что вы там натворили со своим Муссолини. И извинись! Целую деревню дотла спалили. Один дед остался в живых. И у того внука убили. И он там стоит, памятником, а на руках пацан мертвый. Иди, блядь, извинись, сука! Я там плакал, когда в пионерах был! – признание Серого прозвучало слишком сентиментально и, чтобы вернуть себе ореол мужественности, он изо всех сил шарахнул по металлу машины кулаком.

Иностранец заметно вздрогнул.

– Едь давай. В Хатынь!

Француз понял, что ему представилась возможность остаться в живых, и торопливо сел за руль.

– Смотри, блядь! В Хатынь. Если узнаю, что в Хатыни не был – найду и урою! – кричал ему в лицо Серый. Серый был страшен. – Потому, что нельзя фашистом быть, как ты! Нельзя женщин и детей стрелять, как ты, понял?

– Ну все, Серый, уймись, – успокаивал его Шульга. – Пусть себе едет в Хатынь. Отпусти. Война закончилась.

– Но, блядь, мы должны о ней помнить, ясно? Иначе будет другая война!

Шульга согласился: никто не забыт, ничто не забыто. Француз торопливо завелся, развернулся и уехал в том направлении, где, по его мнению, располагалась эта загадочная Хатынь. Больше о нем в Глусском районе никто ничего не слышал.

Глава 4.

К дому Кабана подъехали почти сразу после полудня. Помимо Выхухолева, были еще сержант Андруша и два лба из РОВД, взятых на тот случай, если Кабан решит оказывать сопротивление: пусть лучше оказывает на них, они молодые, им полезно. Выхухолев предупредительно открыл перед ними калитку, запустив во двор. Одного поставил у окна и объяснил, что делать, если субъект решит сигануть через форточку. Второму наказал идти вперед, в дом: Андруша помог завязать на дурне броник.

– Каго биром? – спросил тот, и вопрос скорей касался меры жестокости, которую можно было проявлять.

– Главного подозреваемого, – лаконично разъяснил Выхухолев. – Можешь не церемониться, если что, сначала бей, потом спрашивай, что к чему.

– Гы-гы, – белозубо улыбнулся румяный страж порядка.

Хата выглядывала из бурьяна, как лошадиная кость из помойки. У входа росли огромные, в рост человека, борщевики, во дворе уже несколько лет не подкашивали былье, зато Выхухолев с удовлетворением отметил наличие тропки, проложенной в сторону туалета: подозреваемый ходит во двор, значит, не будет наложено внутри, в сенях или прямо посреди жилых комнат, как случалось порой у иных особенно тяжелых сельских алкоголиков. Утро выдалось напряженным и развивать его депрессивность отскребанием человеческого кала от служебных берцов не входило в планы Выхухолева. Забор местами повалился, выпустив бурьян Кабана на соседний участок. Рядом с домом стояла старая липа, силуэт которой искренне предлагал на ней повеситься.

– А ён там? – снова спросил лоб, которому предстояло войти в хату первым.

– А мне почем знать. Наверное, там. Дверь вон не замкнута. Где ему еще быть? Настраивайся серьезно, – предупредил его Выхухолев.

Лоб рванул на себя дверь и загрохотал ботинками внутри. В сенях споткнулся обо что-то, ругнулся вполголоса и потопал дальше.

– У вас курить есть? – спросил сержант Андруша. Он заметно волновался за коллегу.

Выхухолев не посчитал вопрос достойным ответа.

– Няма тут никога! – донеслось из дома. – Только бутылки пустые.

Аккуратно двинулись за ним. В сенях стояла огромная бочка с грудой окаменевшей соли: по всей видимости, некогда жилец этого дома украл много-много соли, складировал ее тут, да не накрыл толком, позабыв о протекающей крыше. У самого окошка стояла миска с прошлогодним мерзлым картофелем: не исключено, его выкопали с колхозного поля несколько дней назад. Тут же лежал качан капусты с явно различимыми следами зубов. Сразу за сенями шла пустая комната, служившая когда-то кухней, да из нее уже вытащили все то, что ее кухней делало: продана была даже плита с газовым баллоном, не говоря уже о таких ходовых вещах, как стол, стулья или занавески. Из кухни узкий коридор вел в спальню, организованную у большой крашенной в белый печи. В спальне главной достопримечательностью была кровать, она одновременно играла роль шкафа, который тоже был пропит. На кровати грудой была навалена одежда, которая все еще была во владении Кабана: зимний тулуп, три свитера грубой вязки, два женских платья давным-давно убежавшей жены, три тома из полного собрания сочинений Антона Чехова, отвертка крестиком и коловорот, явно подготовленные на продажу. Еще на кровати спала мирным сном курица, и одновременно с обнаружением курицы Выхухолев заметил, что деревянный пол равномерно закидан куриным пометом и он почти наверняка в него вступил, так что без отковыривания кала от берцев сегодня все-таки не обойтись.

– Ну и где он? – озадаченно спросил Выхухолев.

– Нидзе, – ответил милиционер, шедший первым. – Тут хаваться асоба некуда.

Погреба в хате не было, черных дверей тоже. Оказавшись перед печью, Выхухолев обратил внимание на обильно развешанных здесь на просушку карасей. Еще он обратил внимание на подпечек.

– Надо проверить подпечек, – строго распорядился он.

– Зачем его проверять, нет там никого! – горячо возразил Андруша, который испугался, что проверять подпечек отправят его.

Выхухолев заглянул в лаз, ведущий вниз: там не было видно ничего, а батареек для фонарика в отделе не было.

– У меня бабка всю зиму при немцах в подпечке пряталась. Боялась, что изнасилуют, – философски сказал Выхухолев и кивнул хлопцу в бронежилете. – Давай, ползи.

– А чаму я?

– Потому что на тебе броник. Вдруг он там с ножом, а? Давай, полез.

Милиционер пыхтя стал на четыре конечности и двинул вниз.

– Тута сажа, – жалобно подал он голос снизу.

– Не выдумывай, – оборвал его Выхухолев. – В подпечке разве что уголь складировать могли, но его не топят, он же без вентиляции, никакой сажи там нет.

Некоторое время снизу раздавалось сосредоточенное пыхтение.

– Никога! – крикнул милиционер.

– Точно?

– Да!

– Вылазь тогда давай! – распорядился Выхухолев. Он был озадачен.

Милиционер вылез действительно весь перепачканный сажей и, грохоча берцами, пошел мыться к колодцу.

– Что сейчас, товарищ майор? – спросил у него Андруша.

– Поедем брать Ваську Жабоеда, – вздохнув, ответил Выхухолев. – Он у нас тогда будет главным подозреваемым.

Они уже почти покинули хату, как курица со встревоженным квохтанием спрыгнула с кровати и, кинувшись под ноги Андруше, унеслась прочь. Обернувшись, Андруша и Выхухолев обнаружили, что тулуп, свитера, отвертка на крест и коловорот шевелятся, как будто в хате случилось землетрясение с эпицентром на кровати.

– О как, – отозвался оторопевший Андруша.

Из-под завалов тем временем восстал плюгавый Кабан собственной персоной. Он напоминал одновременно мертвеца, восставшего из могилы, и медведя, разбуженного от спячки. Его губы обилием трещин, слоев и переливов напоминали фрагмент венецианского дома, находящегося под охраной ЮНЕСКО. Помимо губ запоминался его кадык, заросший клочкообразной щетиной, и прическа, как будто съехавшая с головы.

– Кабан? – на всякий случай поинтересовался Выхухолев.

– Бля, пить дайте, – ответил восставший. – Пить дайте, не могу, бля.

– Что, Кабан, опять вчера нарезался?

Кабан не посчитал вопрос достойным ответа.

– Пить дайте чего, не могу, срочно пить, ну, давай пить! – с оттенком праведного гнева обратился он к двум человеческим существам, стоящим у ложа, и сцена обнаружения червей в мясе матросами «Потемкина» в одноименном фильме выглядела менее пронзительно.

– Неси воды! – распорядился Выхухолев плескавшемуся во дворе лбу.

– Не, ну серьезно, Кабан, пил вчера?

– Пил, – честно ответил Кабан.

– Ночью пил? – Выхухолев придержал консервную банку с животворной влагой, споро принесенную ему с улицы.

- Пил, – честно ответил Кабан. – И ночью тоже пил.
- А когда начал пить? – Выхухолев уже протягивал ему воду.
- Ну, как проснулся, так и начал.
- Ты вот объясни мне, Кабан, я просто не понимаю, – заговорил потрясенный Выхухолев, – вот откуда у тебя деньги на бухло? Вот я тоже, Кабан, быть может, хотел бы так: проснулся, бухнул, днем еще добавил, а ночью уж совсем смертельно закидался. Только у меня, Кабан, у меня, служащего в рядах министерства внутренних дел, у меня – не имеющего взысканий, человека, в подчинении которого – люди, в распоряжении – транспорт и средства связи, так вот, у меня, Кабан, нет денег на такой образ жизни. А у тебя, Кабан, есть. Объясни.
- Перепел, – со спокойствием античного стоика возразил ему Кабан. – Пришел ко мне перепел. И накрыл, ссука, крылом. Плохо мне, Выхухолев. Отъебался бы ты, а?
- Нет, Кабан, ты мне объясни.
- Опять пришел нотации читать про антисоциальный образ жизни?
- Нет, Кабан, на этот раз все гораздо хуже. Но ты сначала объясни.
- Да что тебе объяснить, Выхухолев?
- А то объясни! – повысил голос до крика милиционер. – То объясни! А то у меня, видишь, бойцы молодые на тебя смотрят и завидуют. И спрашивают у меня: Выхухолев, а зачем нам служить в рядах милиции, если можно вон, как Кабан – бухать напропалую? Каждый день!
- Так что тебе объяснить, не понял, – равнодушно вступил в полемику восставший.
- Откуда деньги у тебя на бухло объясни.

– Ну как. Ну вот вчера я Зинаиде прицеп дров наколол. Она мне полтос дала. А полтос это на два дня хватит, если разумно распорядиться. Мне, Выхухолев, бутылки чернил на целый день хватает: три капли выпил и, если не есть ничего, ходишь под кайфом. Только перепел от них суворый. Так что я не знаю, чего тебе объяснить. Если ты в такой сложной форме выпить просишь, то иди ты на хуй, вот что. А если по-человечески за жизнь поговорить хочешь, так мой разговор такой: осенью грибки собираю, кукурузку, продаю на рынке, хватает.

– Ворует он кукурузу, с полей колхозных, – перебил Кабана Андруша.

– Зимой рыбка сушеная, я рыбачить мастак, сушу потиху. Нет, ну если ты, Выхухолев, решил бомжевать, так я тебе за три минуты всю арифметику не выдам.

– С соседских огородов он живет и вещи жены распродает, – мрачно заключил Андруша. – Вот и вся арифметика.

– Собирайся, Кабан, поедем в участок, – подвел черту под разговором Выхухолев.

– Как в участок? – удивился Кабан.

– Так в участок.

– На каком основании?

– На таком основании.

– А где санкция прокурора? Чем мотивируете арест?

– Ты, Кабан, фильмов американских пересмотрел. Какая санкция прокурора?

– Беспределишь, начальник? – профессионально изменил интонацию Кабан.

– Ну, если ты хочешь за юриспруденцию поговорить, – спокойно и веско возразил Выхухолев, – так я готов поддер-

жать разговор. Во-первых, я тебя не арестовываю, а задерживаю. А до выяснения никакой санкции прокурора не требуется. Во-вторых, оснований у нас более чем достаточно.

– Это каких таких оснований, – сразу оробел Кабан. Было видно, что он не очень знаком с тюремной юриспруденцией.

– Ты размахивал руками и ругался матом.

– В смысле?

– Без смысла. Свидетели, а у нас тут их трое, видели, как ты размахивал руками и ругался матом. Грубо нарушал общественный порядок.

– Так я ж дома.

– А свидетели видели тебя на улице. И это мы еще не начали говорить за то, что ты ночью натворил.

Кабан притих. События прошлой ночи вспоминались ему в весьма неясных очертаниях и путались с событиями позавчерашней ночи и всех предыдущих ночей, проведенных под сходным градусом. Кроме того, они накладывались на сновидения, которые порой носили пугающий, порой – чарующий характер, но всегда были реальны примерно в той же степени, в которой было реальным странное существование Кабана, проводимое в лихорадочном стремлении накопить на бутылку, выпить бутылку, после чего как можно скорей похмелиться новой бутылкой, потому что зависимость от плодово-ягодного вина, получаемого путем добавления некачественного спирта в брагу из полуспелых фруктов, смешанных с дрожжами и сахаром, – страшна и по своей силе приближается к морфиновой.

– Надолго одеваться? – спросил Кабан прибито.

– Надолго. Тулуп на всякий случай возьми. Или ненадолго. Все от тебя зависит, – ответил ему Выхухолев.

Его несколько смутило, что Кабан сдался так легко: он ожидал мордобоя, погони – всего того, что потом дало бы моральное право на жесткий допрос. «Курицу не замкните», – распорядился он на улице. Ему было жалко курицы.

Глава 5.

Глусский РОВД размещался в доме купца Розенфельда, дети которого торговали лесом, внуки были расстреляны НКВД, а правнуки уехали на историческую родину при первой возможности, еще в начале восьмидесятых. В разные годы в этом здании успели побывать ГПУ, НКВД, Гестапо, Военная контрразведка и КГБ, так что традиции тут въелись в стены, а камеры в подвале содержали обширный набор граффити на немецком, белорусском, русском и идише.

Для допроса Кабана Выхухолев решил использовать свою собственную комнату: мебель здесь не была прикручена к полу, как в некоторых узкоспециальных кабинетах, зато от долгого сидения на стуле у допрашивающего не затекала спина. А разговор намечался долгий.

– Все пьешь, Кабан, – пожурил его Выхухолев для разгона.

Кабан, которого уже успели на всякий случай обрядить в наручники, взмолился:

– Начальник, давай по-быстрому и уже отпускаяй, похмелиться надо.

– Стремление похмелиться – признак хронического алкоголизма, – наставительно произнес милиционер. – Лечиться тебе надо было, тогда бы, глядишь, не стал бы матерым рецидивистом.

Кабан, сознание которого плавало в ядовитой смеси из абстинентной лихорадки, головной боли, неуверенности

в реальности реальности, жажды, не утоляемой неспиртосодержащими жидкостями, отвращения к тому образу жизни, который он вроде как не избирал, но в который привык безропотно встраиваться каждое утро, – мучительно пытался понять, куда клонит Выхухолев.

– Что я такого натворил? – аккуратно поинтересовался он.

– Я тебе так скажу: в твоём проступке, нет, давай начистоту, в твоём преступлении, да-да, преступлении – есть и моя вина, Кабан, – с намеком на искренность признался Выхухолев, и тут Кабану стало не по себе, ибо когда такой человек, как майор милиции Выхухолев, готов признать какую-то собственную оплошность, стало быть, ситуация сверхординарная и, не исключено, угрожающая. – Мне, Кабан, нужно было не наблюдать твоё антисоциальное поведение, но принимать меры. Понимаешь? Нужно было отправить тебя в профилакторий, на принудительное лечение, проследить, чтобы ты устроился на работу, составить график регистраций, чтобы ты являлся, рассказывал о своих успехах, словом, взять на контроль. Просмотрел я тебя, Кабан.

– Да что я сделал?

– А ты не помнишь? – Выхухолев обошел стол и расстегнул наручники, обозначая новую, предельно доверительную, страничку их отношений.

– Не. Не помню.

– Что ты делал ночью, расскажи.

– Ну как что. Ну, пил.

– А ещё что делал? Пить – это не занятие.

– Ну, спал.

– А во сколько лег спать?

– Не помню.

- Ну примерно.
  - Ну не помню, начальник. Ну может, в десять. А, может, и в час. Не помню.
  - А что делал перед сном?
  - Пил.
  - А где пил?
  - Не помню.
  - Эх, Кабан, Кабан, даже жалко тебя. Никакого раскаяния. Ты зачем человека убил? А?
  - Я? Человека?
  - Да, ты, человека.
  - Как убил?
  - Из пистолета, Кабанов. Два отверстия в человеке оставил. Одно входящее, другое – выходящее.
  - Да не может быть, Выхухолев, да ты что! Не убивал я!
  - Ты еще скажи, что магазин ты не вскрывал.
  - Какой магазин?
  - Ну как какой? У вас там в Малиново один магазин. От «Райпотребкооперации».
- Кабан примолк: он пытался вспомнить ночную вылазку в магазин, но не помнил ее. Но – что его пугало – не мог он припомнить и другого ночного воспоминания, ухватившись за которое, он мог бы убедить самого себя, что в магазине не был. Более того, похолодев, он осознал, что идея грабануть магазин «Райпотребкооперации» не однажды приходила к нему в голову, когда собранных в лесу грибов, выловленных в речке карасей, выкопанной у соседа картошки никто не покупал, а выпить хотелось. Тем более, что решетка в магазине была сделана бестолково, как он заметил.
- Выхухолев, ты скажи мне: как этот магаз вскрыли?

– Ну, а как его можно вскрыть? Разбили окно, в окно руку просунули, дверь открыли – и всей науки.

– И что, там на окне не осталось никаких доказательств? Ну, в смысле, что это не я?

– Нет, Кабан, все как раз говорит, что это сделал ты. А алиби у тебя нет.

– Как нет, есть! – уцепился подозреваемый за обнадеживающее слово.

– Какое у тебя алиби? Где ты был ночью?

– Дома, спал.

– Это не алиби, Кабан. Видел тебя кто-нибудь спящим?

– Не, ну ты чудишь, Выхухолев. Кто меня мог видеть спящим? Баба от меня, ты же знаешь, ушла.

– Ну вот, стало быть, ты убил.

– Кого убил? Катьку-продавщицу?

– Нет. Хмыря какого-то, я сам его не знаю.

– А что за хмырь?

Выхухолев достал худенькую серую папку с надписью «Дело №» и вытряхнул из нее несколько снимков. Отобрал самый жуткий, с мертвым лицом, снятым крупным планом, и протянул Кабанову. Зрелище разверстого рта парализовало страдающего похмельем человека.

– Знаешь его? – уточнил Выхухолев.

– Не знаю. Мерзкий какой-то, когда мертвый. Не знаю, когда живой, а мертвый мерзкий. А что за он? С чего мне его убивать? Не, Выхухолев, это дурость какая-то. Образовался у тебя висяк, так решил ты на меня его определить. Только я не возьму, не убивал, не, ни хуя, я вообще никого в своей жизни не убивал, только кур и кабана, но они не в счет.

– Не убивал, значит?

– Не убивал. Выхухолев, отпуская уже, мне похмелиться надо, – Кабан встал, показывая, что разговаривать больше не будет.

– Кабан, ну ты понимаешь, что я только предварительную беседу веду?

– Да, понимаю.

– И мне по горячим следам нужно предложить какую-то версию.

– Ну.

– А потом подключится прокуратура, следователи, они будут работать, восстанавливать по деталям, скрупулезно.

– И что? Мне похмелиться надо, Выхухолев.

– И что? А то! Не могу я тебя отпустить, пока мы с тобой документ не напишем.

– Что за документ?

– Чистосердечное признание. Тут процедура такая. Пришел, пока признание не напишешь, придется тебя мариновать.

– А если напишу?

– Сразу свободен.

– Да ну.

– Ну да, Кабан! Ты про майора Пронина книжку читал?

– Не, не читал.

– А напрасно. Интересный детектив, о работе в органах. Так там все написано. Ты должен написать признание, что виновен, а потом прокуроры и следователи будут восстанавливать каждую деталь, доказывать, что ты не виновен. А вину у нас в стране вообще суд устанавливает.

– И что, я свободный сразу буду?

– Ну конечно, свободный. Но для освобождения нужно основание.

– Что за основание?

– Я ж говорю, чистосердечное признание. Готов написать?

– А без этого нельзя уйти?

– Не, Кабан, без этого нельзя уйти. Либо пиши признание, либо сиди тут до упаду.

– И что написать?

– Ну все, как было, как пришел, как убил.

– Да я ж не убивал!

– Да понятно, что не убивал, но бумага нужна, иначе тебя нельзя отпускать. А то как это – человека я задержал, допросил, а бумаги нет. Беспредел это?

– Ну да, беспредел, – согласился Кабан. Идея о том, что каждый раз после прихода в милицию должна появляться некая бумага, ему, в целом, понравилась.

– А как я напишу, как я убивал, если я не знаю этого хмыренка и не знаю, как его прибили?

– А ты подумай.

– А если я не так напишу. Это же враньем будет!

– Ну вот следователи это увидят, что вранье, суд увидит. Все поймут, что ты не виновен. Вот тебе бумага, пиши.

– Ну ладно. И что писать?

– Ну вот начни так: «Чистосердечное признание» – по центру сверху.

Кабан сгреб ручку в кулак и, пыхтя от усердия, вывел сложно узнаваемые каракули на листе, оставив кроме слов, еще и жирный след нечистой ладони.

– Что ты написал, дубина? – вскрикнул Выхухолев.

– А что я написал?

– Прочитай.

– Чистосердечное признание.

– «Чистосердечное» пишется в одно слово! Что ты, на фене болтаешь в официальном документе? Как ты додумался, вообще – «чисто сердечное признание»? Ты что, пацанам предьяву пишешь, шконку тебе освободить просишь? Ладно, Кабан, давай я на компьютере текст напечатаю, а ты подпишешь.

– Ну ладно, пусть так.

Подождали, пока загрузится компьютер. Кабан с удивлением обнаружил, что со временем его похмелье не только не отступает, но даже наоборот усиливается. Более того, обстановка милицейского кабинета развивает его в сторону усугубления депрессивности. Тем временем, Выхухолев открыл программу и приготовил указательные пальцы для печати.

– Ну что, рассказывай.

– Да что рассказывать. Не знаю я ничего. То есть, не помню. Пьян же был. Ты пойми, Выхухолев, если я что навсамделе натворил, я отказываться не буду: не по-божески это. Вот если следователи эти твои докажут, то нормально.

– Ладно, давай уже не начинать по второму кругу. Как вы встретились?

– Да не знаю, как встретились.

– Ты думай, Кабан.

Кабан задумался. Процесс выдумывания истории увлек его.

– Ну, поскольку я его не видел, видно, он к нам в Малиново зачем-то приехал. Я к нему подошел, говорю, эй, ты, дай закурить, потому что не местный. А он мне...

– Кабан, так подробно не надо. Вот я пишу: «С убитым познакомился 10 июня».

Пальцы Выхухолева задолбили по клавиатуре. Та кряхтела и потрескивала: было видно, что долго она такого отношения не выдержит.

– Когда, днем или вечером познакомились?

Похмельный прикинул: день он еще как-то помнил, заходил к Жабоеду, они с ним кумекали за политику и никакого постороннего хмыря рядом не просматривалось. Потом он выпил пару капель, память ему отказала, и больше четких воспоминаний не было.

– Пиши, Выхухолев, что вечером познакомились. Около восьми вечера. Приехал, он значит, в село, вопрос, конечно, как приехал, ведь автобусов уже не ходит, а если на машине приехал, так люди бы знали. Другой разговор, если сам пришел, пешком, тогда люди могут не знать. Ты бы поговорил с людьми, Выхухолев.

– Это неважно пока. Вот я пишу: «С убитым познакомился 10 июля». Что делали вместе?

– Не знаю. Что мы могли делать? Не в танчики же играть. Не дети же.

– Ясно. «Сразу после знакомства начали предаваться совместным возлияниям».

– Я вообще-то абы с кем не пью, Выхухолев. Вот с тобой бы точно не пил.

– Неважно, Кабан, ну оказался хорошим человеком, решил ты с ним выпить. Что дальше? Как в магазине оказались?

– Ну ясно, как, – Кабан вздохнул. Ему было стыдно новым для него типом стыда – стыдно за то, что он совершил, за что вроде как нес моральную ответственность, но чего не помнил. – Решили мы магазин вскрыть.

– Почему?

– Ну ясно, почему. Не в танчики же играли. Не дети.

– Значит, так пишу: «Решив продолжить возлияния, совместно, организованной группой лиц, мы задумали кражу со взломом». Так?

– Ну, похоже так.

– Я тогда дописываю: «Поскольку денежных средств для покупки спиртного не имелось».

– Складно.

– Не складно, – Выхухолев расстроено хлопнул по столу рядом с клавиатурой. – Херня у нас с тобой получилась, Кабан.

– Почему? По мне так очень даже.

– Потому, что у убитого было бабло. Нашли сто тысяч белорусских рублей и пятьдесят долларов США в кошельке.

– Зачем мы тогда магазин вскрывали?

– Вот я о том же.

– Могли спокойно пойти и купить себе. Причем водовки.

– Могли. Придется тебя помариновать, Кабан, пока чего лучше не вспомнишь. Негодный из тебя писатель.

– Не надо мариновать. Бери другой компьютер, пиши за мной.

Выхухолев послушно открыл новый документ на компьютере.

– Готов печатать?

– Давай.

– Значит, предавался я возлияниям, никого не трогал, под ночь возникло желание догнаться, денег не было, это правда, решил совершить поход в магазин. Открыл магазин, а там этот хмырь.

– В магазине?

– Да.

– А что он в закрытом магазине делал?

– А ты напиши, что магазин уже взломан был. Он взломал, а я только пришел, смотрю, какой-то городской магазин наш грабит. Вот я его и порешил. В помощь милиции.

Выхухолев взвесил версию Кабана. Она открывала длинную и нудную перспективу по выяснению того, кто был грабитель и почему вскрывал магазин. Дело об убийстве превращалось в дело о вынужденной самообороне или даже о выходе за пределы необходимой обороны при попытке предотвратить преступление. При этом Кабан из подозреваемого превращался в свидетеля, что Выхухолева категорически не устраивало. Наконец, вместо преступления, раскрытого по горячим следам силами РОВД, он получал очевидный висяк с невнятными ролями участвующих в нем лиц, включая убиенного.

– Не, Кабан. Это сказка какая-то у тебя получилась.

– Почему сказка?

– Ну ты представь, два человека идут бомбить магазин в одно и то же время. Причем один при этом убивает другого за то, что тот бомбит магазин. Не, Кабан, не верю.

– Слушай, отпусти ты меня?

– И что, потом самому сидеть выдумывать? Не, будешь ты у нас в участке париться до посинения, тулуп вон взял...

Кабан надолго задумался. Сюжет с убийством занимал его все больше. Он раскраснелся и начал полностью вживаться в роль преступника. Ночь, карканье ворон, лунный свет, кровь – все это захватывало его.

– Выхухолев, я понял!

– Что ты понял?

– Верни ту старую бумагу, что мы печатали.

Милиционер с радостью обнаружил, что не успел удалить документ. Кабан увлеченно продолжил:

– Короче, мы решили продолжить возлияния или как там, развивать наш сабантуй, пошли в магаз, а он – закрыт. А когда магаз закрыт – что есть деньги, что нет – один хер. Катку же не добудишься.

– Молодец, – оценил находчивость алкоголика Выхухолева. – Складно.

– В общем, решили мы проникнуть внутрь, что и сделали.

– Так.

– Ну а там я его и порешил.

– То есть, вы пили внутри магазина?

– Да, внутри.

– И сколько выпили?

Кабан прикинул, сколько он бы мог выпить, и ему стало очень приятно.

– Напиши так: по бутылке водки и потом еще пивом шлифанулись.

– А не много вам? – уточнил вдохновенно клацающий по клавишам милиционер.

– Не много. Когда есть – не много. Напиши: по бутылке водки и еще две бутылки пива сверху. «Аливария», темное. Нет, напиши одну темного, одну светлого, эх! – Кабан мечтательно замолчал.

– А за что ты его прибил?

– Ну как за что? Бутылка водки, две бутылки пива – и это на старые дрожжи. Ну ты спросил. Тут любой убил бы. За это даже наказывать не должны.

– Значит я пишу: «Находясь в состоянии алкогольного психоза, я напал на собутыльника и убил его. В чем чисто-сердечно раскаиваюсь».

– Вот-вот. Особенно подчеркни, что очень раскаиваюсь. Мне раскаивания не жалко.

– Ты теперь одно скажи: где ты пушку взял?

– Какую пушку?

– Ты человека из пистолета убил, Кабан.

– Из какого пистолета?

– Предположительно, «ТТ».

Кабан осекся. Пистолета в его сценарии не было. Более того, заряженного оружия он побаивался.

– Выхухолев, а нельзя без пистолета?

– Ну как, в трупе отверстия пулевые, как без пистолета? Ты объясни?

Кабан снова надолго задумался.

– Не, ну где я тебе пушку найду, Выхухолев?

– Не знаю, думай. Могу тебя в камеру определить, чтобы думалось лучше.

– Не надо в камеру.

Кабан думал. За окном чирикали воробьи. Мысли почему-то упорно сворачивали на то, у кого можно стрельнуть денег, чтобы похмелиться.

– Выхухолев, ты мне не долганешь на опохмел? – спросил он у милиционера.

– Тебе выйти отсюда сначала надо.

– А после признания этого, как напишем?

– Долгану, черт с тобой. Долгану за то, что органам помог.

После того, как перспектива избавиться от абстинентной дрожи стала вполне реальной, Кабану начало думаться лучше.

– Слушай, ты напиши, что я у него пушку взял. Что она у него была. Что он такой весь бандит, прям с пушкой ходил.

– Хорошо, – согласился допрашивающий, – это действительно решает ребус. Молодец. Совсем ничего осталось. Давай я только напишу, что ты его из магазина вывел перед тем, как шмальнуть. И не помнишь, где точно стрелял.

– А почему так?

– Потому что в магазине пули не нашли и порохового следа какого-то, там наши «эксперты» эти понаписывали в заключении.

– Ладно, валяй, – Кабан сел поудобней, ощущая себя то ли Оскаром Уальдом, то ли Фрэнсисом Скоттом Фицджеральдом – словом, всеми теми писателями, книги которых он прочел, прежде чем пропить.

– А что потом сделал с пистолетом?

– А что я с ним должен был сделать?

– Где тот пистолет, из которого ты по этому хмырю выстрелил?

– Ну ясно. После такого дела выкинуть пистолет надо. Избавиться.

– А где ты его выкинул?

Разыгравшееся воображение Кабана нашло ответ на этот вопрос очень быстро:

– Ясное дело, в речку, в Докольку.

– Откуда кидал?

– С белого моста. Откуда еще пистолет можно в реку кидать?

– С какого моста?

– Выхухолев, ты как будто инопланетянин какой-то. Один у нас тут в окрестностях белый мост.

– Ясно, пишу: «Кинул в Докольку с белого моста». Вот и готово! – принтер затрещал, выпуская из себя листик с показаниями Кабана.

– Вот здесь пиши: «С моих слов написано верно». Вообще-то признания своей рукой писать надо, но из тебя такой писака, что пойдет и так.

– Э, чем тебе плохо? – Кабан восстал против такого вольного обращения со своей славой, которую уже успел ощутить в полной мере.

– Ничем, фамилию свою пиши, вот тут, дату, подпись, разборчивей давай.

Когда подозреваемый закончил карябать по бумаге, Выхухолев придирчиво осмотрел получившееся и спрятал листик в несгораемый шкаф. Нажал на кнопку интеркома: «Андруша, зайди».

Кабан, похоже, ждал аплодисментов.

– Этого в камеру и, слышь, сгоняй купи ему чернил пузырь, я тебе потом верну: помог следствию, так хай уже выпьет.

– Ну вы демократ, – присвистнул Андруша и, обращаясь к Кабану: встать, лицом к стене, руки сзади, замком.

– Э, я не понял! – крикнул Кабан. – Я не понял, начальник! Ты ж отпустить обещал!

– Как же я тебя отпущу, Кабан? Ты же сам только что сознался в совершении тяжкого преступления.

– Так это ж чистосердечное было! Чтоб выпустили! Ты ж сказал, что выпустят! Я ж не делал ничего!

– Твою вину в полной мере установит суд, – обрубил он и распорядился, обращаясь к сержанту, – уводи его, уводи. Тот заломал застегнутые в наручники ладони подозреваемого и повел его прочь из кабинета.

Оставшись один, Выхухолев некоторое время слушал чирикание воробьев за окном: он устал, день выдался непростой. Но перед уходом нужно было не забыть, да-да, не забыть.

Он взял чистый лист и написал от руки:

«Утром не заб. переделать прот. первичного осмотра, дописка: «При осмотре мной обнаружены две пустых бутылки водки на прилавке рядом с кассовым аппаратом, четыре пустых бутылки пива на полке с сухими сыпучими смесями. Позв. в отдел – переделали инкассу, с баланса списали две водки, четыре пива, чтоб сходилось».

Отложил листик. Задумался. На душе было погано, но на его душе было погано настолько давно, что он успел забыть происхождение этого чувства и просто жил с ним. Можно было открыть «шарики» и поиграть в компьютер до позднего вечера, а потом пойти домой и лечь спать. Можно было посмотреть телевизор. Можно было выпить, в конце концов. Еще были кроссворды и тот обрыв, на который он иногда приходил смотреть на луг. Воробьи, в конце концов, были. Лето. Лето лучше, чем зима. Можно жить.

Глава 6.

– Давай со стороны огородчика ставни откроем, а с улицы трогать не будем, – Шульга по-хозяйски ходил вокруг избы, утопающей в лопухах, диком винограде и молодом орешнике. Когда-то дом был хорош, с красной жестяной крышей, с бетонным фундаментом, из огромных бревен цвета

шляпки боровика: даже забор, несмотря на царящее вокруг запустение, не покосился, был сделан когда-то на совесть.

– Здесь клубника знаешь какая раньше была? – Шульга преобразился и выглядел теперь не как начинающий мазурик с неясным прошлым и еще менее ясным будущим, а как молодой хозяин, человек земли, душа-парень. За ним семенил Хомяк, который, несмотря на соломенные волосы и лицо, напоминающее картофелину, на крестьянина никак не походил. – Баба нас с этого огородчика крапивой гоняла. А ягоды вот такие, здоровые, сладкие, сахаром их засыплешь, примнешь, а сверху сметаны. Кто тех ягод не ел, тот жизни не видел, Хомяк. А сейчас, видишь, растения остались, а не плодоносят, сорняк заел.

– Может, лучше в хлев жить пойдём? – беспокоился Хомяк.
– Там точно никто не запасет. Безопасней.

– Что мы, скот, в хлеву жить? Там шмон знаешь какой? Хотя сеновал это круто, – улыбнулся Шульга каким-то своим воспоминаниям.

– Спалимся, Шульга, – нервничал Хомяк.

– Не спалимся. Сейчас лето, печь растапливать не надо, готовить, если что, будем на газу. Если, конечно, баллон не спиздили. Но мы его когда-то на замок закрыли, не должны.

– Стремно как-то. В розыске, а вписываемся на виду.

– Хомяк, ты погляди по сторонам, много ты людей тут видишь?

– Не, только тот зомби, которого мы возле кладбища чуть не сбили. Рядом с автоматной будкой.

– Это не зомби. Это Гриня. Он хороший мужчина был когда-то. Рыбачить меня учил.

– А где все?

– Вымерла деревня. Все молодые в город съехали. Из-за Чернобыля этого ебанного, что ли. Гриня Люлька вон остался, Степан, может, еще не помер, пару баб старых, если живы еще. А все остальные там, на кладбище, закопаны.

– Чего-то Серого долго нет, – нашел новую тему для беспокойства Хомяк.

– Слышь, ты расслабься, Хома. Тут не принято так егозить. Воздух вон понюхай. Нет ни в нашем Минске, ни в их Москве такого воздуха. Пойдем я тебе двор покажу.

Шульга открыл калитку, ведущую к курятнику и хлеву.

– А это что за домина? – спросил он, показывая на постройку с соломенной крышей прямо напротив курятника.

– Это стопка.

– В смысле под бухло?

– Дебил ты, под бухло. Все бы тебе бухло, Хомяк. Стопка. Тут, в этих местах, кладовых в хатах не делали, все в стопках хранили: картофель, бураки. Типа амбара что-то.

– Ты здешний?

– Ну да, это моя земля.

– Так ты колхозник, Шуля! – рассмеялся тонким блатным смехом Хомяк. – Колхозник!

– Сам ты колхозник, Хома. Я ж тебе объяснял: я в городе родился и жил, у меня батька отсюда. Это его дом, он в нем все детство... А потом в город уехал, учиться. Маму встретил мою там, в городе. Она городская была. А меня сюда на лето определяли. И то не каждое лето. В общем, если кто искать будет, дом этот последним в голову придет. Так что можно затихариться нормально.

– Чего-то Серого долго нет, – ковырнул землю носком кроссовка Хома.

– Да чего он, девушка тебе? Пойдем в дом лучше.

Они направились к хате.

– Слушай, а ты подумал, как мы дом вскроем?

– Зачем его вскрывать?

Шульга подошел к дверям и показал на кованую щеколду.

– Видишь, эту штуку в кузнице выковали, тут кузница еще лет двадцать назад была: меха, горн, наковальня. Сейчас только руины. Вот эта штука называется «клямка». Видишь, в клямке отверстие – оно под замок. Когда хозяина дома нет, дверь на замок запирают. А когда хозяин недалеко уходит – в огородчик, например, или в хлев – просто клямку накладывают, не запирая. Это значит людей дозваться можно, просек?

– Ну.

– И вот когда бабуля умерла, мы клямку наложили, ставни закрыли, а на замок не запирали.

– Почему?

– Традиция тут такая. Не запирают дома умерших. Чтоб ти-па покойник мог в любой момент вернуться к себе. Ну и дому так лучше: он не кинут, а оставлен живыми для мертвых. Оксюморон, опять же: дозваться родных можно на Деды. Позови, и они придут. Сядут вот тут, на лавке, а ты им про свою жизнь городскую, бестолковую, блядь, жизнь, ничкемную, неустроенную, расскажешь.

Шульга замолчал, и характер его молчания был таков, что даже Хомяк не стал сразу вступать с едкими комментариями. Однако, когда ему показалось, что пауза стала слишком торжественной, все-таки подколол:

– Короче, дом не закрывают, а газовый баллон – закрывают, да?

– Ну да, – со смешком отмахнулся Шульга. – Но обычно из таких оставленных хат не берут ничего. Только родственникам можно. А так – даже алкаши... – он прошел внутрь, и Хома потопал за ним.

– Нет, ну видишь, кое-что все-таки взяли... Тут вот ящик с дедовым инструментом был, вот уроды, ну то им все вернется. Тут в таких случаях говорят, что оно возвращается. Пропьешь чужое, а оно тебе потом прямо в печень – цирроз раньше времени или еще какая холера.

Шульга молча замер посреди полутемной хаты. Включил свет – выключатель нашел не сразу. Он был спрятан за висящими куртками. Их темные силуэты напоминали фигуры людей, из которых кто-то выжал всю жизнь: вот это дед, это бабуля, это тетино, наверное... Телевизора тут уже не было, но радио, стол, стулья, плита – все стояло нетронутым. Прошел на кухню, включил газ, поднес спичку – не сразу, но занялось, по одному зубцу, в половину горелки.

– Видишь. Живем. Будем чай пить, как пацаны.

Хлопнула калитка.

– Кто это там? – напрягся Хомяк.

Шульга быстро метнулся к окну и прильнул к щели в ставнях.

– Отбой воздушной тревоги. Баба Люба ковыляет. Смотри, живая еще.

– Есть кто в доме? – донеслось из сеней.

– Заходи, баба Люба, – крикнул Шульга.

– Вы што за хлопцы па хаце ходите? – сначала, кажется, зашел вопрос, и только вслед за вопросом сама женщина – ее возраст сложно было определить из-за платка и румянца: кажется, лет в 70 она просто перестала стареть и только

распространялась вширь, обрастая годовыми кольцами, как дерево.

– Это я, Шульга, баба Люба.

– Каки таки Шульга? Не знаю я никакого Шульги.

– Андрэеу я, – перешел Шульга на местный говор, и это пробудило в бабе Любе механизм узнавания.

– Андрэеу? Ну точно Андрэеу хлапец! Я ж тебя таким маленьким помню! А вырос как! Не пазнать! Каки высоки!

– Да ладно вам, баба Люба! Вы меня прям как будто с детства не видели.

– Дай я тябе расцалую, – женщина надвинулась на Шульгу и заключила его в объятия.

– А гэта хто? – спросила она подозрительно, кивнув на Хомяка. Надо отметить, что у большинства людей вихлястая внешность Хомяка действительно редко вызывала приступы доверительности.

– Это друг мой. Мы втроем приехали. Жить тут будем. На земле. Как отцы наши жили.

– А чаго ставни не открыли? – продолжала наседать баба Люба.

– Откроем, откроем. Руки не дошли. Да и так уютней, понимаете. Свет вовсю не бьет по глазам. Атмосфера гламурней, – показывая, что он шутит, Шульга сделал ударение на последний слог. Слова с неправильным слогом баба Люба не поняла и только махнула рукой.

– Все вам в городе не как у людей. Вой-вой-вой! У темначы ходят, свет жгут. И ты теперь гарадски стал.

– О, кстати, надо будет в следующем месяце за свет заплатить. А то обрежут, если долг накрутит, – изобразил крепкого хозяйственника Шульга. Хомяк респектабельно кивнул в ответ.

– А то гляжу – нейкия бандзиты лезут у хату. Дай думаю, гляну.

– Не, мы не бандиты, – наотрез отказался Хомяк.

– Не бандиты мы, баба Люба, – подхватил Шульга. – Мы – бывшие пионеры. Какие же из нас бандиты.

– В космос хотели полететь, когда маленькими были, – глумливо приусмехнулся Хома.

– С работой у нас действительно сейчас напряг, но мы на земле теперь, обустроимся, сеять будем, везть, хозяйство восстановим, – раздухарился Шульга. Выглядело это как генеральная репетиция любительского театра.

– Не, бабуль, ты прикинь, какие у нас варианты были? – решил развить мысль Хомяк. – Ну вот мечтали мы стать космонавтами. А потом пионерия накрылась и что? В инженеры идти? В доктора? А, бабуль?

– Профессий много всяких, мы не определились просто до конца, что нам ближе, – попытался прервать поток его рассуждений Шульга, который тонко чувствовал ту стилистическую грань, за которой базар бывшего пионера переходит в рассуждения начинающего уголовника.

– Не, ну я вот как скажу. Я бы в КГБ пошел работать. Вот это профессия, – очарованно поднял глаза к потолку Хомяк. – Ни хуя не делаешь, оппозиционеров этих гоняешь, а тебя при этом все боятся. Откаты, прокрышовочки и, главное, уважение, почет, медали, китель. Любая телка твоя. Подкатил, удостоверение показал: поехали кататься, малыха. В кабак зашел, нажрал на сотню грин, а платить не надо – свои люди, сочтемся, а будешь залупаться, коммерсант, так тебе быстро в камере петушиной объяснят, какая у нас теперь духовность.

– Я бы тоже в КГБ пошел, – согласился Шульга. – Но туда только по связям берут.

– Не, не по связям. Нужно специальный университет гэбэш-ный закончить. Только он секретный, и туда не попасть с улицы. Работаешь ты на автосервисе, талант у тебя есть, допустим, поломку чуют сердцем, а за тобой наблюдают. Не говорят ничего, на улице тебя пасут: наш парень или не наш. И если ты подходишь и если ты совсем уж гений, то хоба – к тебе приходит такой полковник седой и говорит, давай к нам в университет секретный. Вот тебе пропуск. И тебя на белой «Волге» везут туда, а там уже сразу малина начинается. Каждому ученику – по бабе. В общаге – кокс, травень, кури-пей, только родине служи.

– Не, Хомяк, ты гонишь. Нет никакого секретного гэбэшного университета. Просто в КГБ только если у тебя родственники в КГБ, могут взять.

– Да я тебя отвечаю, мне однажды пацан, с которым я вместе машины бомбил, рассказывал, что у него кореша вот так вот заприметили – а он был спец по замкам, давай, говорят, к нам. И он с тех пор уже ни с кем не разговаривает, друганов всех забыл, а хули, жизнь такая, что никакие друзья не нужны.

– Да гонишь ты, Хомяк, я точно знаю, туда только по родственным связям берут.

– Да ты подумай, Шульга, если бы туда только родственников брали, то как бы Путин стал чекистом? У него что, папа типа Феликс Дзержинский?

– Ладно, замяли, Хомяк. По любому нам гэбистами быть не светит. Я бы вот писателем бы стал.

– Пойду я, хлопцы, – сказала баба Люба, которой стало скучно слушать разговоры о современных профессиях.

– На хер писателем?

– Нравится мне истории рассказывать.

– А чего ты вместо писательства к Пиджаку подался? На хуй тогда вся эта история с Москвой, с братвой?

– Потому что я хотел бы таким писателем стать, который про жизнь все пишет. Вот как есть. А что мы читаем? Откроешь книгу, а там: «Ах, вы не поверите, Натали, я вас так люблю, что в моих ушах поют цимбалы!» – не про жизнь, понимаешь? Не бывает так в жизни. Потому что в жизни – ебля, говно и пиздец. А кто про жизнь, как в жизни, пишет, тех специальная писательская мафия накрывает.

– А на хуй мафии их накрывать?

– Чтобы малину не портили. Если появится поц, который все про жизнь начнет хуярить, это ж только его книги будут покупать. А все остальные пойдут коров пасти, со своими Натали. И те, кто их крышуют, пойдут. Так что ну его на хуй это писательство. Я б может в газету какую пошел – они вроде про жизнь пишут, а не выдумывают, только там еще меньше про жизнь, чем в книге. Сплошные заседания генеральной ассамблеи ООН по вопросу прививания беженцев от вируса иммунодефицита.

Дверь хлопнула, вошел Серый. Он выглядел растерянно.

– Гляди, как мы тут обустроились, – весело обратился к нему Шульга.

– Пацаны, не проканалю, – потрясенно развел руками Серый.

– Как не проканалю?

– Вот так не проканалю, – отрезал Серый.

– А что случилось?

Серый сложил руки на груди и вроде бы даже собирался начать рассказ, но отмахнулся:

– Идем, я вам лучше покажу.

Вышли и двинулись к лесу, подступившему прямо к дере-

венской околице. Улица была пустынна, деревня напоминала пыльный ковбойский городок на Диком Западе после завершения большой разборки. Как будто все шерифы и ковбои давно перестреляли друг друга, и остались только пустые салуны, ничейные лошади, наряды сбежавших красавиц в будуарах; остались призраки и индейцы, молча наблюдающие с холмов. Да, еще пара-тройка стариков, которые в разборке не участвовали, потому что слишком стары, чтобы держать кольт.

– Смотри-ка, – кивнул на обочину Серый.

Там валялся старый дорожный знак, указатель с названием населенного пункта.

Троица схватилась за него и приподняла с земли, отрывая вросшие в жесть корни, стряхивая с опор траву и мох.

«БУДА», – было написано на знаке.

– Название этой деревни? – уточнил Серый.

– Именно. Старый знак, видишь, упал, а нового не поставили. Так что деревни вроде как и нет.

Вступили в лес по старой, едва различимой дороге, поросшей кочками, кустиками, папоротником. Местами она полностью терялась из виду, и тогда приятели на секунду останавливались и высматривали в свежей высокой траве неочевидные следы только что прошедшего автомобиля – тут была надломана ветка, здесь колесо сковырнуло чернозем и сыпануло на травы пригоршню неестественно желтого песка, здесь был сорван мох, и уже успела собраться черная лужа. У соснового редколесья, где дорога полностью пропала из виду, видно было несколько неровных, пропаханных колесами, пересекающихся борозд.

– Блукнул тут, разворачивался, – объяснил Серый. – Да, кстати, Шульга, есть бог такой, Будда, у чучмек. И деревня Буда?

- Да, – отозвался Шульга.
- А чего деревню как бога назвали?
- Я откуда знаю, я, что ли, называл?
- Может, тут мусульмане жили, которые Будде поклонялись?
- Не, Серый, мусульмане не Будде поклоняются, – Шульга хотел развить мысль о том, кому поклоняются мусульмане, но ему не хватило эрудиции. – Будде в Африке поклоняются, в Китае. Ну и в Америке, наверное. – Насчет последнего Шульга был не совсем уверен, но, так как он не знал, кому в принципе поклоняются в Америке, не мог знать этого и никто из приятелей.
- А что за бог? – проявил Серый тягу к знаниям.
- Ну, он, как наш, только в Китае, в Шаолине, жил и был синий. Шаолиньский монастырь, слышал? В нем еще Брюс Ли канфу учился.
- Брюс Ли крутой, – уважительно отозвался Серый. – С нунчаками. А чего этот Будда синий был?
- Ну так бог же. Синий и много-много рук, такой. В одной сабля, в другой барабан. В общем, и поплясать мог, и в морду дать, если что.
- А что с ним потом стало? – не отставал Серый.
- Ну ясно что. Что обычно с богами случается? Распяли плохие люди.
- А учил чему? Плясать, что ли? Я такому богу бы молился, который плясать учит и трахаться.
- Не, он учил, как наш: любви, добру. Не воруй, не убивай, вся такая поповская муть.
- Шульга, я не понял, а как его распяли, если у него рук много-много? – вступил в разговор Хомяк.

– А что тебя смущает?

– Ему что, все руки к кресту прибивали?

– Не, не все. Только две.

– А почему он тогда остальными руками себя от креста не отклеил?

– Потому, что у него, Хомяк, только две руки настоящими были, – терпеливо разъяснял Шульга, придумывая на ходу.

– Все остальные руки у него были ментальными.

– Что это значит – «ментальными»? – удивился Хома.

– Ну, духовными, – Шульга сам не до конца знал, что такое «ментальная рука». – Он ими в физическом мире ничего сделать не мог.

Серый, до которого разговор доходил с некоторой задержкой, остановился, чтобы набрать в грудь больше воздуха, и зашелся своим фирменным гоготом. В километре от парней испуганно поднялся в воздух глухарь, потрясенный этим звуком. Давно в его лесу никто не производил такого шума. В 1986 году где-то тут взял звуковой барьер взлетевший из Баранович самолет-истребитель, но тогда глухарь еще не родился.

– Шульга! – выдавил Серый сквозь хохот. – Вот ты вроде умный, но такую муть сказал. «Духовная рука», ха-ха-ха!

– Смотрите, а вот здесь мы в детстве шалаш строили, – Шульга решил сменить тему, так как почувствовал, что его теория рук Будды зашла в тупик.

Тем временем лес начал чахнуть. Чем дальше они шли, тем меньше становились сосны, все кряжистей, ветвистей, как будто расстояние на стволе между ветками сокращалось. Деревья будто умирали, оставаясь живыми, и неясно, чего точно им не хватало – влаги ли, воздуха ли. Такие карлико-

вые сосны можно увидеть в промышленных кварталах больших городов, скрюченные от тяжелых металлов, задыхающиеся, жалкие. Ели исчезли совсем, зато по сторонам пошло чахлое листовенное редколесье, стало много кустарника, ольхи и орешника, из земли поперла осока, а сама земля утратила былую твердость: нога будто проваливалась в мягкий торфяник.

– Вот я тут, как ты сказал, свернул с дороги и прямо попер, – показал Серый на брешь в кустарнике. – Думал, не пробьюсь. Оно, может, так и лучше было бы, если б не пробился. Но, видишь, проскочил, только зеркальце свернуло об этот ствол – он показал на иву, ветви которой были измочалены ударом.

Троица прошла еще несколько метров вперед, согнувшись, продралась сквозь кусты и охнула. Хомяк выдал:

– Ты ж еб твою...

Впереди огромное, как море, лежало болото: чахлые, полусгнившие березки торчали, как межевые столбы, среди кочек и кустиков клюквы и голубики. Однообразный, как тундра, ровный, безжизненный и унылый пейзаж тянулся до самого горизонта. Преобладали охристо-желтые тона, пятнами попадались вспышки красных, сиреневых соцветий – неизвестная растительность, не встреченная ни в лесу, ни на лугу.

– Пошли за мной! – позвал Серега.

– Куды? Мы ж утопнем! – вскрикнул предусмотрительный Хомяк.

– Вот я тоже так думал. Выпрыгнул сначала из тачки, как увидел этот расклад. А потом включил первую и пошел спокойненько так, без рывков, смотрю, – держит. Просто не началось пока, увидите сами, как начнется, – объяснил Серый. – Не бойсь, давай за мной.

Он, выбирая кочки побольше и понадежней, двинул вперед.

– Во дела, – сказал Шульга и устремился за ним. – И далеко заехал?

– Ну я думал, что она сразу тут и утонет, – кричал Серый через плечо, – а она шла, ровно довольно...

Говорить стало тяжело, так как каждый прыжок давался с определенным усилием. Приятели пыхтя поволоклись за Серым.

– Ноги намокли, – пожаловался Хомяк.

– Ты ж на болоте, – весело возразил ему Шульга. – Кайфуй, дурень!

– Паси, что делается! – крикнул Серый и высоко подпрыгнул на своей кочке. Вся поверхность вокруг пришла в движение и заколыхалась медленными волнами – причем колыхалось то, что казалось пусть не твердой, пусть торфянистой, но почвой.

– Землетрясение! – захохотал Шульга.

– Точно! – подхватил Серый. – Я Брюс Ли! Прыгаю, а вокруг земля трясется!

– Смотри ты, следа от машины вообще не осталось, – отдуваясь, крикнул Шульга. – В лесу-то колею можно было рассмотреть. Не везде, но можно. А тут вообще ровно.

– Оно поднялось – вся осока, все эти камыши, или как это называется. Как проехал, поднялось, и все, – откликнулся Серый. – Тут ногу вытаскиваешь из этой жижи, сразу остается яма с водой, видишь? А через минуту уже ничего нет, смотри, наших следов из леса не видно!

– Не видно, – всмотревшись, согласился Шульга.

– Не заблудиться бы, пацаны! – забеспокоился Хомяк.

Минут через двадцать такой прогулки троица обнаружила, что каждый шаг стал даваться сложнее: нога погружалась все глубже, выскакивала из торфа с причмоком, который норовил сорвать обувь.

– О, пошло, – радостно возвестил Серый. – Сейчас уже близко!

И действительно, еще несколько десятков метров, и перед ними оказался автомобиль Daewoo, погрузившийся до середины колес, но удерживаемый от затопления осокой, кочками и еще черт знает чем. Нос машины был завален вперед, двигательный отсек подтопило, но салон был совершенно сух.

– Как ты досюда доехал, не пойму, – облокотился на машину Хомяк.

Отдышались.

– Не утопла, – заключил Шульга.

– Не утопла, – подтвердил Серый.

– Вот блядь! – ругнулся Шульга. – И почему не утопла?

– Не знаю! Твой план был! Ты и разбирайся, – рассудительно ответил Серый.

– Лучше бы в реку скинули, – заключил Хомяк, который любил в кризисных ситуациях говорить под руку гадости.

– Ну, во-первых, не лучше, – Шульга забрался на капот и попрыгал на нем. Металл прогибался под ногами, но машина все равно тонуть не хотела, – потому, что река Дюколька очень неглубокая. И, если б мы тачку с моста спустили, ее бы местные жители увидели и решили бы поднять трактором. Потому что тачка в реке это пиздец.

– А тачка в болоте не пиздец? – огрызнулся Хомяк.

– Давайте все сюда, – подал руку приятелям Шульга. Те, крихтя, залезли: машина закачалась под весом троицы, как теплоход при сильном шторме, но вниз не ушла.

– Вот, блин, волшебство, – зачарованно сказал Хомяк. – Заехали машиной в болото, а она тонуть не хочет.

– Никакого волшебства, – оборвал его Шульга. – Топи тут дальше начинаются, а тут просто очень влажный торфяник. Грязь. Большая лужа. Вот мы в ней и стали. А до топи теперь точно не добраться.

– А что если подтолкнуть? – предложил Хомяк. Было видно, что он спрашивает исключительно теоретически, сам толкать не собирается.

– Да я пробовал ее толкать, – сказал Серый. – Я, как только завяз, даже веток нарубал, под колеса подкладывал, чтобы дальше рвануть. Тут еще метров десять пройти, и она бы по крышу ушла. Видишь, какое впереди окно? Черная водица – там, может, под тридцать метров глубины... Но потом двигатель такой быр-быр-быр, пых, хуй! Вода, наверное, в цилиндры линула, или еще что. А своими силами мы ее теперь точно не сдвинем – она ж на днище сидит.

– И что делать будем? – забеспокоился Хома.

– А что делать? Тут ее оставим, – махнул рукой Шульга. – Ее ж только с вертолета увидеть можно. А вертолеты тут, Хома, поверь, давно уже не летают. Тут трактор один на весь район остался. А про вертолет и говорить нечего.

– Может, ветками закидаем? – предложил Хома и начал обдумывать, как уклониться от этой работы самому. Деревьев вокруг было мало, закидывание ветками рисковало превратиться в долгий и нудный труд.

– Не, пусть стоит. Нормально, – оборвал Шульга. – Пойдем обратно.

– Вот только где это обратно, – протянул Хомяк, однако Серый кивнул ему на их следы, уходившие в сторону от солнца. Метрах в двадцати от машины следы уже затянулись: ровным слоем стояла осока и возвышались одинаковые, как будто воспроизведенные по шаблону кочки.

– Глядите, там, кажется, дом какой-то, – прищурился Шульга.

– Не может быть! – всматриваясь в направлении, указанном приятелем, отозвался Серый.

– Ну точно дом! Гляди, дымок, видишь?

– Не, Шульга, загнуло тебя, – гоготнул Хомяк. – Не вижу я там никакого дома. Да и сам подумай, какой дом? Посреди топей?

– На спор? – запальчиво выкрикнул Шульга.

– Э, пацаны, остыньте! – Серый пихнул Шульгу кулаком в плечо. – Потонуть решили за не хуй делать? До него ж, если это вообще дом, километра два. По такому вот говну.

– Интересно ж просто.

– Когда интересно, надо телевизор смотреть. Программу «Что? Где? Когда?» – Серый взял на себя непривычную для себя роль рассудительного предводителя, которая обычно принадлежала Шульге. Роль эта ему не понравилась, и он быстро ушел в другую тему.

– Кто б мне лучше сказал, что это за комар ко мне присосался, без крыльев? – он задрал майку и обнажил плечо. – Не отдеру никак.

– Вот лось, это ж не комар, это клещ! – Шульга вернул себе обаяние старшего. – Причем ты его уже расковырял, теперь он в тебе гнить будет. Надо было постным маслом жопку ему смазать, он бы сам отлип. Он жопой дышит. Как вот Хома у нас жопой думает, клещ жопой дышит.

Возвращаться оказалось трудней, чем идти к машине: они несколько раз заблудились на совершенно ровной поверхности, располагая, казалось бы, очевидным ориентиром, – солнцем, жарившим в спину. До хаты дошли настолько уставшие, что сразу же попадали спать: спальных мест хва-

тило на всех, только Хомяк, устроенный на старенький диван, все кряхтел и жаловался, что у других лежанки лучше. Спали бы, наверное, двое суток, если бы около полудня в хату не притопала баба Люба: в руках у нее была миска с творогом, завернутый в газету шмат сала, жбан с молоком, лук и четвертина хлеба.

– Ешце, хлопчыки, – великодушно предложила она.

Хлопчики накинулись на харчи, не умываясь, не причесываясь, урча от голода.

– Спасибо, баба Люба! Спасибо, мы б тут померли без вас, – мямлил Шульга с набитым ртом.

– Мне б тут травку падкасить вакол дома. Коса есть, – обозначила баба Люба цену вопроса.

– Подкосим, бабуля, подкосим! – радостно улыбался Серый. С огурцом в руках и торчащим изо рта зеленым луком он выглядел милягой-парнем, чем-то средним между бригадиром и агрономом.

– Знакомьтесь, это Сергей, наш друг, – пытался его представить не давая челюстям и рукам передыху Шульга. – Если нужно пару подков разогнуть, он всегда с радостью разогнет.

Серый отвесил ему дружескую оплеуху. Баба Люба быстро ретировалась из хаты, чувствуя, что этому сплоченному коллективу нужно дать возможность подкрепиться без помех, иначе кто-нибудь кого-нибудь покусает.

– Зазырьте, че творится, – указал Серый на газету, на которой очертаниями причудливых материков уже проступил жир от сала. Он даже перестал жевать.

– Да я уже заточился на этом, – поддержал его Шульга. – Такая глушь, а газета свежая, утренняя. Почта работает. Тетенька-почтальонша сорок километров из Глуска педали на велике крутила, чтоб ее сюда доставить.

– Да я не о том. Ты погляди, тут про Жирного написано!
Вся троица перестала жевать и развернула газету. Называлась газета «Путь Родины».

– Пацаны, я вот не вкумекаю, какой может быть «путь» у Родины? – задался вопросом Хомяк. – Вон на хуй, за границу? Такой путь? В Сан-Тропе? В Монте-Карло? В Кушадасы?

– Ты не умничай, Хома, – веско заметил Шульга. Ему было приятно уколоть Хомяка за то, что тот раскритиковал его план с затоплением машины. – «Родина» это колхоз тут был такой, при советах. Большой, на полрайона. Вот его именем газету и назвали. А «Путь Родины» тогда мог быть один – вперед, к социалистическим победам.

– Да вы читайте, что пишут, – призвал их к внимательности Серый.

Заметка называлась «Спиртное стреляет в упор». Неизвестный автор придерживался скорбного тона милицейского пресс-релиза. «По сообщению Глусского РОВД, в 6 утра 10 июня в магазине «Райпотребкооперации» в д. Малиново отрядом оперативного реагирования был обнаружен труп неизвестного мужчины с огнестрельным ранением. Замок магазина был взломан, стекло разбито».

– Малиново? – удивился Шульга. – Далеко зашел, дурень.

– Приземлился, бедняга, – перекрестился православным крестом Серый.

– Ну и хуй с ним, – цинично сплюнул себе под ноги Хомяк. «При себе труп имел кошелек со 100 тысячами белорусских рублей и пятьюдесятью американскими долларами, несколькими металлическими рублями российской мелочи, так что версия ограбления была отвергнута сразу же. Благодаря молниеносным действиям милиции, преступление удалось раскрыть по горячим следам. Установлен и мо-

тив – бытовая ссора на фоне подогретых зеленым змием эмоций. Убийцей оказался малиновский алкоголик К., познакомившийся с жертвой вечером того же дня. Сначала он принимал с неизвестным горячительное, а затем предложил совместно ограбить магазин с целью довести градус до нужной кондиции. В процессе употребления спиртного, украденного из магазина (выпитые 2 бут. водки, 4 бут. пива были найдены рядом с телом), между пьющими возникли разногласия, приведшие к сначала к драке, а затем к трагической смерти собутыльника. Преступник уже дал признательные показания. Возбуждено уголовное дело, виновному грозит до 7 лет лишения свободы».

– Ни хуя себе, – спокойно сказал Шульга.

– Как-то тут все перекручено, – удивленно завертел головой по сторонам Серый. – Как-то все тут так, что я вообще не понимаю.

– «Преступление удалось раскрыть по горячим следам», – перечитал Хомяк.

– Не, ну вы видите, как все повернулось! – воскликнул Шульга. – Уже и виноватого нашли, ну!

– Жирный же не пил вообще практически. А тут какой-то К., с которым он познакомился «вечером того же дня», как зек Серега со двора, «доводил градус до нужной кондиции». Шульга, что мы делали с Жирным «вечером того же дня»?

– В карты играли. Анекдоты травили. Пока он деньги не спиздил.

– Кстати, о деньгах, – взвился Хомяк. – А где тут вообще про деньги? Они вон как подробно описали про бухло, а про деньги – ни слова. Странно как-то. Как можно про два пузыря водочки упомянуть, а про до хуя долларов возле трупа – нет?

– А, так вот в чем маза! – догадался Шульга. – Вы поняли, пацаны, к чему весь этот развод?

– Ты объясни, ты ж у нас умный, – предложил Серый.

– Менты мешок с деньгами спиздили! Это ж ясно! Приходят, лежит Жирный, уже холодный, а рядом – пакет этот. Ну, они в пакет заглянули и скоренько придумали про совместный бухач версию. Про то, что его какой-то малиновский прохезон пришил. Чтоб проще было лэвэ себе оставить.

Приятели притихли: каждый искал доказательств или опровержений гипотезы Шульги.

– Ну да, труп с до хуя баксов – одно. А труп с двумя пустыми пузырями беленькой – другое, – согласился Серый.

– Говорю ж, менты деньги занычили. Жирного сейчас скоренько прикопают, «К.» этого отправят куда-нибудь в Оршу нары греть, а сами – «путем Родины», в Сан-Тропе.

– Ну, может, это и хорошо, – пробасил Серый. – Мы теперь не в розыске, никого вроде как не убивали. А то я как про труп прочитал, так мне его так жалко стало.

– Да что хорошего? – нервно вскрикнул Шульга. – Что хорошего? Менты нас сейчас не ищут. Но как мы Пиджаку объясним, что с деньгами?

– Действительно, как? – спросил Серый с готовностью, с интонацией, которая показывала, что он ждет, что ему сейчас Шульга расскажет, как они все будут объяснять Пиджаку.

– Да никак, дурень! – закричал Шульга. – Ну ты, прикинь, ну было б тут написано: «Найден труп с большой суммой долларов, убийцы в розыске, всем, кто видел трех молодых людей, звонить о2». Мы бы сегодня вечером набрали Пиджака, все ему вывалили про то, как Жирный хотел с мош-

ной сдрыснуть. Он бы нас где-нибудь под Уралом прихотвал, определил бы нам малину с годовым запасом бухла, кисами и шмалью, сам бы с ментами здешними связался, приехал бы. Выложил бы им весь пасьянс по поводу того, какие они деньги подняли. Чьи это деньги вообще-то. Те бы сосцали и бабло бы вприпрыжку принесли. Еще бы извинились и представили Пиджака к ордену «За духовное возрождение». А сейчас мы ему что предъявим?

– Да, что мы ему предъявим? – переспросил Серый.

– Ни хуя мы ему не предъявим! Потому что не хуй нам Пиджаку предъявлять! Мы не в розыске, Жирного пришел местный алкаш, про баксы тут никто ничего не слышал. То есть – у нас баксы, Серый, понимаешь? У тебя, у Хомяка, блядь...

– И что делать? Как доказать?

– Да что ты докажешь? Ты сам бы себе поверил? В газете написано, что Жирный по-одному убит, а мы предлагаем, что по-другому. И еще на этом пытаемся деньги зажать. Да тебя сначала грохнут, потом в жопу анальный щуп засунут, чтобы сумку с баксами найти. И всех разговоров, Серый! А не найдя, тело в реку скинут, пожмут плечами и по родственникам поедут. В алфавитном порядке. Сначала мама, потом папа, потом сестричка, затем тетя. И там тоже – сначала по голове топором, потом в желудке через жопу пошарить и только в конце задаться вопросом: так где же на самом деле деньги? Может, нужно было этих ребят до конца дослушать?

– Ситуация говно! – занервничал Хома.

– Говно, – согласился Шульга. – Да, менты не ищут. Но Пиджак с его бригадами ищет. То есть, пока не ищет, пока звонка ждет и еще пару дней будет звонка от нас ждать, а потом начнет искать. И я так скажу: менты-то нас тут

не нашли бы. А Пиджак найдет. И тут, и в землянке и, блядь, в немецком танке «Тигр», который утонул в болоте во время войны, найдет.

– Шульга, а что если в газете про пакет с баксами не написали из-за того, что не поместилось? – поинтересовался Серый. – Вдруг просто места не хватило?

– Да, действительно, есть такая возможность, – согласился Шульга. – Газета вон какая маленькая, четыре странички всего. Они, может, и хотели написать, но места не хватило. Тут вон, видишь, про тружеников села рядом...

– Надо в газету звонить, – просипел Хома. – Только не с мобилы – засекут.

– Мобилы все выключенными держим, – поддержал Шульга. – Аппарат в правом кармане, батарея в левом. Только так, пацаны. А в газету я позвоню с автомата, возле кладбища. Он еще с советских времен. Позвоню, спрошу, вдруг и правда деньги не поместились просто.

– Ну вот и разрешилось, – широко улыбнулся Серый.

– Да ни хуя не разрешилось! – оборвал его Шульга. – Вероятность микроскопическая! Позвоню так, для очистки совести. Но – маловероятно. А ты иди бабе Любе траву подкоси. И Хомяка возьми, пусть он граблями помахает, сгребет.

– Это работа бабская, – заныл Хомяк.

– А жрать ты хочешь? Может, тебя на охоту отправить – на кабана? Дадим вот тебе нож из сервиза, неточеный, и давай, Хомяк, на кабана. Это работа мужская. Ну?

Хомяк решил согласиться: с Шульгой спорить было бесполезно, в ряде случаев это приводило к унижительным последствиям. В его голове возник план: после того, как Серый обкосит траву, Хомяк сделает вид, что задел граблями

палец на ноге, сядет, снимет кроссовок и будет дуть на палец. Серый пожалеет его и уберет траву сам. Потому, что Серый – добрый.

Прятели вышли, а Шульга подошел к иконке, висевшей в углу под несколькими слоями гардинной ткани. Занавесочные гардины были пыльными, иконка – темной, но все вместе это создавало торжественную атмосферу.

– Упокой, Господи, – попросил он у иконки. – Упокой раба твоего, пусть ему там нормально все, мы не со зла, прости нас, бог, – он похлопал обои под иконой так, будто они были плечом того самого Господа, который должен был их простить.

Глава 7.

Выхухолев дремал в майке перед телевизором. Когда рядом послышалась прыгающая, как шарик на ракетке, мелодия и хрипловатый голос запел: «Хорошо живет на свете Винни Пух», – он решил, что по телевизору демонстрируют его любимый мультфильм, и проснулся. Но нет, на экране шли все те же «Улицы разбитых фонарей», а голосом Винни Пуха пел телефон.

– Алле, – сказал Выхухолев измученно, включая громкую связь.

– Ну почитал материалы, нормально, – вступил веселый голос Сергея Макаровича.

– Пришли уже? – отозвался Выхухолев.

– Пришли, да. Творчески подошел, креативно. С огоньком. Где ты такого дурня нашел?

– Где нашел, там больше нет, – Выхухолеву не понравился разнузданный подход Сергея Макаровича к процессуальным вопросам.

- Сам писал?
- Сам, но под его диктовку.
- С пистолетом вы хорошо, весело. Я, может, даже выправлю двух наших лопухов, пусть в иле покопоятся под белым мостом. А то знают только «откаты», «крыши». Пусть нюхнут настоящей оперативной работы, поищут улики. Но ты, конечно, все за них уже сделал – можно в суд передавать.
- Хорошо. А, думаете, найдут? Доколько мелкая, но течение.
- Да что найдут?
- Пистолет.
- Ты ж сам про пистолет в Докольке придумал. Как они его найдут?
- Ну да, сам, – вспомнил Выхухолев. – Хотя нет, не сам. Подозреваемый предложил. Он вообще много деталей придумал. Просто Чехов какой-то, хорошие детективы мог бы писать. Про Пронина.
- Как ты его так мобилизовал? Петухами припугнул? Ласточкой? Или как обычно у вас, у ментов, – пальцы в дверную щель?
- Зачем? – обиженно отозвался Выхухолев. – Человек, между прочим, не уверен, что он этого преступления не совершал. А вы тут.
- То есть, к совести воззвал?
- Ну типа того, да.
- Видел, уже и в газете пропечатали, – восхищенно отозвался Сергей Макарович.
- Конечно, мы им пресс-релиз выслали, они и пропечатали, – вздохнул Выхухолев.
- Как у тебя все поставлено-то.

- Стараюсь, Сергей Макарович, стараюсь.
- Я вот только одно хотел у тебя спросить, Выхухолев, – по-серьезней голос.
- Ну? – Выхухолев встал и отошел от телевизора.
- А как ты сам считаешь, что там произошло?
- Как я сам считаю, изложено в протоколе, в признательных показаниях подозреваемого.
- Ну а без бумажки, на самом деле.
- Что значит без бумажки? – искренне не понял милиционер.
- Ну ты же понимаешь, Выхухолев, что этот Кабанов не мог совершить убийство?
- Почему не мог? – удивился Выхухолев.
- Да потому, что неизвестный с пятьюдесятью долларами в кармане срать бы с этим Кабановым рядом не сел. Тем более не стал бы с ним пить. Тем более – вскрывать магазин. Алкоголь в крови жертвы проверяли?
- Нет, не проверяли.
- Надо бы проверить. Вдруг он был трезв в момент смерти. А тут – две бутылки водки...
- А зачем проверять? – отмахнулся Выхухолев. – Картина происшествия в полной мере обрисована подозреваемым, признание есть, срок известен, судье я уже позвонил.
- А кто будет судить?
- Валька.
- Сразу согласилась?
- А хули ей. Дел у ней сейчас много, ну одним больше, другим меньше. Десять минут работы... Но вы бы тоже с ней связались, а то одно дело я, другое – вы. Вы же у нас дела в суд отправляете...

– Не, ну хорошо. А для себя, Выхухолев? – соблазнял голос в трубке. – Неужели тебе не интересно?

– Что интересно? – начал злиться милиционер.

– Как все было на самом деле?

– Сергей Макарович, моя задача – выехать на место. Опросить свидетелей. Взять подозреваемого. Снять показания. Вот это и есть мое «на самом деле». Другого «на самом деле» я не знаю.

– Понятно, почему ты до сих пор в майорах, Выхухолев, – огорченно сказала трубка.

– Что? – закричал милиционер. – Что сейчас сказали?

У него, быть может, впервые за десять лет, возникло ощущение, что он может совершить поступок. Доказать, что не настолько ничтожен, как сам себе казался. Вот сейчас он все выложит Сергею Макаровичу про всю дурь своей службы, про ночные дежурства, про поножовщину алкашей, про начальство, которое не знает, чего хочет, но постоянно от него что-то хочет, – и пусть его уволят из органов. Пусть даже дело какое-нибудь возбудят. Фиг с ним.

– Что я сейчас сказал? – переспросила трубка. – То, что будем тебя в подполковники двигать. За год вырастешь. А то возраст у тебя вон какой, а майор. Документы на подполкана уже в Минск пошли. Вот что я сказал.

– Так что, на алкоголь кровь проверить? – присмирел Выхухолев.

– Да как хочешь, – подбодрила трубка, – мне-то точно все равно.

– Может, я заеду? – заискивающе предложил милиционер.

– Нет, держи у себя, – быстро сказал голос, и связь прервалась.

– Подполковник, – произнес Выхухолев вслух. – Подполковник Выхухолев. Усритесь вы все!

Глава 8.

Главного редактора газеты «Путь Родины» звали Петрович. То есть, фамилия у него была Петрович, а звали всего его Петрович, думая, что Петрович это отчество. А отчество

у него было Никифорович. Он к такой ситуации давно привык, послушно откликнулся на «Петровича» и никого не поправлял. Потому что в городе Глуск если кого-то однажды назвали Петровичем, то поправляй не поправляй, быть ему Петровичем до самой смерти.

Петрович был человеком интеллигентным, однажды окончившим университет в Минске, подававшим надежды, читавшим Хайдеггера, пересказывавшим сокурсникам «Стену» Сартра и плакавшим над автобиографическим романом Шкловского «Zoo». Потом Петрович приехал по распределению в Глуск, собирался отработать два года, но, проснувшись однажды, понял, что живет здесь уже тридцать лет.

Своего кабинета в редакции у Петровича не было, потому что недавно «Путь Родины» уплотнили кружком баянистов: там, где раньше стоял стол Петровича, теперь цепкими пальцами растягивали меха любители баяна. А стол Петровича стоял теперь посреди общей комнаты или, как он ее называл, ньюзрума. Сидя за этим столом, Петрович теребил в руках настенный отрывной календарь, курил и был погружен в тяжелые мысли. Он понимал, что районная газета непопулярна среди тружеников села. Но раньше не мог додуматься, почему. А вчера, глядя вот на этот конкретно календарь у себя на кухне, вдруг понял, почему.

– Третью сделали, подпишите, – поднесла ему распечатку готовой газетной полосы секретарь редакции, молоденькая Даша. Даша окончила университет в Минске, читала Бурдые, Фуко и Бодрийяра, плакала над любовной перепиской Ханны Аренд и собиралась остаться здесь только на два года.

Так вот, проблема в том, – возобновил течение тяжелых мыслей Петрович, – что идеальным медиа для тружеников села является такой вот настенный отрывной календарь. Он пролистал толстую, напоминающую пачку денег книжицу, изготовленную из оберточной бумаги с плохой печатью, и дошел до тиража: 200 тыс. экз. Тираж издания-конкурента больно уколол Петровича. Он нашел «11 июня» и, как и полагается, вырвал страничку, обнажив следующую: «12 июня». Здесь были указаны время рассвета и заката, продолжительность светового дня; содержались рекомендации по пропалыванию бурака, напоминание о прививании деревьев, несколько рецептов кормовых замесов для свиней. Под фазой Луны шел рассказ о том, как приготовить «курач» – «традиционный самогон, настоящий на курином помете». Календарь нахвалявал «необычные вкусовые качества» этого «белорусского абсента», обещал «продолжительное состояние эйфории» и предостерегал от «несколько более сильного, чем обычно, похмелья». Дальше размещалось крохотное изображение фигурки святого и заговор-молитва «для купающихся в реке». «Будьте осторожны на водах!» – оптимистично завершал календарь рассказ об очередном летнем дне.

С одной стороны, думал Петрович, несмотря на квази-ежедневный характер, такой календарь болеет явным дефицитом актуальных новостей, травматичным для современного человека, привыкшего к чрезмерному информационному потреблению. С другой стороны, время и космос местного труженика села структурируются по-другому, носят циклический характер, завязаны на смену поргода, на их чередование. И неясно, зачем им газета, когда приметы, рецепты самогона, суеверия и молитвы – в полной мере изложены в этом календаре. И какая разница, сколько выделено республиканским бюджетом на культуру района, когда главные новости – время заката, рассвета и фаза Луны?

– Третью подписали? – спросила Даша.

– Погоди ты! – отмахнулся Петрович.

У него в голове мелькнула мысль о том, как превратить газету в подобие такого календаря, но затем взгляд опустился на унылую третью полосу, со статьей о надоях и качестве кормовой свеклы, их взаимосвязи и диалектике, и мысли из головы Петровича разочарованно ушли.

– Петрович, к вам посетитель! – крикнули с другого конца редакции.

– Третью подписали? – пробегая мимо, спросила Даша.

– Вас к телефону! – позвал Петровича Малышев, обязанностью которого было отвечать на звонки.

Голова Петровича начала распухать от обилия задач, которые требовали срочного решения, и это было верной приметой того, что рабочий день начался. Он сосредоточился на чтении заметки о закупке горюче-смазочных материалов к уборочной и даже нашел в ней фразу, возможно, сохранившую ошибку, – «обеспечение дизтоплива песенными коллективами для выезда на поля и развлечением комбайнеров», как рядом со столом оказался незнакомый мужчина. Зажав «обеспечение дизтоплива» пальцем, Петрович спросил «чем могу помочь» – одними бровями, потому что его рот был занят, ртом он кричал Малышеву, упорно звавшему его к телефону: «Занят я! Пусть повисят на проводе»!

Мужчина, пришедший к Петровичу, выглядел, как военный отставник либо пенсионер из научно-технической интеллигенции, словом – как человек, у которого внезапно появилось очень много времени и он решил тратить это время на визиты в редакцию, посещение родственников, звонки детям, в общем – напоминание миру о том, что он есть, и о том, что ему нечем заняться.

Сто пудов изобретатель из народа, мелькнула мысль у Петровича, будет сейчас про вечный двигатель в сарае распрягать. Но мужчина вместо этого поставил на стол рядом с Петровичем сумку с застежкой-молнией, из которой торчали две морды котов. Один кот был длинношерстным, другой – обычным дворовым барсиком. Коты были надежно закреплены в сумке застежкой-молнией и выглядели бесконечно уставшими. Этой своей усталостью от всего мира коты отчасти напоминали самого Петровича.

– Ой, котики! – вскрикнула проходившая мимо Даша.

– Вас к телефону! – надрывался Малышев. – По номеру! Ошибка, говорят.

– Да погодите вы все! – раздраженно вскрикнул Петрович, снова поинтересовавшись у мужчины бровями, чем он может ему помочь.

– Вот, коты, – сказал тот.

– Я вижу, что не нильские крокодилы, – бойко отреагировал Петрович. Ему подумалось, что во фразе «обеспечение дизтоплива песенными коллективами для выезда на поля и развлечением комбайнеров» не вполне понятно, кто собирается выезжать в поля: дизтопливо или песенные коллективы. И если собирается выезжать дизтопливо, то его обеспечение песенными коллективами вполне оправданно, но вот если наоборот, то... Тут, наверное, и крылась ошибка. Оставалось только схватить ручку и подчеркнуть предложение, но мужчина с котами требовал к себе внимание.

– Вот, принес котов, как и обещал, – сказал он.

– Кому обещал? – удивился Петрович.

– Вас к телефону! – орал Малышев.

– Да погоди ты! – крикнул в ответ Петрович.

- Мы с вами говорили насчет котов, – объяснил мужчина.
- Когда?
- Сегодня утром. Я звонил.
- Малышев, тебе звонили по котам?
- Было что-то, – крикнул Малышев.
- Чего не передал?
- Я передал! Вы первую читали, – отозвался Малышев. – Вас к телефону!
- Пусть повисят! И что коты? – спросил Петрович у мужчины.
- Ну, я ж говорил, травят их.
- Кто травит? – удивился Петрович.
- Сосед травит.
- Какой сосед?
- Мы с ним участок никак не поделим. Он на целую гряду хочет забор подвинуть. А у меня там крыжовник! – повысил голос посетитель.
- А при чем тут коты? – уточнил Петрович. Он заметил, что его палец съехал по строчке и теперь больше не указывает на фразу «обеспечение дизтоплива песенными коллективами для выезда на поля и развлечением комбайнеров». Чтение заметки нужно было начинать заново, тьфу ты черт!
- Чего вы плюетесь? – подозрительно подался вперед мужчина.
- Я не вам плююсь, – объяснил Петрович. – Я по своему поводу плююсь. Так что коты?
- Их надо проверить, – требовал посетитель. – Сосед травит их рыбой, которую вымачивает в дихлофосе. Я сам видел. Это из-за крыжовника. Места ему мало. А коты не виноваты.

- И что? – уточнил Петрович.
- Я вам принес, чтобы вы их проверили.
- Как проверили?
- Они сонные какие-то. Раньше бегали, прыгали, за бумажкой гонялись. А теперь спят целыми днями, – терпеливо описывал жизнь котов посетитель.
- Так вы подойдете или нет? – надрылся Малышев.
- А давайте возьмем котика! – предложила Даша. – Будет у нас здесь жить, ходить, мурлыкать. Я ему буду молочко носить. Третью подписали?
- Черт с ней с третьей! – Петрович поставил на макете третьей полосы размашистую подпись. – Прочитай сама про ГСМ, там с комбайнерами какой-то затык.
- Давайте этого, пушистого, оставим! – Даша погладила одного из котов по голове. Тот мудро закрыл глаза и попробовал мурлыкать. – Давайте оставим, видно же, что псих, уморит животных, – работа в редакции привила ей умение не обращать внимание на посетителей, обсуждая их психическое здоровье и физические недостатки.
- Так что вы от меня хотите? – повысил голос Петрович, обращаясь к посетителю.
- У меня котов травят, а вы помочь не можете? – тот тоже повысил голос. – У вас редакция или не редакция?
- Мужчина, как мы ваших котов проверим? У нас же не санстанция. Вы в санстанцию их носили?
- Носил, – расстроился мужчина, – но он там всех купил.
- Кто он? – уточнил Петрович.
- Сосед.
- Кого «всех»?
- Санстанцию всю. Говорят, «нет признаков отравления в шерсти».

– Зачем вы животных в сумку запихали? – обратилась к нему сердобольная Даша. – Вы бы селедку эту принесли отравленную. Котикам же неудобно в сумке!

Посетитель что-то ответил. Петрович обнаружил, что на секунду перестал быть эпицентром дискуссии о котах и быстро сместился к Малышеву и его телефонной трубке. Даша продолжала перекрикиваться с котистом.

– Але, – сказал Петрович.

– Здравсьте, – сказала трубка. Голос был молодой, но шепелявый, как будто у говорящего отсутствовала половина зубов или он напихал в рот камней, чтобы изменить голос до неузнаваемости. Впрочем, Петрович не мог сконцентрироваться на голосе: он внимательно следил за перепалкой Даши и посетителя. Опыт подсказывал ему, что посетитель, по мере нагнетания ситуации, мог достать баллончик и распылить газ, снять штаны и трусы, чтобы всех удивить, поджечь стопку с бумагой, словом, потенциал у ситуации имелся.

– Але, – повторил Петрович.

– У вас ашыбка у газете, – сказал голос. – У номера за 11 июня. Там, де про аграбление магазина сказана.

– Что за ошибка? Быстрей говорить можете? – нетерпеливо переминался с ноги на ногу Петрович. Он увидел, что полосу с комбайнерами и ошибкой понесли в печатать, – Даша увлеклась спором и не вычитала материал.

– Там ничыво не сказана пра деньги. Возле цела деньги были. У пакете.

– Откуда вы знаете? – автоматически уточнил Петрович. Его голова была занята совсем другим.

– Дык я у Малинаве всех знаю! – не вполне логично ответил голос.

Петровича посетила неожиданная мысль, что, если убедить исполком давать на первой полосе меньше официальных постановлений и репортажей с полей и заменить их, например, гаданием и рецептами холодника, тираж «Пути Родины» поднимется в десять раз. Но эта мысль была не к месту, звонящий ему говорил что-то про деньги, про убитого, про Малиново.

– Мужчина, вы от меня что хотите? – задал Петрович вопрос, после которого большинство бесед в редакции обычно заканчивались. Человек начинал объяснять, чего он хочет от главного редактора районной газеты, и в процессе объяснения сам осознавал, что районная газета ему в этом (экспертизе котов, патентовании вечного двигателя и т.д.) помочь не может.

– А пазванице у милицию. Утачнице. Были все-таки деньги возле цела или не были? – сказал голос на том конце провода вполне логичную вещь.

– А зачем мне звонить? – еще раз попытался уклониться от этого Петрович.

– Дак я ведь гавару. Ашибка в газете. В номераы за 11 июня.

Слова «ошибка в газете» для измученного сознания Петровича были ключевыми. Это был такой код, активизирующий ментальную цепь «стимул-реакция». Он выдал стандартную в таких случаях фразу: «Будем разбираться», – нажал рычажок телефона и набрал номер районного отдела милиции. Параллельно он удивлялся тому, что Даше каким-то образом удалось усмирить человека с котами: он сел в кресло Петровича и мирно обсуждал с девушкой преимущества сибирской породы над короткошерстными.

– Але, РОВД? Выхухолева позовите, – распорядился Петрович. – Это его из районки, Петрович. Что? Зачем? Ну, скажите, что вопрос возник по пресс-релизу вчерашнему. Уточнить надо.

Пока к телефону звали Выхухолева, Петрович услышал глухой гул за стеной: заработала ротационная машина, печатающая третью полосу «Пути Родины» и навсегда оставляя в истории фразу «обеспечение дизтоплива песенными кол-лективами для выезда на поля и развлечением комбайнеров». Знаток Хайдеггера, Сартра и Шкловского в Петровиче содрогнулся. Ему было обидно, что вот и нашел, и пальцем прижал ошибку, но та, как вьон, выскользнула из рук и прыгнула на страницы его газеты. Потом Петрович подумал, что среди читателей районки число граждан, способных выявить проблемы в управлении существительных, невелико, газету в основном используют для заворачивания сала, а потому и расстраиваться тут нечего.

– Выхухолев, – рявкнула тем временем трубка.

Глава 9.

– Шульга, как думаешь, а чего Жирный в магаз полез? Денег ему было мало? – Серый лежал на кровати, покрытой рукотканым покрывалом и разглядывал дыры на своем носке. Хомяк стоял у дверного проема, отделявшего кухню от спальни, и внимательно изучал заключенный в рамку набор семейных фотографий. При этом у Серого был такой вид, будто он разглядывал семейные фотографии, а у Хомяка – такой вид, будто он изучал дыры на своем носке. Хомяк смотрел презрительно, как на пацанов с соседнего района, которые по каким-то причинам не могут навешать ему оплеух, хотя должны. Было в его взгляде чувство собственного превосходства, произраставшее из того простого факта, что он – жив, а лица, указанные на снимках, – мертвы, причем уже много лет. Видел он перед собой коричневые снимки царских офицеров, глядящих молодцевато, как будто они только что подкрутили и смазали мас-

лом усы и проборы; видел снятых неясно куркузных мужичков 20-х годов, в кепках, более всего своей неуверенностью, нагловатой белозубостью похожие на Шульгу. Были тут и подкрашенные ретушировщиком в персиковые цвета снимки 40-х, оставлявшие похоронное впечатление. Люди на этих снимках – в военных френчах, цветастеньких сарафанах с белыми шлеечками, все сплошь мертвенно-розовощекие, даже не пытались сделать вид, что они живые. Серый же на свои носки смотрел серьезно. Как на произведение искусства. Как на фотографию Земли из космоса. Сложная география их дыр как будто сообщала что-то важное Серому.

– Шульга, так че? – переспросил Серый. – Чего он полез?

– Да не знаю я, – отмахнулся Шульга, который пытался придумать, как им достать деньги.

– Ну а какие варианты?

– Да варианты теперь разве что сам Жирный знает. Ну, может, еще апостол Петр. Спросишь у них на том свете.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – суеверно сплюнул Серый и постучал себя по голове. – Ну а если предположить? Ты же умный, Шульга.

– Ну, если предположить, то картина, в общем, ясная. Идет Жирный, ночь вокруг, темень, в теле – дыра от пули, вся одежда в крови, перед глазами красные круги, чувствует, что пиздец ему наступает. Мечтает уже не о том, чтобы деньги спасти, а чтобы его нашли и докторам передали. А вокруг – ни души. И тут видит – хоп! Перед ним магазин. Он же хитрый вообще. Был, – добавил Шульга через паузу. – Хитрый был. Видит магаз, видит сигнализацию и соображает: магазин можно бомбануть, сигналка срабатывает, менты скоренько приедут, его в машину, быстро на койку, прооперируют и все – жив. Денег половину мен-

там отдаст, если, конечно, все не заберут. Но – жив. Думаю, такая у него логика была.

– Стройно! – похвалил Серый.

– Только, видать, менты приехали, как обычно, часов через пять. И Жирный отдулится успел.

– Так ему и надо, – повторил Хомяк.

– Царствия небесная, – нараспев произнес Серый.

Во дворе послышались тяжелые шаги бабы Любы. Шульга выскочил ей на встречу и открыл дверь. Женщина тяжело протопала в избу и села на табурет у стола.

– Ну как, нормально обкосили? – спросил Шульга.

– Нармально! Только этый, – она кивнула на Хомяка, – гультаеватый каки-та. Не работау, все длинный сделал за яго. И абкасиу, и траву прыбрау.

– Да мне не сложно! – усмехнулся Серый.

– Может, еще что нужно помочь, баба Люба? – поинтересовался Шульга.

Она кивнула так уважительно, что парни поняли: помогать они ей за еду будут еще очень долго: сала и картошки хватит и на чистку колодца, и на обновление крыши, и на поправку калитки.

– Вы усе у темначы сидите? Адкрыли б ставни, – напомнила баба Люба.

– Гламурней так, баба Люба. Мы привыкли со светом, – белоzubо улыбнулся Шульга.

– Эх, гарадския! – отмахнулась она. Чувствовалось, что женщина давно поставила крест на попытках понять городскую культуру, в которой поднимаются не с первыми лучами солнца, а как прозвенит будильник; в которой Интернет заменил такое увлекательное и, главное, бесплатное

занятие, как сидение на завалинке и обсуждение, у кого померла корова, кого схватила подагра, чья женка кому изменила, кто кого оттягал за волосы.

– Я у цябе спросить хотела, – обратилась она к Шульге и даже снизила доверительно голос, – ты чего свою Настену обидел?

– Какую Настену? – удивился Шульга.

– Твою Настену!

– Вы меня ни с кем не путаете?

– Не дуры мне галавы, хлопец! – прикрикнула баба Люба.

– Да я не дую! – попытался оправдаться Шульга. – Что за Настена? Настену какую-то придумали...

– Да-да, что за Настена, вы расскажите нам! – оживился Серый, улыбаясь во весь рот. И, повернувшись к Шульге, несколько раз подался вперед паховой областью тела, проследив, чтобы этот сомнительный с точки зрения деревенской эстетики жест не заметила старая женщина. – Было? А?

– Иди ты, – отмахнулся Шульга.

– Ты что, не вспомнишь Настену? – сложила руки на груди баба Люба. Ее лицо выражало крайнюю степень негодования.

Шульга вдруг задумался. Похоже, он начинал что-то вспоминать.

– Светловолосая такая, да?

– Гаварыли ей, не вадись ты с гарадским! – запричитала баба Люба.

Шульга ошеломленно молчал.

– А что с ней?

– Цебя ждет! – выкрикнула баба Люба. – Ты ж як тады съехал, ат тибя ни слуху, ни духу. А яна ждет.

Серый на своей кровати прыснул со смеха. В полутьме он сделал какой-то знак Хомяку, и они приглушенно засмеялись уже оба.

– Погодите, как ждет? – привстал Шульга. – Как ждет? Сколько ж это лет прошло?

– Вот и я гавару. Сколько уже лет прошло! А от тебя ни слуху, ни духу!

– А... Она... – Шульга постарался подобрать слово точней, – она одна меня ждет?

– Ды не, куды адна! – махнула рукой баба Люба, и Шульга заметно напрягся. Его воображение успело нарисовать короткие штанишки, ободранные коленки, засохшие сопли на подбородке, но не успело предложить ему приблизительный возраст новоявленного сына (вариант с дочкой привидеться ему не успел).

– Як маці памерла, бацька ейны прыехау. Жывуць удваях. А той пье – пье!

– То есть, вдвоем, значит, – с заметным облегчением в голосе произнес Шульга. – Вдвоем это хорошо!

– Ды где ж хорошо? Ен не работае, усе хазяйство на Настене! А яна ж – и хата, и библиотекарша пры клубе! Вучоная – страх!

– Библиотекарь, – зачарованно повторил Шульга.

Это слово вызвало новую вспышку веселья у Серого и Хомяка.

– А откуда отец нарисовался? Ведь говорили умер давно... И говорили, что темный какой-то.

– Вот именна, што темны! Лучше б падох! А ен вярнулся и живе. Пье, усе прапивае!

Шульга молчал.

– Ды где ж ты быу, парэнь? – спросила у него баба Люба. – Андрэй вонь твой са сваей бабай да самай смерти жыу. Ма-ялися. Аны, можа, и не любили адин адно, но жыли. А ты як съехау тым летам у горад, дык и усе – не слышна, не видна! А Настена жде! Ей люди говорят – кинь ты ждаль, а яна – жде!

– Мне говорили, она в Минск уехала, на Тракторном работает, в столовке, – попытался оправдаться Шульга.

– Дык кали б так – чаго ты яе в Минску не нашол? Што вы за людзи, а? – она покрутила головой по сторонам, и приглушенные смешки Серого и Хомяка затихли. – Вы што, как зверы, да? Пакрыу, як бык карову, и пабег?

Щеки у Шульги горели.

– Ну, кинул, да. Ну кто ж знал, что она ждаль будет? Меня, баба Люба, тоже в Минске знаете как кидали? И в Москве потом. Огого как кидали, – его голос звучал неуверенно. – Ну что, ну у меня своя жизнь, городская, а здесь другая жизнь. Я же не знал, я если бы знал, я, может, и взял бы ее с собой. Мне что, жалко?

– Эх, парэнь-парэнь, – покачала головой баба Люба и встала, чтобы выйти прочь. Было видно, что этот разговор она продумала тщательно, вплоть до тончайшего оттенка интонации в этом «парэнь-парэнь», до скорости и траектории разочарованного вставания с табурета. Но, переступая через порог, она споткнулась и сорвалась на незапланированный старушечий квохт: «Вой я, вой я!», который частично сгладил придавливающее впечатление от ее прокурорских слов. Когда калитка за бабой Любой затворилось, Серый вскочил с кровати и в приступе веселья закружил Шульгу по комнате: «Женись на мне, Шульга! Сделай мне предложение, Шульга! Я буду варить тебе борщ, Шульга!»

– Тьфу, прям два пидора, – осудил Хомяк, который, тем не менее, лыбился во весь рот.

Однако Шульга шутовское настроение приятелей оборвал.

– Чего лыбитесь, дурни? Тут в деревне так говорят: кто утром ржет, вечером слезы льет.

– Так ведь вроде не утро, Шульга, – не захотел униматься Хомяк.

– Чего он взъелся? – обратился к Хомяку Серый.

– Того! – оборвал Шульга. – Не смешно, пацаны. Не смешно!

– А по-моему, очень смешно, – с вызовом сказал Хомяк. – Чикса какая-то, библиотекарьша.

Подзатыльник Серого не дал ему закончить:

– Чего ты своих бьешь? – обратился он к Серому. Тот только посмеивался.

– Пацаны, нам надо про деньги решать, – сказал Шульга. – Давайте сядем за стол и раскумекаемся по серьезке, что, как. Он первый опустил на табурет, изобразив глубокомысленное выражение на лице. Приятели присоединились к нему.

Посидели так некоторое время. Серый включил в сеть радиоточку и покрутил ручку громкости. Тот самый бархатный голос, который прорывался сквозь рацию «Пеленг-2» к Выхухолеву в Малиново, теперь читал отчет со встречи в верхах. Слово «верхи» он произносил с таким страстным придыханием, что чувствовалось: голос пойдет далеко и еще, может быть, в этой жизни «в верхах» побывает. Серый думал было поглумиться с голоса, но вспомнил, что речь пойдет о деньгах, и приглушил радио.

– Ну, у кого какие идеи? – спросил Шульга.

– Давайте на ментовку нападём, – предложил Хомяк.

– Молодец! – отозвался Шульга. – Давайте лучше сразу на штаб-квартиру ООН.

– А что, нормальная идея, – отреагировал Серый. – Если менты баксы подбрили, мы можем у ментов баксы вернуть. Ясно, что ствола уже нет, выбросили. Но можно с ножами сунуться. Да я их ломом так отмудохаю, Дзержинский не узнает! Шапку бандитскую на морду вон из шарфа сделаем.

Хомяк что-то хотел вставить, но Шульга ему не дал:

– погоди, Серый, а с чего ты решил, что мешок с баксами в ментовке?

– А где ему еще быть? – Серый развел руками. – Сам же сказал: деньги менты занычили.

– Да, я сказал, что деньги менты занычили, но я не сказал, заметь, что деньги в ментовке лежат.

– Почему это? – наморщил лоб Серый.

– Да потому! – объяснил Шульга. – Мент чужую зелень к себе в кабинет не потащит. У него ж там посетители, прокуроры, проверки, инспекции. Он ведь не к уликаам баксы приобщать собирается, понимаешь? Он ведь себе их, на шубу жене... – Шульга сообразил, что выбрал не тот порядок трат. – Ну и на дом в Ницце со шкафом из мореного дуба, в котором эту шубу можно повесить. И на пачку французских блядей, чтоб шубе жены завидовали.

– То есть? – все еще не понимал Серый.

– То есть, мент «А», который наш целлофановый пакет заприпас, лэвэ уволок к себе, поделился с ментами «В» и «С», старшими по званию. Те отстегнули своим старшим, допустим «D» и «Е» – чтобы их не накрыли. А те – сво-им старшим поднесли. Тут весь латинский алфавит участвует. Итого: бабло – где угодно, но только не в участке. В участке только задержанный подозреваемый «К.» с отбитыми почками и дежурный Федя, в шарики на компе играет.

– А давайте тогда банк поднимем! – в запале предложил Хомяк. Ему было обидно, что его идея была так убедительно раскритикована Шульгой.

– Да еб твою мать! – вскрикнул Шульга. – Откуда такие варианты дебилные? Ты в кино живешь или в жизни?

– А что такое? – стоял на своем Хомяк.

– Да то, что в жизни банков не грабят.

– Как не грабят? – спорил Хома. – Грабят.

– Ты вообще видел, как у нас банк устроен? – ласково поинтересовался у него Шульга. – Не в Чикаго, где Аль Капоне живет, а у нас, вот здесь, в Глусском районе?

– Ну, как устроен? Касса везде есть! – нарисовал пальцем на столе нечто, похожее на банковскую кассу, Хомяк. Банковскую кассу он не видел в жизни никогда, поэтому на столе у него получился некий продолговатый предмет с монитором и клавиатурой.

– Там будет очередь из полутора сотен тружеников села, как они их в газете называют, которые тебя разводными ключами в капусту изрубят, если ты вперед очереди к окошку сунешься.

– Не, ну, допустим, можно время подобрать, чтоб там мало людей было, – вступил Серый, которому показалось, что Шульга критикует предложения Хомяка только потому, что их предлагает Хомяк. – Допустим, и колхозников этих я могу на запчасти для трактора «Беларусь» разобрать, если дойдет.

– Пацаны, вы когда к кассе прорветесь, обнаружите там косяк «зелени» белорусскими рублями. И еще пять косярей евро – в сейфе, если он там вообще есть. А у нас в пакете, который Жирный уволок, был десятилетний бюджет Глусского района. Там до хуя было...

– До хуя, – согласился Серый.

– Гонишь ты, Шульга, – уже безнадежно, уже понимая, что его вариант не пройдет, вздохнул Хомяк, – во всех фильмах, если людям нормальным людям деньги нужны, они банк идут брать. Если б это прямо такой вот безнадегой было, как ты говоришь, в фильмах бы не показывали.

– Так одно фильмы, другое – жизнь! В фильмах же есть спецэффекты, комбинированные съемки. В фильме перед тем, как Шварц придет сейф вскрывать, в этот сейф режиссер бабло подкладывает. И снова закрывает. А Шварц такой хоп – ой, деньги! Типа, не знал! А он знал, что грины там лежали – вместе с режиссером их туда и положили. А потом пленку перемотали, склеили – все чикипыки! Как будто как в жизни.

Хома и Серый молча слушали, но их молчание было скорей одобрительным. Действительно, слишком сильно отличалась ткань реальности от сложного процесса кинопроизводства.

– Так что делать тогда, Шульга? Какие варианты?

– Из жизни надо варианты искать, – предложил Шульга, – из жизни.

– У меня сосед в 1985 году в лотерею «Жигули» выиграл. Мы ему всем домом завидовали, – честно признался Серый. – Вот тебе из жизни пример. Был – чмо чмом. И вдруг – «Жигули».

– Интересная идея, – оживился Шульга.

– Только надо много-много лотерейных билетов купить. «Спорт-Пари»! – сказал Хомяк.

– Лучше «Спорт-Прогноз» покупать, там выигрыш больше, – не согласился Серый. – По телевизору показывали: джекпот – 20 миллионов грин и квартира возле метро. Этого хватит.

– А «Спорт-Пари» настолько круто, что им даже по телевизору рекламироваться не надо. Поэтому давайте лучше их!
– Хомяк не мог смириться с тем, что все его идеи отбрасывались.

– Сложим весь кэш, что у нас есть, накупим бланков, все клетки заполним, чтоб все варианты были в деле, я, правда, не вполне в курсах, как там все устроено, но заполним, выигрыш возьмем, и все! – фантазировал Хомяк.

– А еще есть моментальная лотерея, оторвал и все, – вспомнил Серый.

– Не, пацаны. Не пойдет. Не будем связываться, – снова помрачнел лицом Шульга.

– Почему не пойдет? – закричали оба.

– Да потому что лотереи это ебало, – почесал голову Шульга. – Большой развод, на всю страну.

– Ну как развод? – вскрикнул Серый. – По телевизору рекламируют!

– Телевизор тоже в деле, – было видно, что Шульге очень тяжело быть таким умным и всех постоянно одергивать. – Вот смотрите, пацаны, много вы знаете людей, которые в лотерею играют?

– До хуя! – не понял Хомяк линию аргументации Шульги. – У меня батя играет, тетка играет.

– У меня все кореша покупают, – сказал Серый, – тетка, бабуля, да и я сам иногда. Так что куча людей играют! Не только дебилы какие-то.

– Вот, я именно к этому, – согласился Шульга. – А много вы видели выигравших?

Друзья притихли.

– Много у вас людей квартиры поднимали с помощью лотерей? Зелеными лимонерами становились? – продолжил Шульга.

– У меня знакомые со службы у тетки холодильник выиграла. В «Спорт-Пари», – сказал Хомяк.

– Видел ты этих знакомых? Ты, лично? – запальчиво выдохнул ему в лицо Шульга.

– К чему ты клонишь? – поднял брови Серый.

– Да нет этих знакомых! Специальные люди слухи распускают о выигрышах. В учреждениях, на заводах. Чтобы люди велись и бабло реальное несли.

– Да я ж говорю, Шульга, сосед по дому у меня «Жигуль» выиграл, – напомнил Серый. – Я его видел, нормальный такой мужик, современный. Когда мне предки игру электронную подарили «Ну, погоди!», он у меня ее поиграть брал, хотя ему уже лет сорок было. А меня взамен за руль «Жигуля» садил. И мы так и сидели, он яйца ловил в игре, а я за рулем представлял, что по городу еду.

– Он тоже специальный. Нанятый, понимаешь? Актер! Жил все это время рядом с вами в доме, обычным человеком прикидывался. Ему отстегивали, чтобы он лотерею нахваливал. И «Жигули» для этого дали.

Серый примолк. Мысль о том, что он давал свою игру «Ну, погоди!» человеку, нанятому лотереей, очень сильно его потрясла.

– Не, ну и что тогда делать? – взялся за голову Хомяк. – Куда не сунься – везде ебалово!

– Слушай, Шульга, – начал Серый аккуратно, – а этот Пиджак, он сильно серьезный? Я просто всего раз его видел. Может, голову ему пробить, чтоб он к нам по поводу денег не доебывался?

Шульга нервно рассмеялся, как будто сказана была несусветная глупость.

– Серый, ты что думаешь, деньги Пиджаку принадлежат?

– А типа нет? – уточнил Серый.

– Пиджак – на подхвате. С корками полкана ФСБ, с табелем, мигалкой, каморой на Рублях, но – на подхвате. Должность у него – начальник службы безопасности. И все! Чувствуете? Начслужбез, а уже, согласитесь, понтов нормально. А вот мужчина, у которого Пиджак – начальник службы безопасности – это вообще пиздец. Пиджак мне фамилию не называл, только имя. Имя я запомнил – Роман. Рома. Ну, я не знаю, что это за Рома, в Раше много Ром всяких, но что характерно: Пиджак чтобы прояснить, как высоко мы работаем, мне этого Рому на фотографии показывал. А фотография не на столе лежала, а в журнале была пропечатана.

– В смысле в журнале? – не понял Серый.

– Ну, его в журнале, на обложке изобразили, этого Романа. Прикиньте? Причем журнал цветной, не хуйня какая-то.

– И мы на него работаем, – с уважением к себе произнес Хомяк.

– Работали, – поправил Шульга. – И, в общем, целая статья была написана про этого Романа, про то, какой он большой и как всех держит.

– И деньги его? – уточнил Серый.

– Его деньги, да. И если что, нам не только с Пиджаком дело иметь придется.

– Да, тут одной проломанной головой не отбрыкнешься, – протянул Серый.

– Может, нам попробовать этого Романа ебнуть? – с сомнением в голосе сказал Хомяк. – Приедем в Москву, найдем по телефонному справочнику, ебнем, и всех делов.

Тут уж нервно, как будто сказана была несусветная глупость, засмеялся Серый.

– Ну ты дурень! – хлопнул он Хомяка по плечу.

Шульга не удостоил эту версию своим вниманием.

– И еще одна черта к портрētu этого Ромы, – поднял он палец вверх. – Пиджак рассказывал, хобби у Романа такое: любит человек русскую старину. Так вот, пару лет тому через Пиджака он купил в Витебской области треть района, построил себе там имение с деревянными колоннами и мезонином, выкопал пруд с каскадами, собрал крестьян из четырех деревень, построил им хаты, крытые соломой, как при Льве Толстом в шестнадцатом веке жили. И, как от Москвы своей устанет, приезжает в Беларусь душой отдохнуть и в барина поиграть. Медок, ушица, экипаж у него с лошадьми. Едет на экипаже, а все вокруг в пояс кланяются, шапки ломают, улыбаются. Может, денег из окна сыпанет. Крестьяне, кстати, до уссыку довольны – их в косоворотки холщовые бесплатно обрядили, лапти по заказу во Франции сшитые подогнали: гортекс, войлок, а сверху заменитель лыка из нано-полимеров. Армяки, тулупы, бабам кокошники, чтобы хороводы, блядь, водили когда барину грустно. Каждый день – водки, сала дают бесплатно, чтобы они антураж поддерживали и морды праздничными были. Чтобы чувствовалось, как хорошо крестьянам жилось до Столыпина, который бомбу в царя кинул. Говорят, какой-то поц в районной администрации взбухнул было, но его быстро прикопали.

– Серьезный мужчина, – подвел черту под рассказом Серый.

– Да, такого не ебнешь, – отозвал свою идею Хомяк.

Хомяк достал две монеты по пять российских рублей и, чтобы всех побесить, начал гонять их по столу.

– Хомяк, хватит! – прикрикнул Серый. – Думать мешаешь!

– Иди на хуй, – весело огрызнулся он. Обычно он доводил таким образом Серого до рукоприкладства, а сразу после

получения болезненного тычка в область печени или почек – начинал ныть, что ему болит и надо прилечь.

– Братвеллы! Осенило меня! – привстал Шульга.

– Чего такое? – встревожился Хомяк. Ему было неприятно думать, что монеты, которые должны были раздражать всех, наоборот, помогли кому-то думать.

– Я малым в глусском музее клад видел, – начал свой рассказ Шульга. – Прикиньте, вооот такенная груда монет, она в жбане лежала здоровом, жбан разбился, а монеты из-за глины, которая в жбан попала, склеились между собой в один такой здоровенный шар, килограмм на десять. Прикиньте?

– Ну и? – недоуменно переспросил Серый. Ему было странно, что такой умный человек, как Шульга, в такой ответственный момент вспоминает про какие-то клады.

– Ну и! – передразнил приятеля Шульга. – Монеты серебряными были. Прикинь, десять килограмм серебра!

– А, – понял Серый.

– Так ты предлагаешь музей этот накрыть? – сразу перевел все в практическую плоскость Хома. – Не хватит десяти кило серебра, чтобы с Пиджаком рассчитаться.

– Хватит! – не согласился Серый.

Оба были весьма приблизительно осведомлены как в вопросе биржевой стоимости серебра, так и в вопросе того, сколько же денег было в пакете с надписью «ГУМ 60 лет».

– Да не, зачем музей накрывать! Надо свой клад искать. Золотой! – с запалом выкрикнул Шульга. – Здесь кладов в земле знаете сколько? То тут, то там мотыгой выворачивает, водой вымывает. Земля-то у нас героическая! Земля-партизанка! Бабло народ постоянно от врагов ховал!

– Во время Великой Отечественной? – уточнил Серый, который знал про Великую Отечественную.

– Не, еще раньше, – ответил Шульга, Серый попытался представить, что было до Великой Отечественной, не вспомнил сразу, а затем нашелся, ну конечно. Октябрьская революция семнадцатого года!

– Шульга, гнилой твой вариант. Где ж мы клад найдем? – попытался критиковать Хомяк, но критиковать у него получалось не так складно, как у Шульги. Сам он это списывал не на недостатки собственного ума, а на нелинейный склад мышления: у него всегда было достаточно аргументов, чтобы переспорить кого угодно, только аргументы эти приходили в голову не всегда вовремя. Бывало, через час после того, как спор окончен, на Хомяка спускалось четкое понимание, как нужно было спорить с соперником, но было уже поздно, поздно.

– Да легко найдем! – воскликнул Шульга. – Вот взять бабу Любу. Она, когда я тут летом был, нашла в земле две монеты золотые.

– Вот это да! – заразился Серый запалом Шульги.

– Так вы сами рассудите, где две монеты золотые, там и тысяча таких монет. Кто ж монеты по две прячет! Явно там чугуна лежал, только она его не нашла!

– Факт! – согласился и Хомяк. Мысль о том, чтобы найти то, что не нашел другой, и забрать это себе, была ему этически близка.

– А чугуна с золотом нам очень даже хватит, – рассудил Шульга. – Вы прикиньте: одна монета золотая, которой 200 лет, под косарь тянет. Потому что там в ней золота грамм пять, причем это настоящее золото, старое, не то, что сейчас турки разбавляют. Плюс историческая цен-

ность какая. Музеи покупают, коллекционеры разные, которым приятно старое у себя хранить. В чугуне таких монет – тысяча. Тысяча монет на тысячу баксов – вот тебе уже и десять лямов. С Пиджаком всухую разойдемся! Еще, может, и на поляну останется, посидеть, отдохнуть.

Друзья согласились с такой калькуляцией.

– К тому же, у нас есть одно преимущество, – заговорщицки снизил голос Шульга.

Серый и Хомяк наклонились к нему, чтобы внимательно выслушать про преимущество.

– Обычно клады находят случайно, – объяснил он. – Пашет землю мужик, вдруг из-под плуга раз – и кувшин с медяками. Но он же не при делах был, он вообще землю пахал просто. А мы-то не землю пахать будем! Мы целенаправленно золото искать будем!

Серый и Хомяк закивали: правильно все говорит.

– С лотереей ясно, где ебалово, – привел еще один аргумент Шульга. – Люди покупают, а наживается лотерея. А тут никто не наживается. Ищешь клад. Находишь – твой. Не находишь – никому не отстегиваешь.

– И по телевизору не рекламируют! – сейчас в устах Серого это звучало как преимущество: ну как же, про хорошую вещь разве по телевизору покажут?

– Надо к старой идти. Выяснить, где монеты выкопала, – сузил глаза Хомяк.

Приятели не заметили, как оказались перед хатой бабы Любы. Это было немудрено, так как располагалась она ровно через дорогу. Дом мало чем отличался от местных хибар: два окна на улицу, три окна во двор, голубые наличники, желтая облупившаяся краска на дверях, щели между бревенчатой кладкой, образовавшиеся из-за ссыхания де-

рева, свежий мох, которым эти щели пытались подоткнуть. Да, еще было видно, что хозяйка имеет склонность к излишнему накопительству: поленница начиналась от забора, тянулась вдоль хаты и уходила сплошной линией до самых хозяйственных построек.

– Прышоу аб Настене пагаварыць? – крикнула женщина, едва услышав лязг защелки на дверях.

Приятели прошли в хату.

– Нет, баба Люба, – пристыженно развел руками Шульга. – Что тут говорить. Мы о другом.

– Вы, говорят, золотые монеты как-то нашли, – нетерпеливо перевел разговор непосредственно к нужной теме Хомяк.

Баба Люба внимательно всмотрелась в лица пришедших, пытаясь определить, будут ее грабить или нет. Лицо Хомяка скорей говорило о том, что грабить он готов, лицо Шульги выражало нейтральную вежливость – с таким лицом иные могут не только ограбить, но еще и расчленить ограбленного да вынести его останки в целлофановых пакетах к мусорному баку, лицо Серого светилось мальчишеским запалом: у него горели его большие уши, а на щеках пылал румянец. Поскольку все в целом лицо Серого напоминало морду доброй и глупой гориллы, а люди с такими лицами убивают редко, баба Люба решила открыться визитерам.

– Да, – сказала она коротко.

– Повезло вам, – решил развивать линию вежливого разговора Шульга.

– А где нашли? – не унимался Хомяк.

Разговаривая о таких сложных материях, как золото, баба Люба предпочитала реагировать непредсказуемо. Вместо

ответа на прямой вопрос, она открыла ящик стола, подняла зеленую материю, которой было застелено дно ящика, нащупала крохотную дверцу в дне, подняла ее и выковыряла завернутый в тряпицу кругляш. Она протянула его Серому, лицо которого внушало ей больше всего доверия. Тот развернул тряпицу и убедился в том, что кругляш действительно имеет явный желтый цвет.

– Золото? – выдохнул Хомяк, глаза у которого горели.

– Золата, – подтвердила баба Люба.

– А чего это ржавчина на нем, рядом с орлом? – уточнил Шульга.

– Ну дык эта ж старая золата! – резонно ответила баба Люба.

Баба Люба отобрала монету у Серого и, пыхтя, спрятала ее в фартук: женщина была недовольна, ведь теперь золото опять придется перепрятывать. Ребятам она не доверяла, как не доверяла в принципе никому.

– А вторая где? Была же вторая! – напомнил ей Шульга.

– А втарую мне памяняли на швейную машинку и хладильник. З гораду нейкия прязжали, хадили па хатам, мяняли, – объяснила женщина.

– Ну точно золото, – прошипел Хомяк, – если барыги на хладильник поменяли с машинкой, красная цена ему косарь.

– Баба Люба, – присел рядом с ней Шульга, – вы ведь монеты на огороде нашли?

Шульга постарался, чтобы его голос звучал так, будто он действительно вспомнил, где баба Люба нашла монеты. Кроме того, – понял Шульга, – если он сразу допустит, что монеты были найдены на огороде, женщина явно поймет, что в ее интересах показать точное место находки. Ведь,

проснувшись с утра, она может найти все свои огороды перекопанными.

– Як на агародзе? – испугалась женщина. – На реке нашей! Там, дзе перагон. Ты яшчэ там кароу пасьвиу!

Шульга внимательно всматривался в ее мимику. Не было похоже, что баба Люба лгала: она слишком быстро ответила на вопрос, времени на выдумывание фальшивого места находки не было. Кроме того, говорящая как-то неестественно затормозила в конце, как будто собиралась назвать еще более точную локацию, но решила не выдавать ее.

– А где на перегоне? Слева или справа от отмели? – голосом пионера, который выспрашивает у маразматичного ветерана, с какой стороны поля было сражение при Прохоровке, выяснял Шульга.

– Я жа там белянину стирала. – Объяснила баба Люба. – Раней, як были врэмена, мыла не было. Это шчас все стираюць мылам у бадьях. А тады к раке хадили, без мыла. Ты можа и не помнишь таго урэмени.

– Баба Люба, так а где это было? Слева или справа? Когда лицом стоишь к реке? Слева? Или справа? – допытывался Шульга.

– Як тады рабили? – сама себя спрашивала баба Люба. – Брали попел у пячы, попел, это «зола» па-руску, брали попел и у чугунах яго замачывали. Палучауся таки «шчолак», як мы яго называли. Жоуценьки таки. Мы той шчолак кипяцили, адцэжывали на фартух, завертывали и з сабой на раку брали.

– А глубоко монеты лежали? – попытался вернуть контроль над разговором Шульга, но женщина уже беседовала сама с собой.

– Выливали той шчолак на бяльлё, намачывали яво и нагами так прах, прах, прах. Прах, прах, прах!

– Дурит голову старая! – зло заключил Хомяк. – Может ебни ей, Серый! – призвал он шепотом.

– Я женщин не бью, – отрезал Серый.

– Уймитесь, дундуки! – оборвал их Шульга.

– Прах, прах, прах. А як пасьциралася, несла гэта у хату, вылажывала на даску спецыяльную такую, з рэчэчкамі, закручывала па аднаму на палку – як скалка такая, роуная, без шурпин, и шрух, шрух па той даске. Уцюгоу жа не было!

– Я ей сейчас сам ебну! – повышая голос до границы слышимости старческим, тугим ухом прошипел Хомяк.

– Спокойно тебе! – урезонил его Серый. – Скажи спасибо, что хоть что-то сказала.

– Уходим, пацаны, – вполголоса обратился к приятелям Шульга. – Где перегон на Докольке, я знаю, по обеим сторонам покопаем – и слева, и справа. Уходим.

– А куды ж вы пашли! Я ж вам яшчэ пра кросны не рассказала! – провожая их хитрыми глазками, запричитала старая женщина.

На улице смеркалось. Вечер в деревне отличается от вечера в городе тем, как много в этом вечере неба. Хаты превратились в темные молчаливые силуэты, деревья торчали из тьмы, как жадные, скрученные артритом руки, которые, падая в ночь, пытались хвататься за загорающиеся звезды. На западе дотлевал закат, его угли вот-вот подернутся белесой поволокой и умрут, оставив весь мир во власти созвездий да луны – настолько яркой, что в ее свете спокойно можно различить положение стрелки на наручных часах. С востока уже подступала фиолетовая ледяная тьма, а воздух гудел от комаров.

– Завтра пойдем клад искать, – обыденно, так, будто речь шла о рыбалке или походе за грибами, сказал Шульга.

– Надо лопату наточить, – предложил Серый, который чувствовал, что Шульга, как обычно, будет отдавать команды, Хомяк подремывать в сторонке, а все физические нагрузки придется на его, Серого, долю.

– Глядите, телочка какая-то! – встревоженно замер Хомяк, показывая на дом, в котором они жили.

Возле калитки действительно замерла воздушная, похожая на сгусток тумана, девичья фигура. Можно было различить слегка старомодное летнее платьице, легкий платок, накинутый на плечи, копну светлых волос, лежавших на плечах.

– Настя! – выдохнул Шульга.

Прятели сделали еще несколько шагов и остановились. От девушки их отделяли дорога и кусты.

– А ничего такая! – липко хихикнул Хомяк. – Я бы вдул.

– Красивая, – согласился Серый.

– Настя, – повторил Шульга. Он выглядел растерянным.

– Ну ты это, чувак, иди, – подбодрил его Серый. – А мы с Хомой по деревне прогуляемся. Может, кому пизды дадим.

– Нет, я хочу остаться, – не согласился Хомяк. – Пойдем познакомимся с малышкой!

– Говорю, прогуляемся мы пойдем! – галантно сгреб его под мышку Серый. – А ты давай, Шульга, времени не трей. Общайся. Мы через часок какой будем.

– Спасибо, брат! – отозвался Шульга.

– Здравсьте! Меня Хома зовут! – громко крикнул девушке Хомяк и помахал ей рукой, но Серый уже волок того прочь от дома. Шульга шел ей навстречу. Она внимательно смотрела на него. Выражения ее лица было не разобрать.

Серый и Хомяк молча шли по пустынной улице. Хомяк молчал, потому что злился на Серого за то, что тот не дал

познакомиться с Настей. Серый молчал каким-то странным для него типом молчания: в этом молчании как будто была мечта о том, что когда-нибудь и его будут ждать вот так, молча и верно.

– Кореш у меня в детстве был, – решил Хомяк нарушить молчание. – Вместе машинам замки расколупывали. Как-то звонят ему в дверь, ну, думает, менты спалили. Открывает, а там – почтальон. Повесточка вам. Медосмотр, военкомат, забрили парня в армию и определили в ракетные войска. Сидел он на радаре ПВО и контролировал воздушное пространство. Малая ему, ясно, каждые две недели писала: верность храню, хуе-мое. А им после присяги дали два дня отпуска, и пошел он в город. Ясное дело, сразу к малой. Не позвонил, думал сюрприз сделать. Цветов купил. Большой такой букет. Приходит к малой, дверь открывает, а она верхом сидит на другом пацане и стонет так, ааа, ааа, приятно.

– И что? – неодобрительно спросил Серый.

– Ну, кореш ушел, букет маме подарил, а с малой той больше не znalся, – заключил Хомяк.

– Врешь ты все, – со злостью в голосе сказал Серый. – Не было никакой малой.

– Ну, может, и не было, – легко согласился Хомяк. – Только я эту их сущность нутром чувствую. Никогда не женюсь. Драть буду, одну за другой, но не женюсь.

– Дурак ты, Хома, – уже спокойно, без злости, заключил Серый и снова погрузился в мечтательное молчание.

Вдали в темноте возник огонек от сигареты: курящего видно не было, но можно было определить, что затягивается он редко и глубоко.

– Смотри-ка! – оживился Серый и пошел быстрее. – Ты как на тему помахатья?

– Да я как-то не очень, – заныл Хомяк, – у меня колено болит, а ты ж знаешь, у меня коронный удар – с ноги. Тем более эти деревенские все на голову конченные. Одного покатишь – десять прибегут, с цепями.

– А чего, я готов голову кому пробить, – повысил голос Серый, понимая, что курящий его уже слышит. – Давно, кстати, не махался. Пряма чешется въебать кому.

– Здарова, хлопцы! – приветливо отозвался голос из темноты. Курящий снова глубоко затянулся, и стало видно, что курит мужчина лет пятидесяти, тощий и морщинистый. – Може, выпить что есть?

– Не, нет. Курить дай! – бесцеремонно обратился к нему Серый.

– У, лютый каки! – похвалил мужчину. – На деда щчас с кулаками пойдзе!

Слово «дед» мигом перевело говорящего в ту возрастную категорию, к которой у Серого претензий не было.

– На, кури! – предложил говорящий раскрытую пачку.

– Да ладно, батя, не курю я, – отказался Серый. – Это я так, для знакомства.

– Гриня я. Гриня Люлька! – хихикнул мужичок. – Будема знакомы!

– Серый, – кивнул Серый. – А этот вот олигофрен – Хомяк. Глаза приятелей привыкли к сумеркам, и они увидели, что мужчина сидит на ступенях какого-то полуразрушенного здания: одной стены нет вообще, через пустые оконные проемы видны силуэты выросших внутри деревьев.

– А что это за дом? – спросил Серый.

– Дык гэта ж клуб наш! Тутака у нас танцы были. Кагда я таки быу, как вы, – объяснил мужчина, – я тут нармальна весялиуса, усе баялись, усе знали Гриню. А щчас клуба нет,

то я прыхажу па вечарам пакурыць. Делать-та нечыва, телевизар не идзе, сламауся.

– А кино у вас тут было? – поинтересовался Хомяк, думая украсть киноустановку и поставить ее на даче у родителей, чтобы смотреть мультфильмы, когда все кончится.

– Не, кина не было. Тольки библиятэка, – ответил Гриня.

– Как библиотека? – переспросил Серый.

– Ну так! Как у людзей, нармальная, – объяснял Гриня. – Во тут заход быу, – он показал на соседние щербатые ступени, ведущие в эту же руину.

– Погоди, баба Люба сказала, что Настя в библиотеке работает! – обратился Серый к Хомяку. – В чем маза?

– Ну дык яна и работае, Настена! Библиятэкарка яна у нас!

– Как работает? Вот здесь? – хрипло набычился Серый, показывая на деревца, растущие из провалившегося пола.

– Ды не, эта ж фармальна! Па бумагам! Как крыша правалилась шесть гадоу таму, яна усе книжки дамой пабрала. Тут бы яны паплеслевели, мышы б паели! А так книжки пад прыглядам, батька Насценкин печку растапливае. И кали хто хоча пачытать пра графа Мантэкрыста ци пра Баярскага и трох мушкетеров, к ей идзем, яна дае, пад запис, журнал вядзе.

– Ну дела, – удивился Серый.

– А ей за гэта раз у месяц грошы паштальен прыносиць. Библиятэкарка яна! Прауда там такая грошы – тьфу! – Гриня смачно плюнул под ноги.

– Ладно, мужчина, пойдём мы, – попрощался Серый.

– А прауда, што у вас в гарадах кампьютэрныя мыши есть? – спросил вдогонку Гриня, не желая так просто отпускать интересных собеседников.

– Есть, – ответил Серый.

Гриня засмеялся бодрым тенорком.

– На шнурах сидяць капроновых, да?

– Ну да, – подумав, согласился Серый. – Но есть и беспроводные.

– Во да чыво дадумалися, ну! Мышь кампьютэрная! А сабаки кампьютэрныя есць? – выяснял он.

– Не, собак нет, – заявил Серый.

– Я читал, что есть собаки! – возразил ему Хомяк. – Их японцы делать научились. Они, как тамагочи, только на четырех лапах. И лают так: «гав, гав»! У них в Японии запрещено живых животных держать, потому что японцев слишком много, по пять человек в однокомнатной квартире живут. Потому компьютерных собак делают.

Гриня слушал его зачарованно.

– А якая яна, кампьютэрная мышь? – спросил он.

– Ну такая, с ладонь размером, – показал Серый. – Удобная.

Слово «удобная» не смутило Гриню.

– Дык вы их што, не травите? – спросил он.

– Нет. Не травим, – не сразу вникнув в смысл вопроса, ответил Серый.

– А пачэму? – удивился Гриня.

– Потому что от них вреда нет, – с трудом нашел ответ Серый, – они ведь пластмассовые.

Последнее было воспринято Гриней как шутка. Он снова весело рассмеялся. Серый пожал плечами и пошел прочь. За ним потянулся и Хомяк.

За свою прогулку приятели успели осмотреть руины коровника, похожие на небольшой форт времен Петра Первого,

остатки кузницы, фрагменты бани, уже скорей напоминавшие груды кирпичей, испугаться, когда низко над головами пролетел огромный аист, которому отчего-то не спалось в эту ночь, погоняться за белой кошкой, которую Серый хотел принести в дом, чтобы создать атмосферу уюта (кошку, конечно, не догнали). Вернувшись в хату, они обнаружили, что Шульга нет: щеколда была заброшена на петли, обозначая, что хозяин где-то рядом и его, в принципе, можно дозваться, если хорошо покричать.

Шульга пришел через несколько часов, взволнованный, бледный, но молчаливый. Хомяк и Серый, успевшие придремать, повскакивали с кроватей, зажгли свет и ждали отчета. Шульга попытался тихонечко проскользнуть в комнату и улечься, но ему не дали.

– Ну? – требовал рассказа Серый.

– Ну что «ну»? – неопределенно отмахивался Шульга.

– Ты ее трахнул? – выяснял Серый.

– Да ну вас! – не хотел рассказывать Шульга.

– Так что было? Вы где ходили?

– Прошлись просто.

– Так ты ее трахнул?

– Давайте спать, поздно уже.

Отчаявшись выдавить что-нибудь из Шульги, трое разошлись по своим углам и стали готовиться ко сну. Шульга выключил свет, в задумчивости сел за стол и покрутил ручку громкости в радиоприемнике. Там шел концерт классической музыки.

– Говорит: «Я тебя ждала», – сказал он вполголоса, обращаясь как бы к самому себе. – «Где ты был? Я тебя ждала. Где ты был то время, что я тебя ждала?». Вот вы объясните, как на такой вопрос ответить, пацаны?

Приятели молчали, понимая, что вопрос носит риторический характер.

– «Где ты был?». И так, знаете, без говна, просто действительно не понимает человек, где я столько лет пропадал. Я говорю, ну так случилось, Настя. Ну вот такая хуйня, ну что тут поделаешь? А она: «Но ты же обещал вернуться. Вернуться за мной. Забрать меня». Прикиньте, «обещал»! Ну да, обещал. Ну сколько раз каждый из нас, пацаны, обещал? И не выполнял. У нас же не спрашивали. И мы-то не спрашивали. Когда... Ну обещал, и хули толку? Обещал. А для нее это «обещал» – это вообще пиздец, пацаны. Такое «обещал» нельзя не выполнять, понимаете? И мне вдруг яс-но, что сказать-то нечего.

– Так ты выебал ее или нет? – нетерпеливо вступил Хомяк, но Серый на него шикнул.

– Ты, говорит, мне сказал, что любишь меня. И я вот слушаю это «любишь» и понимаю, что это не наше с вами «любишь». Что это вообще пиздец полный, это «любишь». И что я тогда еще не догонял, а сейчас – сейчас-то уже чувствую. А хули? Ну, обычно бабе говоришь: «Я тебя люблю». «Ты такая красивая». Чтобы дала баба. И баба это понимает, особенно не заморачивается. Сегодня ее один любит, завтра другой. А иногда и один, и другой сразу. А что, в современном же мире живем. А тут – понимаете, не так. Если «любишь» сказал, значит – «люби», всю жизнь. До конца «люби», сука.

– Не выебал! – шепнул свою догадку Серому Хомяк.

– Ждала, ну прикиньте, сколько лет ждала? Вы можете пред- ставить, ну? Вы таких других знаете?

– Так ты ее все-таки выебал? – по-своему понял Серый.

Шульга замолчал. Классическая музыка, доносившаяся из радиоточки, стала тише, вступил голос ведущей.

– Это была «Маленькая серенада» Вольфганга Амадея Моцарта. А теперь, дорогие слушатели, мы прослушаем с вами арию «Зефиретти» из утраченной оперы Антонио Вивальди в исполнении заслуженной артистки, лауреата международных конкурсов Чечилии Бартолли. Девушка обращается к ветрам, птицам, ручьям и просит вернуть ей возлюбленного. «*Vieni, vieni o mio diletto*», «приди, приди, о, мой любимый», – жалобно просит она. Но возлюбленный не возвращается к ней, причина, по которой он бросил ее, нам неизвестна, так как полная версия этого сочинения, хранящегося в архиве Турина, навсегда исчезла.

Зазвучал проигрыш на скрипках, отозвался голос певицы, как будто читающий речитатив, как будто еще даже не поющий. Скрипки набирали силу, вступил стаккато клавесин, мелодия затормозила и расцвела, как долго зревший бутон. Затем внезапно композиция сделала резкий поворот, обернулась минорным бархатом и, с раздирающей душу пронзительностью, устремилась в совершенно другую сторону, нагнетая ледяную тему одиночества и тоски по чему-то безвозвратно утраченному.

Шульга как будто задыхал чаще и глубже: по его силуэту на фоне окна было видно, что плечи вздымаются выше, чем обычно при дыхании, кроме того, его пальцы шарили по лицу, растирая щеки.

– Шульга, ты что, плачешь? – спросил Серый с явным беспокойством за друга.

– Ты ебнулся, Серый? – ответил жесткий голос Шульги. – Спи давай!

Он подчеркнуто деловито направился к своей кровати, быстро разделся и уже через минуту храпел. Глаза у него были при этом открыты.

Глава 10.

В кабинете майора Выхухолева сидел сам Выхухолев, стоял стол Выхухолева, компьютер Выхухолева, присутствовал также несгораемый сейф Выхухолева, шкаф с папками, телефон, интерком для внутренней связи по РОВД, еще тут имелся главный редактор газеты «Путь Родины» Петрович, руки которого через спинку стула были прикованы к батарее отопления. Петрович выглядел сломленным: события последнего часа утомили его.

Все началось с того, что в редакцию позвонил неизвестный и сообщил об ошибке в прошлом номере, в заметке, в которой сообщалось об ограблении магазина. Реагируя на этот звонок, Петрович позвонил Выхухолеву и спросил, правда ли рядом с трупом лежал пакет с деньгами. Выхухолев ничего не ответил на этот вопрос и положил трубку. А уже через четыре с половиной минуты в редакцию пришло восемь человек из РОВД. Двое из них были в масках и с автоматами. Они стали у дверей и обратились к находящимся в помещении несколько громче, чем обычно разговаривают люди: «Всем стоять, блядь! Никому не выходить! Ты, блядь! На место сел! Сел на место! Ебни ему, сержант, чтоб на место сел!» Двое в масках никого не выпускали из помещения, но позволили войти уборщице с ведром, которая явилась протереть половой тряпкой монитору компьютеров. Ее, правда, тоже не выпустили. Два других сотрудника милиции без масок, но с дубинками, отыскали главного редактора газеты «Путь Родины» Петровича, заключили его руки в наручники и повели в милицейский «газик». Уже знакомый нам Андруша быстро прошелся по редакции и собрал у всех паспорта, у кого не было паспортов – изымал водительские удостоверения, журналистские свидетельства, читательские билеты и медицинские справки для посещения бассейна двухгодичной давности:

ему Выхухолев приказал установить личности людей, находившихся в комнате, и составить их поименный список.

Еще трое молодых людей в милицейской форме стали споро отключать от сети компьютеры и уносить системные блоки в микроавтобус «Фольксваген», который был любезно предоставлен отделом по особо тяжким преступлениям районной прокуратуры специально для этой операции. Милиционеры также изъяли у журналистов диктофоны и забрали у редакционного фотографа две карты памяти для фотоаппарата: одну основную и одну дополнительную. После этого микроавтобус и «газик» переехали на другую сторону круглой площади, где располагался РОВД. Петровича отвели в кабинет Выхухолева, а технику стали описывать и складировать в коридоре. Поскольку Петрович вел себя буйно, его пришлось сначала ударить по голове, затем приковать наручниками к батарее. Выхухолев метался всюду и отдавал распоряжения: он чувствовал себя Наполеоном при Ватерлоо, но не знал об этом. Наконец, основная фаза операции была позади. Он вернулся в свой кабинет, сел напротив Петровича, включил компьютер и загрузил шаблон протокола допроса. Редактор и милиционер молчали и глядели друг на друга.

– Что, Петрович, допрыгался? – наконец заговорил Выхухолев. В его голосе было сожаление, отвращение, желание понять, каким образом так получилось, что Петрович допрыгался.

Редактор молчал. Он отвел взгляд и опустил голову.

– Дописался, Петрович в газетку? Сколько я раз тебя предупреждал: брось ты эту работу. Займись нормальным делом, мужским. Иди в агрономы, если умный – иди в учителя, детей уму-разуму учить. Вон училище у нас есть лесохозяйственное, лесников готовит. Школа художественная. Есть, где

приложиться ученому человеку. А ты что? «Нет, я в газете работать хочу! Я университет кончил! Я умный!» И где твой ум сейчас, Петрович?

– Ты что творишь, Выхухолев? – наконец разлепил губы Петрович. – Ты вообще в своем уме? Ты чего редакцию разгромил?

– Ну, хочешь работать в газете, работай в газете, – продолжил свой диалог с тем, прежним, Петровичем, которого еще можно исправить, Выхухолев. – Только закон не нарушай. Пиши себе тихо, публикуй пресс-релизы, распоряжения. А ты что сделал?

Выхухолев посмотрел на Петровича раздраженно и не смог вспомнить, что хотел поставить в упрек журналисту в этой конкретно части своей обвинительной речи.

– В общем, мы видим итог, Петрович. Вот он итог! Налицо! В одной школе мы с тобой учились. В разных классах, но в одной школе. И кто теперь кто? Я – милиционер. Уважаемый человек. Преступников ловлю. А ты, Петрович, кто? Ты, Петрович, преступник. Наручниками пришлось тебя к батарее приковывать, настолько ты буйный. Представляешь угрозу для окружающих тебя людей. Оказывал сопротивление милиционерам при осуществлении ими профессиональных обязанностей. Ты вообще знаешь, Петрович, что это само по себе статья?

– Выхухолев, ты по какому праву меня арестовал?

Выхухолев сделал серьезное лицо, которое должно было продемонстрировать, что допрос вступил в новую стадию, из фазы беседы по душам перешел в фазу дачи показаний.

– Фамилия, – спросил он у редактора официальным тоном.

– Петрович.

– Я понимаю, что Петрович. А фамилия у тебя какая?

– Петрович у меня фамилия.

– Ты мне голову не дури! – сорвался на крик Выхухолев. – У меня тут графа: фамилия, имя, год рождения. Что писать в фамилию?

– Да я ведь говорю, Петрович пиши! Петрович у меня фамилия.

– Значит, отказываемся от дачи показаний? – сузил глаза Выхухолев. – Или нет, это даже не отказ, это дача заведомо ложных сведений. С целью введения следствия в заблуждение. Этому тебя в университете учили?

Петрович снова опустил голову. Потом вдруг оживился, вспомнив вычитанное где-то:

– А по какому делу меня допрашивают? И в каком качестве? Я имею право знать. Прежде, чем отвечать на любые вопросы.

– По какому нужно делу, – Выхухолев оторвался от компьютера. – И в каком нужно качестве. Мы пока дальше твоего отчества все равно не зашли.

– Выхухолев, ты можешь мне по-человечески объяснить, что происходит? – обратился к нему редактор другим голосом, без нажима. – Потому что я вообще ничего не понимаю.

Словосочетание «по-человечески» зацепило майора. Он себя считал мастером разговора именно «по-человечески» и в поучительных беседах с молодым пополнением любил ставить эту свою черту в пример.

– По-человечески? – переспросил Выхухолев. – По-человечески тут все просто, Петрович. Помнишь, мы тебе вчера пресс-релиз выслали – о том, что ограбление магазина и убийство раскрыты, что подозреваемый задержан?

– Помню.

– Так вот, открылись новые обстоятельства. После твоего звонка. И у нас в деле теперь новый подозреваемый в убийстве.

– Кто? – напрягся Петрович.

– Ты, – просто, как у Достоевского, ответил Выхухолев.

Его вдруг осенило. Он нажал на кнопку интеркома:

– Андруша, ты там? Принеси мне паспорт этого маэстро. Писателя этого. Ну да, редактора. Давай, неси.

Андруша появился настолько быстро, что, казалось, он выпрыгнул в пространство кабинета прямо из интеркома. Выхухолев принял у него из рук раскрытый на нужной странице паспорт, величественно кивнул, давая понять, что Андруша может дематериализоваться, и вчитался в паспортные данные.

– Ты смотри, действительно «Петрович», – сказал он, увидев фамилию. – «Петрович Борис Никифорович». Ничего не понимаю. Как у человека такая фамилия может быть?

Он отложил паспорт: ему нужно было время, чтобы обдумать прочитанное. Он действительно был очень сильно удивлен.

– Ты где был в ночь 10 июня, Петрович Борис Никифорович? – спросил Выхухолев строго.

– Ясно где, – ответил Петрович, – спал. По ночам люди спят, Выхухолев.

– А где ты спал? – с подковыркой уточнил Выхухолев.

– На кровати. Между матрасом и одеялом.

– А видел тебя кто-нибудь спящим?

– Кто меня мог видеть, Выхухолев? Мать у меня умерла год назад.

– Никто, значит, не видел, – Выхухолев раздумывал, возобновлять ведение протокола или нет. – Выпил небось перед сном? – на всякий случай уточнил он.

– А какое это имеет отношение к делу? Ну да, выпил за ужином.

– Бутылку чернил?

– Сто пятьдесят водки.

Выхухолев задумался. 150 водки – не тот масштаб, чтобы начать убеждать Петровича в том, что тот забылся, впал в алкогольный психоз и устроил стрельбу в Малиново. Кроме того, один подозреваемый по схеме «выпил, убил, уснул» в камере уже маялся.

– Когда и где познакомился с этим гражданином? – милиционер протянул снимок, на котором убитый был снят торжественно, со вспышкой. Петрович подался вперед, выворачивая защелкнутые руки.

– Я с ним не знаком, – отрезал Петрович.

– А если подумать? – подался вперед Выхухолев.

– Если подумать – все равно не знаком.

– Не, ну так дело не пойдет, – разочарованно протянул Выхухолев. – Не хочешь говорить – не говори. Закроем тебя на пару месяцев, ты пока повспоминаешь, что да как.

– Выхухолев, ты чего ко мне доколебался? Я не понимаю, что сделал не так. Если ты о той статье по поводу роста подростковой преступности в области, так ее из Гомеля агентство прислало. Мы только разместили.

– Да при чем тут! – взвился милиционер. – Ты что, думаешь, мы тут в бирюльки играем? Петрович, ты подозреваешься в совершении тяжкого преступления. А алиби у тебя нет.

Он посмотрел в окно, за которым степенно, как Людовик XIV, прохаживался конь. Выхухолев не знал, кто такой Людовик XIV, но степенность коня оценил.

– Вот смотри, Петрович, – взял Выхухолев душевную интонацию. – Совершается убийство. РОВД сбивается с ног, роняет землю, собирает по крупичкам улики, но задерживает виновника по горячим следам. Тот взят буквально с полчиным, все рассказывает. А потом звонишь мне ты и выясняется, что ты тоже был на месте преступления. Ночью, в магазине. Это как у нас называется? Это соучастие. А ты говоришь, под одеялом спал. Кто ж тебе поверит?

– Да ты о чем, Выхухолев? О том, что я тебе звонил и про деньги спрашивал?

– Именно об этом.

– Так, значит, был там пакет с деньгами?

– Да кто сказал, что был? – испугался Выхухолев. – Денег как раз не было. Но сам факт, Петрович: звонишь, уточняешь, как будто знаешь что-то. А раз знаешь, значит – соучастник.

– Да нам просто в редакцию сигнал поступил! – медленно, как ребенку, объяснил скованный редактор. – Сигнал, понимаешь?

– Ну, что там за сигнал – это районное управление «К» в компьютерах искать будет, – строго сказал Выхухолев. – Они у нас как раз по электронному терроризму специализируются.

– Да при чем тут компьютеры! – выкрикнул Петрович. – Позвонили нам! На проводной телефон. Я лично разговаривал.

– Кто точно звонил? – Выхухолев окончательно отодвинул компьютерную клавиатуру, взял листик бумаги и приготовился записывать.

- Откуда ж я знаю? Местный какой-то.
- С чего взял, что местный? – проявил профессионализм Выхухолев.
- Ну, речь у него была не вполне правильная. На «трясянке» говорил. Ну вот, позвонил, говорит, ошибка у вас в газете. Деньги были возле тела, в пакете, все дела. Позвоните, говорит, милиционерам и уточните.
- И ты позвонил, чтобы уточнить? – помог ему развить мысль Выхухолев.
- Ну а что, мне ведь реагировать надо? Вот, позвонил. А вы ворвались, избили, истязаете вот, – Петрович вывернулся так, чтобы были видны красные борозды, оставленные на запястьях наручниками.
- А как он представился?
- Да никак! Просто, говорит, ошибка допущена. Я его вполтину уха слушал, у нас цейтнот был, номер сдавали.
- И тебя, конечно, по-твоему, отпустить надо на все четыре стороны? – улыбнулся Выхухолев.
- Ну а как еще?
- Да так! – прикрикнул майор. – Ты можешь быть причастен к совершению тяжкого преступления! Куда ж я тебя отпущу, голуба? Ты ж умотаешь отсюда, потом ищи-свищи тебя по всей стране. Видели уже таких, проходили.
- Так что делать, Выхухолев? – спросил Петрович. – Протокол допроса ты не ведешь, вопросы мне задаешь, прямо скажем, странные. И вообще, дело это какое-то необычное.
- Отчего ж необычное? – наострил слух милиционер.
- Почему его РОВД расследует, а не прокуратура? Почему личность убитого до сих пор не установлена и ничего не делается, чтобы ее установить? Почему магазин уже во-

зобновил работу, и возможные оставшиеся на месте преступления улики просто затаптываются, а? Почему со мной по этому делу опер из РОВД разговаривает, а не следак-мокрушник? Почему из Гомеля специалистов нет? Почему ты один колупаешься?

– Вот я не понимаю, что вы всюду и всем советы даете, а? – закатил глаза Выхухолев. – Как телевизор не включишь, везде – не пей кефир с соленым огурцом! Промакивай задницу не сухой бумагой, а влажной! Тьфу!

На этот комментарий Петрович не ответил.

– Ты скажи, Петрович, ты вот книжку про майора Пронина читал? – спросил милиционер с новым оттенком доверительности.

– Какую из них? – ответил вопросом на вопрос Петрович. – Их несколько.

Выхухолев не ожидал такого поворота беседы. Обычно он говорил подозреваемым про майора Пронина и, со ссылкой на моральный авторитет Пронина, предлагал сделать что-нибудь в интересах следствия. Но Петрович про Пронина знал, причем, возможно, даже лучше, чем сам Выхухолев. Это заводило следствие в тупик.

– Я так понимаю, чистосердечное признание ты писать не будешь? – опустошенно подвел итог беседы милиционер.

– Да какое признание? В том, что я убил человека, которого впервые тут на фотографии увидел?

– А хотя бы и такое. Суд бы потом установил, – безнадежно произнес милиционер.

– Да это же абсурд! – во весь голос крикнул редактор. – Абсурд!

– Ладно, Петрович, мы тебя, чтобы память освежить, поместим пока под административный арест по статье

«хулиганство». А там посмотрим, – Выхухолев сделал какую-то пометку на бумажке.

– На каком основании?

– Оказывал сопротивление, препятствовал деятельности сотрудников милиции. Ругался матом, размахивал руками. Я сейчас Валентине позвоню, чтоб она на завтра в девять административный процесс провела, а пока попрошу ребят из РОВД показания записать. Они-то прекрасно видели, как ты ругался. Расхаживал по редакции и ругался.

Петрович обреченно молчал.

– И, главное, сука, прямо у себя в коллективе! – подогревая в себе злость, возмутился Выхухолев. – На глазах у всех! Такие слова говорил! Ужас! Ты бы хоть девушек постеснялся!

– Это неправда, – глухо отозвался редактор. – Я вообще матом не ругаюсь.

– Кто ругается, а кто не ругается, установит суд, – привычно заключил Выхухолев и нажал кнопку интеркома.

– Андруша, подозреваемого в камеру, приготовь одиночку, чтобы он не причинил кому-нибудь тяжких телесных. Буйный. Ну что, Петрович, до утра ты у нас превентивно задержан, а после суда будешь подвергнут административному аресту на пятнадцать суток.

– Ну и мудак же ты, Выхухолев, – с клокочущей яростью выдохнул Петрович.

– Вот видишь, а ты говоришь, что не ругаешься. Снова пошли оскорбления, угрозы, обещания свести счеты.

Выхухолев обошел задержанного сзади, отстегнул наручник от батареи и нанес быстрый, почти незаметный глазу, удар по правой почке.

– А! – согнулся в три погибели Петрович.

– Ну вот видишь, посидел в неудобной позе, теперь поясница болит, – посочувствовал ему милиционер, застегивая наручник на вывернутой за спину руке Петровича. – А вот вел бы себя как человек, не пришлось бы тебя приковывать. Подняв запястья допрошенного так, что того прижало головой почти к самому полу, Выхухолев передал тело Андруше.

Оставшись один в кабинете, милиционер покачал головой и сказал: «Во народ!» На этот раз даже он сам не смог бы определить, кому была адресована его досада. Достал мобильный телефон и быстро набрал номер.

– Сергей Макарович, ну поработали мы с этим журналистом. Да, поработали. Ну, конечно, все еще будем проверять, но, похоже, какой-то колхозник просто из Малиново звонил. Видно, мимо шел ночью, увидел, что в магазине дверь открыта, думал спиздить что-нибудь, но испугался, как тело увидел. Ну я же не знаю, мы ведь место так, прилизительно осматривали, ну понятно, почему, правда? Ага! – хохотнул он. – Во-во, чтобы себя самих не споймать! Ну! Так что переживать нечего. Я бы, конечно, мог всех этих малиновских по камерам рассажать, чтобы они признались, кто точно в газету звонил. Ну, ну! Да! Я вот и боюсь, что они тогда у меня все признаются! – он снова рассмеялся. Чувствовалось, что его собеседник в хорошем настроении. – А что с журналистом? Не, ну зачем сразу отпускать? Если сразу отпустить, он подумает, что мы тут в бирюльки играем. Пиздеть начнет на каждом углу. Задержали до утра, завтра его определим на пятнадцать суток. Может, вспомнит что. Не, не били. А что его бить? Не, ну если не поймет с первого раза, можно и «синих» подключить. Тогда снова закроем, возьмем Пятницу, он у нас самый лютый из «синих», в одной камере помаринуем суток пять и все – шелковым станет. Пятница ему объяснит. И по-

нятия, и на кого можно, на кого нельзя. И про прокуроров, и про чекистов. Будет до конца жизни цветы к памятнику Дзержинского носить! Точно!

Выхухолев закончил разговор, чувствуя, что хорошее настроение собеседника передалось и ему. Напевая: «Хорошо живет на свете Винни Пух!», – он взялся разгадывать кроссворд. Однако столбики слов и однообразные определения как будто высасывали клокочущий внутри позитив. Чувствуя, что впереди у него – хороший, добрый вечер, Выхухолев вышел из участка прогуляться.

Глава 11.

Эргономичней всего с лопатой смотрелся Шульга. В руках Хомяка она выглядела примитивным орудием убийства, пусть даже без четкой уверенности в том, что у него достаточно сил этим оружием воспользоваться. С другой стороны, даже плюшевый медведь, даже детская скакалочка рядом с Хомяком приобретали оттенок мрачной фатальности и наводили на невольную мысль о том, как коротка человеческая жизнь и как много вокруг уродов, способных прервать ее досрочно из-за каких-нибудь пяти долларов. В руках Серого лопата смотрелась спортивным снарядом: он постоянно вертел ее над собой, отрабатывал удары и даже кидал вперед, как копьё.

«Я – Брюс Ли!» – ревел он всякий раз, когда ему давали чуть-чуть поднести лопату, и поэтому ему несли не давали. К канаве ее нес Хомяк, заготовивший фразу: «Я лопату на себе сюда тащил, копайте вы, пацаны», – которой он будет отбиваться от предложений встать с травы и поработать. Сначала Шульга думал зайти к бабе Любе за второй лопатой, но Серый возразил, что за аренду та попросит выкопать ей у дома пруд или организовать вертолетную площадку. Был

против и Хомяк, по своим причинам, поэтому вместо второй лопаты взяли метровый ломик – выковыривать чугуны с кладом из земли и отбиваться от местных, когда золото нужно будет безопасно доставить в хату. Хомяк нес и ломик: нести было лениво, но он не ныл, думая о том, «как сейчас будут ишачить Шуля и Серый».

Этим утром ребята проснулись ни свет ни заря, около полудня, сняли парадные спортивные костюмы и обрядились в одежду, найденную в теткинском шкафу, состоящую, в основном, тоже из спортивных костюмов, только экзотичных по расцветке и размеру. «Это ахтунг!» – скалился Хомяк, которому вручили темно-розовые спортивные штаны, вся левая брючина была выпачкана в застывшую серо-коричневую субстанцию, напоминающую либо грязь, либо навоз, либо, как это чаще всего бывает в деревне, – смесь первого со вторым. «Одевай, тут все так ходят», – успокаивал того Шульга. Сам он надел брюки цвета хаки, кепку «I love Neyu Iork» и застиранную до водяных знаков майку с разноцветными олимпийскими кольцами.

– Зырьте, пацаны, майка у дядьки после московской олимпиады осталась. Тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. На этой олимпиаде Путин «До свиданья, мой маленький Мишка» пел, когда медаль по дзюдо выиграл. А потом Горбачев пришел и Путину путч устроил, – объяснил Шульга.

– Так что, это, может, Путина майка? – допустил Серый. – Вдруг они с твоим дядькой обменялись?

– Может, и Путина, – согласился Шульга.

– Так ты б сохранил ее, продашь потом в музей Путина, – предложил Хомяк.

– Не, буду сам носить! – отмахнулся Шульга, показывая всем своим видом, что он настолько крутой, что может копать землю в майке Вовы Путина.

– Ну, смотри, – фыркнул Хомяк. Он решил, что при первой возможности украдет майку у легкомысленного Шульги и сам ее продаст в музей Путина.

Потом они все позировали у зеркала с лопатой, выясняя, кто из них «самый колхозник», и «самым колхозником» оказался Шульга, выглядящий, ввиду своей приблизительной интеллигентности, в меру изможденно, в меру костляво, в меру замученно – словом, ровно так, как выглядит большинство работающих мужиков в деревне.

Даже теперь, когда троица брела по заброшенному выгону к канаве, в Хомяке и Сером можно было безошибочно определить переодетых городских, а Шульга сливался с фоном и производил впечатление проводника-аборигена: походка, привычка поплевывать, даже то, как он время от времени зачарованно останавливался, чтобы выпустить газы, демонстрировало полную его гармонию с природой. Когда подошли к воде, солнце уже находилось в своем послеобеденном положении и жарило так, что прижимало к земле. Троица бросилась в воду, но тут было настолько мелко, что приходилось садиться, чтобы погрузиться хотя бы по пояс. От воды пахло тиной. Копать не хотелось. Хотелось прилечь в теньке и поспать, а потом проснуться, поужинать и опять поспать, но уже с новыми силами. Понимая, что ему нужно мобилизовать отряд, Шульга привстал и, расхаживая по берегу, как красный командир перед атакой, начал объяснять диспозицию.

– Вот, смотрите, пацаны, мы сейчас на перегоне, о котором баба Люба говорила. Тут так мелко потому, что здесь стада коров через канаву переправляли. Коровы заходили в воду и срали. Тут под илом – просто залежи коровьих срулей. Так что будете долго в воде сидеть, заболееете коровьим бешенством.

Речь подействовала: Хомяк и Серый кряхтя выбрались из окопа, но в атаку идти желания не проявляли.

– Соответственно, золотые монеты баба Люба нашла где-то здесь. Давайте задумаемся, ребята, где скорей она могла их найти? – обратился он к блаженно развалившимся на травке приятелям.

– Я ебу? – улыбаясь во весь рот, произнес Хомяк. В его устах эта фраза означала: «Я затрудняюсь ответить на этот вопрос ввиду его методологической неадекватности и спорной эмпирической обоснованности; более того, по причине весьма спорного символического капитала спрашивающего, я не желаю ломать над этим вопросом голову и предоставляю остальным высказать гипотезы на эту тему.

Хомяк смотрел на небо и удивлялся тому, какое оно бирюзовое, бездонное и прозрачное. Он не мог понять, как так получается, что простое отсутствие солнечного света ночью заставляет хрустальную субстанцию неба становиться черной и осязаемой, как так получается, что на дне этого неба живут созвездия, которые не видны днем: в этом была какая-то загадка и, быть может, кто-то из пацанов, Серый или Шульга, могли бы объяснить, в чем дело. Но обращаться к ним за разъяснением по поводу звезд казалось Хомяку занятием недостаточно мужским, и он молчал.

– Серый, а ты как думаешь, где нужно начинать копать? – не давал погрузиться в сон Шульга. – Друзья, активней, активней, мы ведь с вами собираемся клад искать!

Серый равнодушно пожал плечами. Он смотрел на птицу, летающую высоко-высоко в небе, и думал, что круто было бы уметь вот так же парить, едва двигая конечностями, под самым солнцем. И что, возможно, монахи в Шаолине так умеют, и именно поэтому им не нужно ни денег, ни тачек, ни женщин.

– Ответ на этот вопрос очень прост, – продолжал распинаться Шульга тоном школьного учителя. – Как призналась нам баба Люба, на канаву она приходила не поебаться, а постирать белье. Мы понимаем, что на самом перегона она стирать белье не могла, так как он загажен коровами. Вместе с тем, мы видим, что на канаве есть течение, причем неплохое. Стало быть, если бы она стала ниже от перегона, она бы обнаруживала на своем выстиранном белье фрагменты коровьих какашек, извините меня, ребята, за это слово. Таким образом, мы приходим к выводу, что единственной нашей опцией являются берега выше по течению, то есть, образно говоря, до коров. Тут вода была чиста даже после того, как через канаву прошло стадо.

По плану Шульги, тут он должен был передать лопату поддрагивающему от нетерпения Серому и по-царски указать, где копать. Но Серый продолжал лежать с отсутствующим видом: его не вдохновило. На Хомяка Шульга с самого начала не рассчитывал. Он понял, что ему придется действовать ровно так же, как действовали красные командиры – а именно, после пламенной речи, поднимать товарищей в атаку собственным героическим примером.

Когда они только подошли к канаве, ему больше приглянулся левый берег – он был выше, и в нем, глубоко за ласточкиными норами, можно было представить себе упрятанный, ожидающий уже несколько веков, клад. Правый берег был плоским, как блин: стирая белье на нем, баба Люба могла обнаружить напротив себя в глине блеск монеты. Но Серый лежал на безнадежном правом берегу, и потому именно тут начал раскопки Шульга, вонзив лопату прямо возле головы лентящегося. Он надеялся, что звук крошащейся под железом глины пробудит в Сером желание поработать, но тот только отполз, цепляясь за траву – так, чтобы комья земли, пыль и пыхтение Шульги его не очень тревожили.

Шульга попробовал кидать отвал в сторону Серого, как будто случайно попадая земляной крошкой ему в лицо, но и это не помогло: Серый ужом отполз еще дальше и вышел за пределы досягаемости. «Кто бы мог подумать?» – повторял про себя Шульга, раз за разом вбивая лопату в землю, подковыривая, сваливая. Земля была довольно мягкой, но без всяких следов деятельности человека. Не было тут ржавых гвоздей, фрагментов корда, истлевших кроссовок, бутылок из-под вина, пива, водки и ликера «Амаретто», которые встречаются в городской земле, стоит только ее тронуть лопатой. Береговая ткань была пуста: тут не присутствовали даже мертвые корни давно переваренных землей деревьев. «Не, ну кто бы мог подумать? – злился про себя Шульга, слыша отчетливый храп Серого. – Нашли, черти, самого спортивного!»

– Хомяк, может, ты все-таки покопаешь? – обратился Шульга с железом в голосе.

– Мне плечо болит, – отозвался Хомяк. – Я на нем лом тащил. Работай, Шуля! Ты же умный!

Изобразив траншею метров в пять длиной и в полметра глубиной, отчаявшись увлечь предприятием Серого, Шульга перебрался на высокий левый берег. Тут земля была более податливой, кроме того, тут у него появилась надежда: он все вспоминал про спящий за ласточкиными гнездами чугуун. «А может, и не чугуун, – говорил он себе, – а может, и сундук. Старый такой, с клепками». Яма постепенно оформлялась у него в неровный овал: он углубился по пояс и двигался теперь в сторону от перегона: каждый раз перед тем, как начинать копать, он вгонял в землю отточенный конец лома, надеясь услышать долгожданный лязг. На втором часу работы под ломом что-то ухнуло: металл уперся и не шел глубже.

– Есть! – невольно вскрикнул он, обнаружив, что и Серый, и Хомяк за ту долю секунды, которая прошла после обнадеживающего скрежета, успели проснуться, встать, отыскать глазами Шульгу, подойти к яме и нависнуть над ней.

– Там, внизу, – без сил выдохнул Шульга.

– Давай я покопаю, – неожиданно предложил Хомяк.

– Иди, отдыхай! – дал ему подзатыльник Серый. – У тебя ж нога болит. Или что тебе там сегодня болит?

– Пацаны, я сам уже управлюсь! – отказался от помощи Шульга. Вот он поднимает на вытянутых руках тяжеленный чугунок, из которого сыплются золотые монеты. Вот он срывает хлипкую крышку, сделанную из кованого стального листа, вот, в полубессознательном от восторга состоянии, обнаруживает, что, помимо червонцев, тут лежат еще брильянты, жемчуга и корона, пусть там будет корона, но не такая, как у русского царя, а как в сказках – острозубая, из ажурного золота, чтобы самому можно было сфотиться в ней – перед тем, как отдавать барыгам.

Приятель прыгнули в яму и начали разгребать землю ладонями, вычерпывая ее там, где лом царапнул по твердому.

– Я ж сказал, сам! Вы мешаете! – пытался выгнать их Шульга: они могли испортить ощущение триумфа.

Тем временем под лопатой быстро мелькнула лысина обычного камня, мелькнула, да скрылась под осыпающейся вниз землей: еще была надежда, еще могло показаться, не может быть, что камень! Но несколько целенаправленных движений лопатой обнажили именно спрятанный под землей валун – около метра в диаметре и неизвестно, сколько в высоту.

– Камень? – вскрикнул Хомяк. – А кто тут кричал? Клад, клад!

– Хомяк, тут никто не кричал «клад, клад»! – оборвал его Шульга.

– Ну а хули ты копать начал быстрее, будто реально рыжье тут увидел?

– Хомяк, уймись! – веско сказал Серый. – Человек работал, пока ты на массу давил тут, сопли сонные свои по земле размазывал. Ты б поблагодарил.

– За что, за камень благодарить? – не соглашался Хомяк.

– Пацаны, давайте мозг запитаем, – предложил Шульга голосом, полным энтузиазма. – Вот смотрите, решает крестьянин в средние века спрятать миллион, который за жизнь накопил. Он идет в сберкассу, снимает кэш золотом, идет к канаве этой, ищет место. А берега – голые, как жопа у лошади. Если он просто прикопает свое сокровище на ровном месте, то через десять лет хер отыщет, верно? Ориентир нужен, так?

– К чему ты клонишь? – уточнил Хомяк, который считал еще не вполне исчерпанной предыдущую фазу ссоры.

– К тому, что он идет на берег и видит валун. Закапывает свой вклад под этот валун, говорит сыну: сынок, если я на заводе сдохну или меня телега собьет, знай, все наши семейные лэвэ – у канавы под камнем. Вот и все. А потом сынка забривают в солдаты и отправляют в Афган, где его душманы из духовых ружей по хуям пускают. И вот рыжье остается нас ждать. Под этим самым камнем.

Троица, как по команде, посмотрела на валун.

– Выходит, нам этот камушек поднять надо? – оценил масштабы проблемы Серый.

– Выходит так.

Парни спрыгнули в яму и начали быстро обкапывать камень. Теперь Серый орудовал лопатой, Хома и Шульга –

руками. С одной стороны у камня под землей оказался тридцатисантиметровый выступ, который мог еще больше раздаться в глубине, делая валун совсем уж неподъемным. Серый занялся обнажением этой стороны, разочарованно покрхтывая, с каждым новым обнажающимся вглубь сантиметром валуна.

– Да когда ж ты кончишься? – спрашивал он у камня. Камень ему не отвечал.

Наконец, лопата нащупала нижнюю кромку и зашла под камень.

– Есть конец! – выкрикнул Серый.

Хомяк распрямился и думал пошутить на тему стилистически амбивалентного с его точки зрения слова «конец», но перед глазами потемнело: он обнаружил, что слишком устал, чтобы шутить по поводу слова «конец».

– Укатали! – буркнул он и продолжил удаление излишков земли с камня.

– Ноготь сломал, – хмуро буркнул Шульга.

– К педикюру сходи, – не разгибаясь, отозвался Хомяк, у которого для подтрунивания над Шульгой всегда были силы.

– Педикюр тебе такой новый ноготь сделает, что Серый потом на тебе женится, – Хомяк думал, что «педикюр» – это мужчина, делающий маникюр мужчинам.

– Хомяк, я тебе уже говорил: «педикюр» это маникюр на ногах, – попытался просветить приятеля Шульга.

– Да хоть на костылях! С массажем простаты! – отмахнулся Хома. – Я когда мужик с мужиком – не понимаю, а на зоне это называется «петух».

Наконец, камень был оголен. По своим очертаниям он перекликался с дизайном «Пежо-20б», но не каждый мог провести такую смелую параллель.

– Сейчас я его подниму, – сказал Серый, просунул под валун свои ручки и напряг жилы. Лицо у него приобрело тот темно-малиновый окрас, который хорошо известен людям, регулярно смотрящим соревнования по поднятию штанг. Камень не только не поднялся в воздух, он даже не сдвинулся с места.

– Не понял, – разозлился Серый. Он подхватил ломик, вбил его под камень и налег на получившийся рычаг всем телом. Валун едва шевельнулся.

– Он тяжелей, чем мы думали, пацаны, – мудро заключил Шульга.

– И че будем делать? – начал паниковать Хомяк.

– Я его, ссуку, наверх все-таки выкину! – обещал Серый. – Только отдохну минуточку.

– Серый, расслабься, не рвись. Аппендицит вылезет, потом нам ржавыми ножницами тебе вырезать. Мы же не хирурги с Хомой. Пожалей нас.

– Вылазит не аппендицит, а грыжа, – поправил его Серый, который был ближе знаком с проблематикой последствий тяжелых физических нагрузок.

– Предлагаю следующее, – снова заговорил Шульга, – камень наверх поднимать не будем, тут тросы нужны и лебедка. Я сейчас вот эту площадку возле него расширю, яму в эту сторону немного больше сделаю. И мы место под него рядом организуем и просто сдвинем его. Поднатужимся и сдвинем в сторону.

Пока Серый и Хомяк устало вытирали пот со лбов, Шульга споро принялся расширять яму. Работалось легко: тело, вспомнившее юношеские огородные истязания в деревне, точно знало, куда нужно вогнать лопату, чтобы зачерпнуть больше земли, где поднажать, где, наоборот, не усердствовать с нагрузкой, предоставляя инерции делать то, на что

могли бы уходить собственные силы. Серый и Хома удрученно растирали ладони, покрытые липкой сукровицей из лопнувших мозолей, а Шульга чувствовал, что мозоли на его руках только отвердели, закрепились, найдя свои обычные места.

– Гультай за дело – мозоль на тело! – подколот он друзей бабушкиной присказкой. Впрочем, через десять минут лопнули и его мозоли.

Площадка под камень была готова, когда солнце уже окрасило выгон, далекий лес, воду – в те персиковые цвета, которые представители позднего польского романтизма использовали, чтобы передать романтический вечер на природе. Для стилистической целостности пейзажу не хватало только двух влюбленных фигур, встречающих закат в восторженных позах.

– Майку Путина заляпал, – осудил Хомяк, который переживал за свою будущую собственность.

– Давай поднажмем, братва, – призвал Шульга.

Хоме выдали лом, сам Шульга взял лопату, Серый орудовал голыми руками. Уперлись, напряглись, покряхтели. Камень сдвинулся, но стал уходить носом в землю, видно, был неровным внизу.

– Обкопать надо, – засуетился Шульга и сделал еще несколько ямок в том направлении, куда они пытались сдвинуть валун.

Налегли еще раз и камень пошел, медленно, рывками, обнажив заветное место предполагаемого клада.

Серый взялся за лопату и стал углубляться вниз, работая сосредоточенно, как будто копал могилу для врага. Яма под камнем ушла на метр, полтора вниз, Шульга то и дело вбивал в почву лом, пытаясь нащупать хоть что-нибудь.

– Чего-то нету ни хуя, – выдал наблюдение Серый.

Шульга понимал, что теория не сработала и что его, наверное, сейчас прибьют и похоронят тут же. Еще он понял, что зря давал надежду и строил версии: нужно было просто молча работать.

– Шульга, нет твоего клада, – уже начал нагнетать ситуацию Хомяк. – Кто говорил, тут копайте, под камнем клад?

Хомяк понимал, что нос Шульги будет разбит лишь в том случае, если негодование по поводу бессмысленности их труда разделит Серый. Если Серый заведется очень сильно, возможно, даже получится на время сместить Шульгу с позиции главаря их бригады. Но Серый пока был рассудителен и спокоен, вероятно, он все еще надеялся найти что-нибудь в земле.

– Привет, рэбята, – раздался вдруг сверху приветливый голос. – У вас можа што выпить есть?

Троица подняла головы. На краю ямы стоял мужчина в кепке, похожий на изображение негодного тракториста в советской газете. Чертами лица он отчасти напоминал Шульгу – того Шульгу, который бы получился из Шульги, если бы тот прожил всю свою жизнь в деревне Буда Глусского района Гомельской области. Серый прекратил копать и заговорил:

– Конечно есть, епт! Мы ж сюда на шашлыки приехали! Сейчас салаты нарубаем, кастрик запалим и будем разливать.

– То есць, нет выпить? – несмотря на то, что сарказм был очевиден, мужчина решил переспросить, поскольку, видно, вопрос для него стоял очень остро.

– Ты кто такой? – злобно спросил Серый.

– Я ж Гриня Люлька. Мы учора с вами знакомилися. Каля клуба!

- А, – узнал его Серый.
- А ты Андрэеу хлопец! – ткнул Гриня в Шульгу пальцем.
- Ну, типа того, – хмуро отозвался Шульга.
- Золата ишчэте? – просто спросил мужчина.
- С чего вы взяли? – нахмурился Серый.
- Не, мы так. Мы по археологическому интересу, – научно соврал Шульга.
- Дык вы не там золата ишчэте, – не дал себя обмануть Гриня. – Тут год назад чачэны з металаискацелем увесь бераг абшчупали. Тоже золата искали.
- Гриня сплюнул.
- Ну и как, нашли что? – поинтересовался Хомяк.
- Можа, и нашли. Эта ж чачэны. Я у их не спрашывал.
- Тут баба Люба золотые монеты когда-то нашла, – выдал Шульга причину их археологического интереса.
- Яна сваи манеты не тут нашла, – рассмеялся Гриня, – яна у старой хаце, на углавых камнях сваи манеты нашла. Эта ана шчас у новай хаце жыве. Яе после вайны паставили. А старая хата за агародчыкам стаяла, прыхадила у негоднасць.
- А нам сказала, что здесь нашла, – обиделся Серый.
- Дык старая баба, не помне! – защитил женщину Люлька. – Ей ужо гадоу можа сто, што вы хацице?
- Все она помнит! – нашел новый объект для злости Хомяк. – Специально нас сюда копать отправила. Отпиздить бы ее.
- Женщин бить нельзя, – похлопал его по плечу Серый. – Женщина это мать, не понимаешь? В песнях не слышал? «Лесоповал» не слушал?
- Як хата спаракнула, – продолжил вспоминать Люлька, – мы Любе памагали броуны разабраць. Залатыя туды ейны

прадзед палажыу. Прымета такая была: хочаш жыць багата, дык кагда хату ставишь – палажы золата у асनावание. Дык ен па манеце на два угла парадных, на камяни фундамента, пад нижняе брауно. Не, ну мы усе углы праверыли, но было только на двух. А Люба нам за помашч пляшку сэму на дваих с Пеунем выдала.

– И много тут таких хат? – перевел вопрос в практическую плоскость Хомяк.

– Любина последняя старая была, за царом пастауленая. Усе астальныя пагнили яшчэ пры бальшэвиках. Тагда золата гасударству сдавали. Не то, што тяпер.

Гриня достал пачку «Астры» и закурил.

– Умаялися? – снова засмеялся он. – Палову берага перакапали, дурни! Вы если золата хацице искать, па-учоному нада действовать.

– Это как? – спросил Шульга, полагавший, что они действовали по-ученому.

– Эта нада вам у Глуск ехаць, там Вайчыка найци, з им пагаварыць. Он ваабшчэ усе пра наш район знае. Умны чалавек. Учоный. Он вам скажэ, где клады яшчо астались. Их раньше многа было, даже мой бацька выкапау кагда-та в агароде ядро, большое такое. А шчас ужо нет. Чачэны усе выкапали. И немцы, ва врэмя вайны. Гитлер, гаварат, тут залатую комнату нашол пад Глускам, к сабе у Берлин уташчыл и там жыу, са сваей жаной. Ен и шчас, наверна, где-та живе у той комнате.

– Нет, Гитлера убили союзники, – авторитетно обещал Шульга. – Нет больше Гитлера.

– Как ани ево магли убиць? – не поверил Гриня. – Эта ж Гитлер! Жыве где-та, баклажаны вырашчывае.

– А что за мальчик, я не понял, – выбрался из ямы Хомяк.

– Не мальчык, а Вайчык. Эта учоны чалавек. Он знае, где какие клады спратаны. Навернае. Если он не знае, дык ни-хто не знае, и капаць тут нечыва, – отрезал Гриня.

– А как Вайчика сейчас в Глуске найти? – спросил Шульга, у которого это имя вызывало какие-то смутные детские воспоминания.

– Да спрасице там у любога, пакажуць! – прикрикнул Гриня. – Эта ж Вайчык! Работает, наверна, в амбулатории, нау-ку делает. Очэнь учоны.

Амбулатория представлялась Грине чем-то средним между библиотекой, лабораторией и роботизированным заводом, в котором всем трудящимся наливали в конце смены по два стакана чернил.

Прощались: приятели уныло побрели к своей хате, а Гриня остался на берегу, делая вид, что наслаждается прони-зительной красотой здешних мест, однажды освоенных че-ловеком, но теперь стремительно отбираемых природой обратно. Когда троица отошла достаточно далеко, Люлька с веселым матерком спрыгнул в яму, уже темную в подступивших сумерках, и начал лихорадочно ощупывать землю, разминая комья земли и надеясь нащупать внизу – там, где ребята не успели копнуть, какой-нибудь большой и увеси-стый предмет. Чугун с червонцами или, на худой конец, сундук с драгоценностями.

Глава 12.

От автостанции в Буда остался один покосившийся столб, а ведь когда-то столбов было четыре, и на них даже лежала шиферная крыша. Проходящий автобус в Глуск останав-ливался у столба в 7.30 утра. Об этом сообщала лаконич-ная надпись масляной краской на этом самом столбе. Ко-гда-нибудь, когда деревню Буда выкопают из-под земли

археологи будущего, они будут долго гадать, как эта деревня сообщалась с миром в XXI веке. Они найдут остатки дорог, но не найдут личного автотранспорта. Они увидят телеги, но отбросят всякую возможность того, что именно на них путешествовали жители деревни Буда в XXI веке. Они найдут покосившийся столб, оставшийся от автостанции, но не смогут разобрать надписи на нем. Исходя из того, что как-то людям перемещаться все-таки требовалось, археологи будущего наверняка придут к выводу, что жители деревни Буда путешествовали в пространстве с помощью телепортации. Какой-нибудь особенно удачливый ученый сможет выбить деньги на исследование этих древних телепортационных практик деревни Буда Глусского района Гомельской области и, спустя годы раскопок, представит сенсационное открытие: телепортатор, метод работы которого утерян. В качестве телепортатора в лучших музеях мира будет выставляться трансформаторный щиток «ЩО-2», висевший на том самом покосившемся столбе, оставшемся от автостанции Буда: именно возле этого столба следы ног аборигенов обрывались и именно здесь они материализовывались, вернувшись из путешествия.

Наших приятелей неряшливая надпись «Глуск 7.30» привела в глубочайшее уныние. Других рейсов тут не имелось, и было бы подозрительно, если бы они присутствовали. Между друзьями произошел спор сначала о целесообразности ехать в Глуск вообще, а затем, когда она была доказана Шульгой, – о целесообразности ложиться спать. В их представлениях о времени, «7.30» было ближе к вечеру, чем к тому времени, когда они просыпались. Когда и целесообразность улечься была доказана Шульгой («Дурни, не выспимся, приедем вареные, не втюхаем, что нам этот ученый цедит»), приятели столкнулись с тем, что в их доме нет будильника. Включать сотовые телефоны с часами

и будильником они не решились, а заведенные ключом ходики на стене в столовой могли только показывать время, да в некоторые часы – всегда почему-то в разные, выпускали из себя кукушку, которая издавала каркающий звук и быстро пряталась обратно, прикрывая за собой дверцы, как будто ожидая, что вслед полетят тухлые яйца и гнилые помидоры. Сон вышел рваный: то и дело кто-нибудь просыпался и бежал в столовую смотреть на часы. Причем, поскольку из-за закрытых ставен темень в хате стояла космическая, всякий раз приходилось заходить заодно на кухню, нащупывать на полке у газовой плиты спички, идти в столовую, зажигать одну и подносить к циферблату. Бегающих было трое, нет, чаще – двое, так как Серый спал глубоким и ровным сном спортсмена и просыпался глянуть на ходики всего четырежды. Так вот, бегающих было несколько, спички всякий раз оказывались на разных концах полки, а то и вообще на кухне, рядом с часами, так что приходилось включать свет, чтобы глянуть, сколько времени. Это действие, если делал его не Серый, будило Серого, которому не посчастливилось спать на кровати у печи в столовой. И, если свет включал не Серый, спящий Серый без всякого зла, совершенно автоматически, брал под кроватью свой кроссовок и запускал в зажегшего свет, попадая куда-нибудь в жизненно важный орган. Что было парадоксально, кроссовки под кроватью у Серого почему-то никак не заканчивались, хотя по законам дневного времени их должно было хватить лишь на два броска, так как днем ног у Серого – всего две. Но у ночи, как известно – своя логика.

В половину третьего, съеденный тревожными мыслями о том, как бы не провалить еще и поездку в Глуск, Шульга зажег свет в столовой, получил кроссовкой в селезенку, отыскал пакет со свечами в шкафчике, зашуршал этим па-

кетом, получил еще одной кроссовкой под сердце, зажег две свечи и прилепил их под ходиками. Свечи предсказуемо свалились, загремев, Шульга получил еще одной кроссовкой в голову, поднял свечи, поставил их на блюде и ушел спать, посчитав, что он оказал очень большую услугу спящему человечеству. Действительно, кроссовки летать перестали, но сон к троице все равно не пришел. В шесть пятнадцать из своей лежки поднялся шатающийся Хомяк, увидел, что на ходиках уже шесть пятнадцать, сел за стол и начал обдумывать планы воровства у Шульги майки Путина. В его не вполне выпавшейся голове роились самые невероятные сценарии, в которых были задействованы чечены с металлоискателем, Гриня Люлька с его боязнью компьютерных мышей, так и не утонувшая в болоте машина и даже последний оставшийся золотой бабы Любы.

В семь утра Хомяк набрал воздуха в легкие и заорал: «Полуундра! Подъем по камере!». Кроссовок Серого пролетел рядом с его левым ухом и шлепнулся о стену. Приятели быстро оделись и вышли: на улице стоял плотный туман, из которого, казалось, вот-вот выбредет на выпас стадо коров. Покинутые дома проступали сквозь мглу, как воспоминания старого человека. Молчаливые деревья, щербатые заборы, давным-давно обесточенные фонари проявлялись с акварельной размытостью совсем не в тех местах, где их зафиксировала память. Реальность утратила свою бесспорность и превратилась в набор призрачных штрихов, которыми некий всемогущий художник набросал черты мира, стилизованного под китайскую живопись на шелке. То тут, то там как будто сгущались силуэты давным-давно ушедших людей, превратившихся в сгустки воздуха, исчезающие перед глазами всякий раз, когда ты подходил слишком близко. Игра теней, ватная тишина, влажная эфемерность загипнотизировали приятелей.

– Пряма как в Эрмитаже, – попытался передать ощущение окружавшей красоты Серый.

– Сюда бы Пугачеву, она бы тут такую песню написала, – поддержал его эстетство Хомяк.

У столба никого не оказалось, и было бы странно, если бы тут кто-то стоял. Хомяк предсказуемо занервничал:

– Пропустили автобус! Шульга, надо было шибчей вставать!

– Не егози, Хома. Нормально все, – одернул его Шульга.

– Может, и нет тут никакого автобуса, – продолжал нервничать Хомяк. – Отменили за ненадобностью.

– Не ссы, – отозвался Серый. Он облокотился на столб и сам себе напоминал китайского каратиста, который после многих побед и долгих часов занятий с нунчаками решил остановиться и помедитировать о сущности «дэ».

Автобус материализовался из тумана без всякого звука, в строгом соответствии с ирреальностью окружавшего приятелей утра. Это был устаревший еще в середине ушедшего века ЛАЗ, выглядящий приветом из пионерского прошлого, когда булочки в столовых были вкусными, как мечта, а картинка в учебнике по географии могла заставить тебя построить жизнь так, чтобы однажды обязательно оказаться на озере Байкал. В автобусе уютно пахло солярой, а в красном углу, прямо над водителем, размещался иконостас из венгерских переводных картинок с грудастыми женщинами и усатыми мужчинами с гитарами.

– На камволь? – спросил водитель строго, и сам характер вопроса означал, что он принял их за туземцев.

– Не, у Глуск едзем, – решил сохранить конспирацию Шульга.

– Па дзесяць с чалавека, – сказал водитель.

– Есть только двадцать на траих. Возьмешь? – решил развить успех маскировки Шульга.

– Ай, хуй з им, давайте двадцать. Только билецикау даваць не буду.

Шульга протянул деньги и занял место «на камчатке», чтобы предупредить дальнейшие разговоры: у него не было уверенности в том, что им удастся поддерживать беседу на нужном уровне туземности. В этом автобусе хорошо звучала бы песня «Крылатые качели», но доминировал тут русский шансон. Надсадный мужской голос пел про купола и кресты, хотя чувствовалось, что на самом деле он поет про любовь, женскую красоту, одиночество и что-то еще, такое очень сложное, не выразимое словами, отчего хочется бессвязно выть и биться головой о стену. Однако, поскольку набор разрешенных каноном тем в шансоне очень узок, ему приходилось петь именно про купола и кресты. Водитель сделал громче, чтобы вошедшие, чего доброго, не заснули: ему не нравилось, когда кто-то спал в салоне тогда, когда ему самому хотелось спать.

Туман мало-помалу рассеивался, обнажая просыпающиеся поля и деревни, которым уже никогда не суждено было проснуться. К Глуску вела аллея из уставших стоять по стойке смирно тополей: тополям хотелось на юг, к морю и теплу, им хотелось купаться в солнечном свете и млеть от красоты далеких гор на горизонте; на худой конец, они готовы были сесть на дорожное полотно и придремать, собрав ветки в уютный комочек, но стоять так, вытянувшись в ненужном приветствии бредущим мимо молоковозам, тракторам и комбайнам, которые никогда не видели моря, было невыносимо для тополей. Потом тополя безмолвно исчезли, и вместо них на обочины впрыгнули яблони-дички: казалось, когда-то давным-давно далекий предок этих яблонь совершил смертный грех, за который теперь его по-

томки расплачивались корявостью собственных стволов и уксусной кислотой плода. Показались первые хаты, плакат «Хойян – город-побратим Глуска» с двумя тянущимися друг к другу ладонями, розовой и желтой, подсказал, что они уже в городе. Автобус остановился прямо в центре, между милицией и зданием районной администрации.

Ребята выпрыгнули из автобуса и размялись. Серый разминаясь, делает резкие рывки руками в разные стороны, Хомяк хрустнул костяшками пальцев, как будто готовясь к драке, Шульга просто потянулся и зевнул.

– Ну что, где этот Вайчик? – хмуро спросил Серый, глядя по сторонам с таким лицом, как будто Вайчик должен был встретить их прямо у автобуса.

– Здравьте, – обратился Шульга к проходившему мимо мужчине в клетчатой фланелевой рубашке и с такой же клетчатой сумкой.

– У цибя можа што выпить есть? – поздоровался мужчина.

– Не, нет.

– Очэнь нада, – пояснил мужчина.

– Где тут Вайчик? – спросил Шульга.

– Ясна, где, – ответил мужчина. – У училишчэ. Учыць.

– В каком училище? – хотел знать Шульга.

– Ты што, наркоманин? – внимательно присмотрелся к нему прохожий. – Што значыць, в каком училишчэ? У нас што, училишчау многа? В лесахазяйственам училишчэ!

Мужчина еще раз пристально всмотрелся в троих остановивших его парней, не нашел никаких четких примет, доказывающих, что они не наркоманы (наколок, мозолей на ладонях), и быстро пошел прочь.

– Вот придурок, – ругнулся Серый.

На крыльцо здания Глусского РОВД с гигантской надписью «Милиция» вышел Выхухолев. Он был в хорошем настроении. Ему хотелось сделать что-нибудь доброе людям, но он не знал, что именно и как.

– Зырьте, пацаны, какие тут менты жирные, – быстро кивнул на потягивающегося на солнце Выхухолева Хомяк. – Вот такой вот дурымар и оприходовал наше бабло.

Шульга и Серый посмотрели на Выхухолева. В Шульге внезапно вскипело: он сам удивлялся этим приступам внезапно душащей его ярости, которые туманили голову и заставляли поступать безрассудно.

– Идем за мной, – сказал он приглушенно.

– Ты чего, на нас мокруха! – зашипел Хомяк, но было уже поздно – уверенным шагом Шульга двигался в сторону майора и тот, привлеченный целенаправленностью этого движения, вперил в него взгляд. Отступить было поздно. Хомяк и Серый подтянулись за Шульгой. Они не знали, что точно у него на уме.

– Зьвините, дядзечка, вы не падскажэце, дзе тут лесахазьяй-ственная учылишчэ? – тщательно харкая фрикративным «г», произнес Шульга. Он знал, что они могли быть в розыске. Он допускал, что даже их фотороботы могли висеть где-нибудь внутри здания. Но, глядя в эти бесцветные рыбки глазки, на серый форменный китель, обтягивающий пузырь живота, на сдвинутую на затылок фуражку, он бесился до одури, до желания накинуться на этого тюленеподобного человека, который вдруг сделался символом всех их бед. Ах, если бы милиционер спросил у ребят паспорта! Увидев прописку, он наверняка почувствовал бы неладное, а задав пару вопросов, с легкостью раскрыл бы убийство в Малиново, разгадав параллельно все те загадки, которые казались ему неразрешимыми. Но Выхухолев поступил по-иному.

– Вон там! – добродушно показал он на улицу, отходящую от здания администрации. – Документы принимают до конца июня.

– Спасибо вам большое, – стрельнул глазами спрашивавший, и троица ретировалась.

«Как хорошо, что ребята из деревень стремятся овладевать профессией, тянутся к знаниям, – умиротворенно подумал Выхухолев. – А не пьют днями напролет».

– Ну ты, Шульга, больной на всю голову! – зашипел Хомяк, как только троица отошла от здания милиции. А если б он у тебя документы спросил?

Шульга молчал: волна бешенства отступила, и теперь он сам понимал, что поступил безрассудно.

– А я тебя понимаю, дядька, – неожиданно поддержал Шульгу Серый. – Сам на этого карапуза посмотрел и завелся.

Лесник в Глуском районе, как впрочем и в целом по стране, должен обладать тремя главными навыками. Во-первых, умением договориться с браконьерами и самогонщиками о том, чтобы результатов труда браконьеров и самогонщиков не было видно. Во-вторых, лесник должен уметь отыскивать большие камни, устанавливать их на окраинах леса у дорог и писать на них слова: «Лес – наше богатство». Высшим пилотажем является способность сопроводить надпись рисунком бабочки, олененка, скопированного с обертки шоколадной конфеты «Варюша», аиста или задумавшегося о чем-то бобра. Третьим главным навыком лесника является умение организовать пикник с дичью для представителей районной, областной либо республиканской администрации. Стол должен быть обилен, угощения разнообразны, с обязательным присутствием живых раков, оленины и кабанины. Самогон должен быть чист, как хрусталь, а завершиться все должно баней и пением

«Мне малым-мало спалось» под звездным небом.

Ничему такому в лесохозяйственном училище не учили, пичкая вместо этого учащихся избыточными знаниями о флоре, фауне и противопожарной безопасности, которые любой местный житель узнавал еще с первыми отцовскими подзатыльниками. Были также занятия по истории, идеологии и точным наукам, которые еще больше запутывали сложную картину мироощущения будущих лесников.

На территорию училища вели резные деревянные ворота, на которых были запечатлены барельефы двух белок, радушно протягивающих друг другу огромные орехи, что должно было символизировать богатство леса, кладовой природы. «Лесохозяйственное училище и Музей леса» – было написано под белками. Зайдя во двор, приятели узнали у курившего на пеньке коменданта, что Вайчик преподает в 112 аудитории, и прошли к ней. Двери аудитории были закрыты, но это не остановило Серого, рванувшего их на себя прежде, чем Шульга успел вежливо постучаться.

Внутри оказалось три десятка будущих лесников, внимательно слушающих лектора, который говорил веско и медленно. Лектор был молод, но облачен в бороду и очки, что побуждало обращаться к нему по имени-отчеству. На лице у лектора застыло такое выражение, будто его из года в год окружали олигофрены, он привык к этому, но был бы рад увидеть хотя бы одного нормального человека.

Серый удивился, что на его появление в дверях лектор не отреагировал, тем более он удивился, когда лектор, не поворачиваясь к нему, сделал небрежный знак рукой: мол, опоздавшие, проходите, садитесь, не отвлекайте меня и аудиторию.

– Слышь, иди сюда, – сказал Серый громко, перебив говорящего на полуслове.

Лектор повернулся к Серому с таким видом, будто с ним заговорила человеческая задница.

– Вы из какой группы? – люто нахмурившись, спросил он.

– Я из никакой группы. Сюда иди. Разговор есть, – предложил ему Серый, который начал раздражаться непонятливостью мужчины.

Тот еще некоторое время повращал глазами в орбитах, показывая, как он удивлен бесцеремонностью визитеров, снисходительно процедил залу: «Пока подготовьтесь к тесту, который будет у нас в конце занятия» – и чинно поплыл навстречу ждущей его в дверях троице.

– Ты Вайчик? – спросил у него Серый.

Шульга все хотел подключиться к беседе, но ему стало интересно, чем закончится это общение.

– Я попросил бы! – напрягся Вайчик. – Александр Иванович!

– Хорошо, Александр Иванович, – отмахнулся Серый. – Короче, мы от Грини Люльки.

– А кто это? – удивился Вайчик.

– Не важно. Разговор есть, – Серый взял его за пуговицу рубашки. Вообще ему очень хотелось врезать лектору по зубам, он инстинктивно чувствовал, что после этого беседа пойдет легче. Похоже, почувствовал намерения Серого и Вайчик, потому что сократил градус собственной величественности и даже изобразил улыбку.

– О чем, ребята, разговор?

– У нас бабка в деревне Буда золотые монеты нашла, – отодвинул Шульга Серого. – Сказала, что на берегу, но потом оказалось, не на берегу. А Гриня Люлька нас к вам отправил.

– Так вы про клады решили пообщаться! – на лицо лектора вновь вползло презрительное выражение.

– Ну, типа того, – надвинулся на него из-за плеча Шульги Серый.

Лектор пристально посмотрел на них: было видно, что его подмывает послать визитеров на четыре стороны, но опыт интеллигентской жизни в агрессивной среде Глуска подсказывает, что иногда высоких и широкоплечих незнакомцев, обращающихся к тебе со странными просьбами, лучше не посылать.

– Ну хорошо, у меня сейчас лекция. Приходите через сорок минут, – тоном огромного одолжения произнес Вайчик и захлопнул перед троицей дверь.

– Ишь ты, лекция у него. А что, эти дровосеки подождать не могли? – возмутился Серый, но Шульга уже тащил его прочь.

Дождаясь Вайчика, приятели решили посетить Музей леса. Хомяк был решительно против: ему казалось, что музей – это такое место, куда парень идет с девушкой, чтобы продемонстрировать ей собственную культурность и склонить ее к близости. Поскольку ни Серого, ни Шульгу он к близости склонять не намерен был, он пытался настоять на собственной идее прогуляться к магазину за пивком: без алкоголя, недоступного в Буде, его душа зачерствела, как забытая на столе горбушка хлеба. Но Серому хотелось в музей, он надеялся увидеть в нем барсука, Шульге же хотелось в музей потому, что он считал себя человеком умным.

Они купили билеты у коменданта, который по-гусарски подкручивал усы, облокотившись на забор. Тот проводил их к деревянному домику музея, снял замок и включил свет. Коллекция оказалась необычной. Рядом с чучелами

волков, медведя, енота, лисы (барсука не было) и других вполне реальных созданий, тут стояли создания из мира мифов. «Волколак», то есть оборотень, был изображен как большой черный волк, вставший на задние лапы и распростерший передние для нежного объятия. «Волколак (Полесье, Витебская и Могилевская области). От проклятья можно избавиться, напившись воды из нужного зачарованного колодца, ручья», – сообщала табличка, стоящая у когтистых лап волка. Хомяк аккуратно тронул шерсть – на ощупь она была настоящей. Рядом на камне сидел «ужинный король» – змея с прикрепленной к голове крохотной золотой короной. «Ужинный король (Брестская, Витебская области) может потребовать у человека услугу (уничтожить осиное гнездо, убрать мешающий змеям муравейник и т.п.), но взамен выполняет одно заветное желание», – было написано на табличке. Еще глубже, рядом с детально описанными повадками летучих мышей и несколькими чучелами оных, стояло странное создание, напоминающее то ли переплетенье сухих ветвей, то ли двуногую большую обезьяну с сидящими очень глубоко глазами. «Куцальник, или бармалей, – говорилось на информационном стенде. – Глусский, Октябрьский, Малиновский, Бабировский р-ны. Встречается глубоко в хвойном лесу после заката солнца, пугает прохожих, сбивает их с дороги. Помогает трехкратное чтение молитвы «Радуйся, Мария». Из полутьмы экспозиции выглядывали лесуны, какие-то живые пни с бровями, сделанными из мха; видна была дрянь, похожая на ожившую паутину.

– Шчас я вам веселье включу! – крикнул откуда-то из подсобки комендант и щелкнул тумблером.

У медведя, лисы, енота, волколака и куцальника зажглись ярко-красные глаза. Чучела вокруг зашевелили лапами, издавая мычащие, ревушие и стонушие звуки.

– Ну его на хуй! – припустил Хомяк из домика. Шульге и Серому тоже стало не по себе, но они еще некоторое время покружили по экспозиции, с содроганием обнаруживая совершенно реалистично, как в восковом музее, воссозданных гнилостно-бледную девушку-утопленницу, странное животное с телом огромного кузнечика и человеческой головой. Шарахнувшись от дикого кабана, который в кроваво-красной подсветке тоже казался существом потусторонним, они ненадолго замерли перед медленно движущимся камнем с надписью «Шкловский идол». Но тут камень стал расти из земли, размягчаясь и как бы обретая телесность, и они предпочли выйти вон, не узнав, каким именно люциферским свойством обладает камень.

– Ну и ну, – прокомментировал странный музей Серый.

– Шняга полная. Наставили чучел, повтыркивали в них моторчики и бабло с людей стригут, – принялся критиковать Хомяк, которому стало неловко из-за своего поспешного бегства.

Рядом ходил комендант, довольно улыбаясь в усы. Было видно, что он вслушивается в обмен впечатлениями.

– Так я не понял, – обратился к нему Серый. – Волколак, он существует или нет?

– Что значит «существое»? – философски спросил комендант. – Старые людзи рассказывают пра его, значит – существует.

– Как это? – не понял Серый.

Комендант решил не вступать в полемику, отрезав:

– Для некоторых лес – это зайцы, дзятлы и чэрника. А некоторым в лесу работаць.

– Вот Брюс Ли – существует, – попытался сформулировать свое недоумение Серый. – И барсук существует, хоть его тут у вас нет. А вот вся эта нечисть...

Комендант отмахнулся и пошел закрывать музей. Приятели тем временем пошли к аудитории 12. Урок закончился: будущие лесники с беспечным видом носились по коридорам и со смехом обсуждали, кто из них достоин включения в Красную книгу из-за редких физиологических особенностей (большие уши, крючковатый нос, кривые ноги), а кто нет. Чувствовалось, что они люди позитивные, им можно доверить лес.

Вайчик встретил приятелей у дверей и провел внутрь аудитории, усадив за ученические парты. Сам стал на лекторское место у трибуны. Так троица оказалась с ним в неравных условиях: они были как бы слушатели, а лектор как бы доминировал, их разделяла символическая черта академического подчинения.

– Золото, – коротко напомнил Серый, который эту черту то ли не уловил, то ли уловил, но не поддался.

– А что золото? – переспросил обнаглевший в своей естественной среде Вайчик. – Что ищем? Золотую комнату? Карету Наполеона с сокровищами, утонувшую в Березине? 12 апостолов? Крест Евфросинии Полоцкой?

– Вот ты и скажи, что мы ищем, – спокойно парировал Серый. – Что мы ищем? – обернулся он к приятелям.

Те пожали плечами.

– Историю, конечно, знаем на уровне средней школы? – пренебрежительно процедил Вайчик. Для него не было более негодного существа, чем то, что знает историю на уровне средней школы.

– Мне на уроках истории сидеть милиция не дала: пришли, браслеты застегнули и увели в тюрьму, – сообщил Хомяк, заставив Вайчика нервно сглотнуть.

– Так от меня вам что надо? – спросил лектор.

– Золото, – повторил Серый.

– Господи, да как же утомили такие вот придурки! – он с вызовом глянул на Серого. – Для которых интеллектуалы – инструмент в погоне за фантазмами, порожденными навивным воображением. Такие идут в университет не за знаниями, а за картой немецких дотов, чтобы найти пулемет времен войны – а они думают, что пулемет времен войны непременно лежит в доте и дожидается таких вот олухов. Нет, не надо сравнивать их с Индианой Джонс! – отбросил Вайчик мысль, которая пришла к нему в голову. – Индиана Джонс хотя бы мог читать по-арамейски. К тому же, он знал, что такое Ковчег Завета и Грааль. Эти же напридумывают себе ковчегов, выкованных из красной ртути, причем эти ковчеги утопнут непременно рядом с их селом во время эпического перехода Наполеона через реку Доколька. И, главное, им достанет смелости явиться к ученым прямо в грязных кроссовках, – он опять с презрением окинул взглядом Серого, – и начать свои даунские расспросы.

Если бы Вайчик был менее интеллигентен, он бы сплюнул. Но поскольку он считал себя интеллектуалом, он просто сморщил лицо и покачал головой.

– Это ты, что ли, ученый? – поинтересовался у него Серый. В других условиях он бы уже давно ударил Вайчика, но обстановка аудитории, трибуна, величественность позы лектора и та несчастная парта, за которой он сам сидел, его останавливали.

– Да, я что ли ученый, – сказал Вайчик с достоинством. – Закончил истфак БГУ, магистратуру «Сравнительная история стран Центральной и Восточной Европы», стажировался в Штатах.

– У нас во дворе зек был, Серегой звали, – парировал спорщик, – в свой сорокет пятнаху на нарах отпарил. Вот он –

ученый. Мог авторитетно обрисовать, как себя вести, если другие зеки тебе у дверей камеры полотенце постелили, принимая в коллэktiv. Или, например, курил ты и случайно на пол в камере чинарь уронил. Что делать? А? Ученый, объясни, что делать? Ну?

Было видно, что Вайчик не хочет отвечать: ему противен разговор о жизни деклассированных элементов.

– Ну давай, чего молчишь? Чего с чинарем делать, если на пол в хате уронил?

– Поднять, – наконец, брезгливо произнес Вайчик, – если курить хочешь. А если не хочешь – затоптать и выкинуть.

– А вот и добро пожаловать в петухи! – Серый вел себя так, как обычно вел себя Хомяк. Это Хома любил порассуждать о тюремной школе. – Если ты, голуба, к чинарю на полу рукой прикоснешься, – даже чтобы выкинуть, – пиздец тебе полный! Понял? Ученый он!

– Послушайте, давайте уже прощаться, – почесал шею раздраженный Вайчик.

– Отзынь, Серый, – Шульга понял, что разговор приобретает нежелательный для них поворот, и взял инициативу в свои руки. – Мы, может быть, заспорились, а между тем ехали к вам издалека. Так получилось, что мы интересуемся прикладной археологией и даже уже начали раскопки в одном месте, но ничего не нашли. Все-таки, где еще поискать клады, которые не были выкопаны и вывезены в Германию во время оккупации?

– Это какой оккупации? – не понял Вайчик.

– Немецкой, ясное дело, – пожал плечами Шульга.

– Единственная оккупация, которая была у нас в двадцатом веке, – голос Вайчика набрал громовую силу и эхом метнулся по зданию училища, – это советская оккупация.

Красные оккупировали территории свободной Литвы, Украины, Польши и Беларуси. Из-за красных погибла Белорусская Народная Республика. Это красные вывезли в Москву такие святыни, как тот же крест Евфросинии, который бесследно исчез. А под немцами тут открывались белорусские школы, издавались газеты на языке, творила Наталья Арсеньева.

Серый встал и сделал несколько шагов к Вайчику.

– И все-таки вы говорили про карету с драгоценностями, – быстро напомнил Шульга, понимая, что разговор вступил в финальную и, возможно, кровавую стадию.

– Дебилы! – закатил глаза Вайчик. – Какая к черту карета с драгоценностями? Какая золотая комната? Вы бы почитали книги об отступлении армии Наполеона! «Легенды Нясвіжскага замку», например. Дневники солдат, воевавших на стороне Наполеона. Из книг бы вы узнали, что все награбленное в Москве наполеоновская армия отдавала постепенно, оставляя в трактирах и гостиных дворах деревень, через которые прошло отступление. Не было никакой кареты с драгоценностями, утонувшей в Березине! Было десять возов золота, которые мародеры с трудом тащили на себе и оставили в трактирах современных Беларуси и Польши.

– Дядя, что это значит в практической плоскости? – быстро спросил Хомяк, заметив, что Серый подошел уже почти вплотную к трибуне.

– В практической? То, что хватит искать золото Наполеона! Ищите золото тех, кто принимал и кормил его армию.

– Это не совсем практическая плоскость, – усмехнулся Шульга.

– Ну, в Октябрьском есть руины таверны, конец XVIII века, последний известный собственник – некий Моня. Вот, покопайте там. Может, кубышку с монетами найдете.

– А как найти таверну в Октябрьском? – уточнил Шульга.

– За третьим домом от магазина будет пустырь. Там и ищите.

Лектор принужденно улыбнулся, показывая, что иногда может снисходить до низменных интересов аудитории и, обращаясь к Шульге, в котором ощутил родственную душу, уточнил:

– Так а что все-таки нужно было делать? В той социальной ситуации?

– В какой? – не понял Шульга.

– Ну, с сигаретой. Если уронил на пол? Ну, в тюрьме?

Его интонация показывала, что беседа подошла к концу и теперь он проводит с ними последние неформальные минуты.

– А, так нужно быстро сказать: «Газетку постелил». Тогда не запетушат. Потому что пол в камере – табуированная зона, – объяснил Шульга.

Лектор монументально покивал головой, признавая, что вот, был один вопрос, ему не известный, но теперь и этого вопроса нет. Серый тем временем подошел вплотную к трибуне, за которой стоял Вайчик. Несмотря на то, что трибуна была помещена на высокий постамент, глаза Серого оказались на одном уровне с глазами ученого – настолько высок был Серый.

– Повтори, что ты сейчас, блядь, сказал про Красную армию, – прорычал он.

– Серый, не надо! – крикнул Шульга и схватил его за правую руку, зная, что левой ему убить человека с одного удара будет сложнее. Хомяк неспешно подошел и обнял двумя руками левую руку Серого, плотно прижав ее к своему телу. Не то, чтобы ему жалко было этого профессорчика, но он понимал, что, если будет драка, будет и милиция,

а где милиция, там и проверка документов, а где проверка документов, там и возможные вопросы «где вы были в ночь 10 июня».

– А что я сказал? – переспросил Вайчик.

– Про Красную армию что сказал? – голос Серого провалился в хрип – настолько он был взволнован.

– Что эта армия оккупировала наши земли. А немцы их освободили, предоставив людям свободно развиваться. Если бы не повторная оккупация Советами в сорок четвертом, нас бы ожидало европейское будущее.

– И Гастелло, значит, был оккупантом? – уточнил Серый.

Вайчик кивнул.

– И Чапай с Буденным?

Вайчик задумался: тут все было еще менее просто, но Серый ждал однозначного ответа, и он кивнул.

– И этому тебя во время учебы научили? – выяснял Серый причину, по которой наш с виду человек стал таким негодным, гнилым внутри.

– Да, я окончил магистратуру «Сравнительная история стран Центральной и Восточной Европы» Свободного университета Берлина.

– А, так ты в Германии учился? – закричал Серый.

– Да, это очень престижный университет, – не понял причину крика Вайчик.

– У меня, блядь, бабку немцы в Германию, на поезде. Слышишь? В вагоне для скота, слышишь? Там половина людей в этом вагоне передохла, а вторая трупы ела, чтобы доехать! А ты там учился, да?

– А какое это, собственно, имеет отношение? – респектабельно переспросил Вайчик.

– Да такое! Она там кору с деревьев ела, а ты там, сука, учился?

– Ну это же не во время Третьего рейха... – пытался возражать Вайчик.

– У меня дед служил в Красной армии! Получил медаль «За отвагу» и Орден Славы! А ты его «оккупантом»? В него немцы из миномета били, у него след от осколка в предплечье, он подох из-за этого раньше, из-за того, что Минск освобождал! А ты его «оккупантом»?

Серый зарычал и подался вперед, но поскольку приятели надежно держали его руки, а зубами дотянуться до Вайчика он не смог, рывок оказался бесполезен. И тогда, в приступе отчаяния, он со всей силы ударил головой о деревянную кафедру, за которой стоял преподаватель. Раздался хрустящий звук, и как-то сразу стало понятно, что хрустнула не голова Серого, которой такие удары были не страшны, а именно кафедра. Трещины видно не было, но это ничего не значило. Лектор отступил на шаг назад, перепуганно глядя на Серого. Раздражение, которое вызывала в нем эта троица, сменилось растерянным непониманием: ему странно было думать, что ходят по земле люди с такой перевернутой картиной мира в головах. Более того, он вдруг ощутил, что таких людей, быть может, даже большинство, просто никто из них не заговаривал с Вайчиком по душам, как на то решился вдруг Серый.

– Во время войны тоже были такие, которые с немцами, – шало водил головой по сторонам Серый, – учились у них. Потом ходили с повязками на руках. Знаешь, как их звали? Ну? Знаешь? По-ли-цаи! Ты полицейай, вот ты кто! Полицай!

– Ну все, уймись! – погладил приятеля по голове Шульга.

Вайчик пошел прочь из аудитории, но остановился в дверях. Он хотел сказать что-нибудь, что обобщило бы пере-

житый опыт, что-нибудь глобальное, способное раскрыть странным гостям глаза на окружающую действительность и помочь осознать сразу все их заблуждения. Но, обернувшись, он только покачал головой и проронил:

– Ну вы и долбоебы!

Глава 13.

– Дайте нам две, нет, лучше три лопаты, – Серый пытался сообразить, что еще может понадобиться при расковыревании земли под таверной. – И еще топор, – он обратился к Хомяку, стоящему рядом. – Топор ведь нужен?

– Топор всегда нужен, – заявил Хомяк.

Серого осенило, что нужно взять еще сумку, куда можно было бы положить найденный клад после того, как клад будет найден.

– И пакет целлофановый. Непрозрачный. Во, да, можно этот, белый, «Глуску 1025 лет».

Шульга в покупке лопат не участвовал: он восхищенно ходил по секции универмага «Универмаг», в которой продавалась одежда. Собственно, отделений в универмаге «Универмаг» было всего два: платяное, где жители района могли приобрести себе наряд на свадьбу, и хозяйственное, где продавались лопаты, уступы, грабли и другой садовый инвентарь. Осмотр универмага «Универмаг» в Глуске создавал впечатление, что жители Глуского района только тем и занимаются, что женятся и шарят по земле граблями.

– А зачѐм вам, рэбята, тры лопаты? – спросила женщина-продавец. Она была затянута в синий халат, который выгодно подчеркивал ее грудь, но ниже, там, где грудь должна была бы закончиться, шел до земли с расширением, как будто продавец имела форму трапеции.

– Надо, – сказал Серый.

– Дык я панимаю, што нада. А зачэм?

– Копать.

– Копать адной лапаты хватит. Зачэм тры?

– Так а что, дефицит? – спросил Хомяк из-за спины Серого. – Безобразие! Лопат не продают!

– Не, мне проста нада знать, зачэм вам столька. Тры лапаты!

– Женщина, ну нужно нам, понимаете, – увещевал ее Серый.

– Не магу прадаць, – наотрез отказалась женщина. – У нас, можэт, инструкция!

Шульга тем временем рассматривал ассортимент галстуков. Они были пестры и полосаты, от их расцветок рябило в глазах и начинал нехорошо тяжелеть затылок. Что самое удивительное, одежда тут была преимущественно китайская, но, при внимательном осмотре, она оставляла глубоко советское впечатление, как будто хитрые азиаты смогли нащупать самый нерв той эстетики, в которой была воспитана целевая группа этой страны.

– Так вы продадите или нет? – настаивал на своем Серый. Он не умел давить на женщин.

– Не прадам! Пришли тут какие-то, тры лапаты им! Вот это берыце, а лапаты не дам!

Она положила на прилавок завернутый в промасленный картон топор. Хомяк на всякий случай уцепился в него – вдруг женщина и насчет топора передумает.

– Давайте мы, может, заплатим больше, – начал уговаривать женщину Серый.

– А мне патом аб'яснительныя пишы? Пачэму я вам тры лапаты продала?

– Ну, давайте так, – предложил он, – вот я возьму одну лопату, он – тоже одну, да еще этот, который среди одежды сейчас топчется, себе одну возьмет. Получится не три лопаты, а одна в руки.

– Не прадам! – упрямылась женщина.

– Шуля, иди сюда! – крикнул Хомяк. – Помоги!

– Что такое? – подошел Шульга.

– Не хочет лопат продавать, – объяснил Серый.

– За чем вам три лапаты? – спросила женщина теперь у Шульги.

– Тетечка, мы с камволя, – вспомнил он слово, произнесенное водителем автобуса.

– А, дык вы б сразу сказали, што з камволя, – расцвела продавщица, – а то ж я не пазнала. Мала ли хто тут ходзит, лапаты просит. Можа, бандиты какие.

– Не, тетя, мы не бандиты. Мы – бывшие пионеры, – привычно сказал Шульга.

Женщина уже заворачивала лопаты в бумагу. Серый показал Шульге большой палец, а Хомяк завистливо фыркнул.

Местные жители, уже успевшие разговеться и заглушить утреннюю болезнь, с охотой объяснили приятелям, что поселок Октябрьский, он же Барабули до революции, располагался в двадцати пяти километрах от Глуска. И поскольку он стоял на заброшенной железнодорожной ветке, по которой уже десять лет как не ходили поезда, автобусов к нему не было, так как нормальному человеку из Глуска в Октябрьский ехать было незачем. На вопрос: «Как добраться?» – самые успешно заглушившие утреннюю болезнь пьяненько смеялись и предлагали брать такси, те же, кто был пока еще относительно трезв, собранно рекомендовали идти пешком либо брать попутку «с круга». До «кру-

га» – многополосной развязки, которая смотрелась чудно на выезде из Глуска, отмирающего, как жабры у вышедшего из воды земноводного, пришлось идти три километра по остаткам асфальтной дороги, мимо памятников пионерам-героям и могил неизвестных солдат.

Хотелось пить. Хомяк ныл и кланчил пива. В киоске «Соки. Воды. Шашлык», украшенном поедающим шаверму Микки-Маусом, друзья купили Хомяку мороженого. Со дворов на них лаяли собаки. Все колодцы были спрятаны за заборами, из допотопной колонки, найденной на половине пути до круга, шла ржавая струйка, пахнувшая бинтами. Можно было подумать, что вода со временем тоже ржавеет, как железо. Было пыльно, как будто в городке когда-то был хозяин, протиравший все вокруг влажной тряпкой, да то ли запил, то ли просто ушел, так что пыль медленно оседала – на деревьях, дороге, домах, людях. Дойдя до круга, уселись на холме, возвышающемся над дорогой, и стали ждать машину, как рыбак ждет поклевки. Солнце, отражаясь от асфальта, рождало на горизонте фата-морганы, казалось, что там только что прошел дождь и стоят огромные лужи. Машин не было.

– Как насчет такси взять? – спросил Серый.

– Где ты в Глуске такси видел? – отмахнулся Шульга. – Оно, может, и есть где-то. Одно на весь город. Стоит в гараже, пятницы ждет, когда свадьба и молодых в ЗАГС надо везти.

На круг, брэнча костями, вылетела старая «БМВ». Хомяк, сидевший ближе всего к обочине, вскочил и вскинул руку. «БМВ» прошла мимо не только не остановившись, но еще и показательно прибавив скорости. Клубы черного дыма, которые она оставила после себя, навели на мысль, что «БМВ» подбили враги и ей теперь надо дотянуть до своего

аэродрома. Через пятнадцать минут показалась «Ауди», которая двигалась медленней, а потому встречать ее вышли уже все трое. Хомяк прилизал соломенные волосы. Серый изобразил на губах приветливую улыбку. Выглядело это жутковато. Водитель помахал приятелям рукой, как будто они искали общения, но не остановился.

– Один сидел! – злобно прошипел Хомяк.

Следующей машины ждали больше часа. Она долго томила то нараставшим, то затихавшим звуком двигателя, а когда наконец появилась, приятелей постигло разочарование: шла она не из Глуска в Октябрьский, а наоборот.

– Плотно застряли, – прокомментировал происходящее Хомяк.

Была еще «Мазда» с минскими номерами – сидевшая за ее рулем девушка так вцепилась глазами в дорогу, что, кажется, просто не заметила машущую руками с обочины троицу. После обеда проехал тяжелый «Лэнд Крузер» – у водителя было государственное лицо, и парни не решились его стопить. Потом прогрохотал самосвал с землей, – вся кабина была занята смуглыми людьми, лица которых заставили подумать, что едут они не иначе как с камволя. На четвертом часу ожидания Хомяка послали за пивом. Приятели нашли тенек у корявой груши и улеглись на траве. Снова на круг выехала «БМВ», теперь – побольше и пожирней. Она была похожа на лосося, который прибыл из сытых и спокойных вод тихого океана в стрёмную пресную водицу славянских рек с тем, чтобы отнерестится и погибнуть от лап медведя. Серый хмуро поднял руку, водитель так же хмуро покачал головой.

– Слышь, а чего они не останавливаются? – поинтересовался Серый у Шульги.

– Ну ясно чего. Ты бы остановился?

– Не знаю. А че, запаadlo, что ли? На бензин мы бы дали.

– Ну, скажем так. Вот ты за все время, что права у тебя есть, хоть раз кого подобрал?

Серый подумал.

– Не, не подобрал.

Эта мысль – о том, что он сейчас находится в таком же затруднительном положении, в котором находились люди, мимо которых он много раз равнодушно проезжал, слушая Михаила Круга, взволновала его.

– Просто пойми, Шульга, обычно машины стоят хиппи какие-то. Их если брать, то только чтобы отпиздить. А тут же видно: нормальным пацанам ехать надо.

– Ну, может, они тебя боятся, – пожал плечами Шульга, – а скорей всего просто запаadlo. Вдруг ты семак там налузгаешь. Или воздух испоришь. А вообще – едут, о своем думают, а тут ты. На хуй ты им нужен?

Показался Хомяк с пивом. Он был похож на ребенка, которому купили воздушный шарик. Раздал приятелям бутылки, открыл свою зубами, забрызгав всех пеной с едким химическим запахом и присосался, энергично двигая кадыком.

– Теперь можно хоть до ночи тут загорать, – с удовольствием подытожил Хомяк.

– Вообще, к этому как раз идет, – хмыкнул Серый.

– Ниче! Сейчас рабочий день закончится, пойдет живей. Но если не словим ничего, придется ночевать тут, на круге, – обрисовал перспективу Шульга.

Из-за холма выплыла «копейка». Приятелям было лень подниматься, да и надежды никакой, но «Жигуль» сбросил скорость и, подпрыгивая на выбоинах первой полосы, как

джонка на морских волнах, пристал к обочине прямо рядом с ними. Водитель, похожий на слегка опустившегося Клинта Иствуда, приоткрыл пассажирскую дверь:

– Вам куды, рэбята?

– В Октябрьский! – крикнули все трое, не веря удаче.

– Садитесь! – щербато улыбнулся Иствуд и поскреб поросшую редкими седыми волосами шею.

Оказавшись на заднем сиденьи, Хомяк первым делом обильно залил его пивом. «Не свинячь!» – грозно шепнул Шульга, который считал, что жить нужно по справедливости, хотя бы в малых вещах. «А чего он трогает, как Шумахер?» – нервным шепотком возразил ему Хомяк, которого в принципе невозможно было чем бы то ни было пристыдить. Шульга промакнул дерматин цвета советского гематогена собственным рукавом, смахнул остатки пива под ноги и понуро покачал головой: взял дед трех придурков на свою голову!

– Хащице самосада? – гостеприимно предложил дед и протянул приятелям трубку, сделанную из рога коровы, и газетный пакет со сморщенными коричневыми листиками.

– Очень хотим! – с энтузиазмом согласился Хомяк, у которого были свои представления о слове «самосад». Он быстро забил дедову трубочку и поджег прикуривателем. Затянулся и закашлялся, наполнив «Жигуль» сизым дымом, по плотности соревновавшимся с утренним туманом.

– Еб твою! – ревел он обожженными легкими. – Это что, табак?

– Ага, табачок! – отозвался довольный дед.

– Не, дед, мы табак не курим! – протянул трубку обратно Хомяк, вытирая слезы. Его лицо приобрело тот редкий фиолетово-пурпурный оттенок, который имеют аквариумные рыбки из далеких африканских озер.

– Ну не курище и добра! – спрятал трубку дед, который Хомяк не понял.

Доехали быстро: Иствуд галантно спросил, к кому они явились погостить, предполагая доставить прямо к калитке. Шульга универсально ответил, что они «с камволя», и это традиционно сняло все вопросы. Отыскав нужный пустырь, они решили устроиться на ночлег и начинать раскопки завтра: Хомяк предлагал наворовать на полях картошки, во дворах – дров, уйти за околицу и стать там импровизированным лагерем. «Лопаты есть, от местных отобьемся, если чо», – обосновал он свой сценарий. Шульга был более опытным в вопросах жизни полесской деревни: пройдясь по мертвой улице, он выбрал хату, стоящую на отшибе, снял щеколду, наложенную, как и в Буде, без замка, перекрестился на образа, чтобы не обижать покойников, и распределил спальные места. Устроились комфортно, только Серый, засыпая, жаловался, что от наволочки на его кровати «пахнет бабой». Шульга быстро развеял его романтические настроения, объяснив, что обладательница духов, которые вождеденно обонял Серый, уже лет десять как мертва.

Проснулись от вскрика Шульги – мальчишески-пронзительный вначале, он стыдливо поблек и обратился испуганной тишиной.

– Шульга, ты живой там? – нервно спросил Хомяк.

Шульга ответил не сразу.

– Живой. Блядь. Приснится же такое.

На дальнейшие расспросы Шульга отмалчивался, и приятели никогда не узнали, что привиделось ему в то утро. Солнце было уже высоко, и они, распаковав инструмент, выдвинулись к месту раскопок.

– Большой день сегодня! – приговаривал Серый, который верил в то, что они обязательно откопают клад.

– Опять перемажемся, – ворчал Хомяк, который в то, что они клад откопают, не верил.

Шульга был молчалив и, видно, обдумывал приснившийся ему кошмар.

Самым сложным оказалось очистить площадку от кустов, травы и балок рухнувшей десятилетия назад крыши: чтобы поднять окаменевшее, вросшее в землю дерево, приходилось поднатуживаться всем троим.

– Ничего, пацаны! – утешал Шульга. – Работы много, зато видно, что не копался тут никто. Не место – целка!

Бревна получше, из которых была сложена верхняя часть дома, предприимчивые селяне давно растащили себе на сараи: исчез и тот кирпич, который можно было пустить в постройку. От таверны остались беспорядочные развалы битого щебня, сгнившего дерева и кафеля. Кое-где из земли поднимались обросшие мхом и травой фрагменты стен: по массивным кованым петлям, откопанным в одном из концов домины, приятели определили главный вход. По мнению Шульги, копать нужно было в противоположном от входа месте: кто же прячет собственные сбережения прямо у порога? Хомяк и Серый принялись хаотично заглубляться то тут, то там, забрасывая уже начатые ямы, если им казалось, что место бесперспективно. Сам Шульга, вооружившись лопатой, принялся окапывать внешние стены таверны: ему казалось, что предприимчивый хозяин мог спрятать свои сбережения вне кабака – на тот случай, если сам кабак решат сжечь благодарные посетители.

Через несколько часов Серый наткнулся на основание большого камина – печной трубы не сохранилось, зато в земле остался огромный зев с кованой решеткой. Фигур-

ный кирпич был в нескольких местах покрыт лепленой вручную коричнево-черной плиткой. На массивных бляхах неровной формы был запечатлен всадник с мечом: глазурь, очищенная от земли, радужно переливалась на солнце. Выглядело все, как в музее, но Шульга поспешил заверить приятелей, что плитка не стоит ничего. Разозленный Хомяк раскрошил плитку лопатой, пока Серый поделился мыслями вслух:

– Жирно жили колхозники при царе. И зачем им Дзержинский революцию устроил?

Еще через какое-то время лопата Хомяка звякнула о стекло: он принялся шарить по земле руками и через какое-то время с пионерской улыбкой, смотревшейся чужеродно на его блажном лице, поднял увесистую бутылку литра на два. Бутылка была выдута из толстого темно-синего стекла.

– Как думаете, там – золотые? – спросил он, пытаясь вытряхнуть из бутылки землю.

– Скорей всего тут был вайн, – разочаровал его Шульга, – но есть шанс, что не вайн, а сладкая водка.

Не веря приятелю, Хомяк аккуратно тюкнул бутылку об остатки каменного фундамента – та пошла трещинами и рассыпалась в руках. Внутри была спрессованная земля с несколькими ленивыми червяками. Серый, зарывшись вглубь на полметра, обнаружил несколько массивных досок, отполированных до лакового блеска.

– Что это? – позвал он Шульгу.

– Может, лавка, – пожал тот плечами, – а может и прилавок. Или пол. Хотя пол тут скорей всего земляной был.

Серый заворуженно присел на землю.

– А прикольно, пацаны, какая движуха в недрах, правда? Смотришь ты на холм, видишь только травку. Типа, ничего

кроме мокриц, корней и жуков. А в том холме нафаршировано всего, как в последней «бэхе». А глаза не видно.

Никто не отозвался на его наблюдение.

– Вообще, тут наверху жизнь. А там тоже жизнь, – продолжил Серый, – лавки, камин, бутылки с вайном. Шульга, как думаешь, почему все эти постройки древние в землю на метр-два уходят?

– Они ж тяжелые, – отозвался Шульга, – а земля легкая. Вот и уходят.

– Не, не поэтому! – фыркнул из угла Хомяк. Он работал быстрыми движениями и время от времени становился на колени, чтобы прощупать почву вручную. Издали он был похож на старателя с золотых приисков. – Их припорошивает космической пылью. Если в хате долго не убирать, все пылью покрывается. А она из космоса. Вот эта пыль накапливается и нарастает.

Серый с сомнением посмотрел на разводы суглинка на своих штанах. В его представлении космическая пыль, равно как и пыль вообще, выглядела несколько по-другому. Но спорить не хотелось: откопанный в земле камин навел его на мысль, что мир устроен более сложно, красиво и загадочно, чем он привык думать.

– Есть! – выкрикнул Шульга таким напряженно-ровным голосом, каким опытный рыбак сообщает удящим рядом приятелям о том, что у него клюнуло.

Серый и Хомяк побросали инструмент и подбежали к товарищу. Тот стоял на дне довольно большой ямы, сооруженной у одного из углов таверны. Вокруг все было разворочено и превращено в сплошную траншею.

– А я как знал, понимаете! – затараторил Шульга, проявляя расправившее его возбуждение. – Меня как будто тянуло.

Не, ну сами подумайте: нужно человеку конца восемнадцатого – начала девятнадцатого века приховать капитал. Куда? В подпол? Так там найдут, если на вилы решат поднимать. На поле? Так там еще чего доброго сосед огород заведет и капитал на крышу себе новую пустит. А вот так – чтоб и под боком, и вроде как снаружи – само то!

Он показал на впечатанный в землю продолговатый сверток из черной, истлевшей кожи.

– Да это, может, кошку кто похоронил, – поспешил предупредить веселье Хомяк.

– Хома, ты помолчи, – предложил ему Шульга, старательно сгребая землю со скрутка, – ты помолчи, Хома, помолчи, Хома, вот так, помолчи. Тяжелый зараза! – его тон стал ликующим.

Он приподнял сверток над землей и протянул Серому.

– Не знаю, что там, но явно металл. Вопрос, какой.

Серый уважительно взвесил сверток и присвистнул:

– Пошли раздевать!

Прятели уложили находку на груды битого кирпича и принялись разворачивать кожу. Она была беспорядочно схвачена несколькими толстыми ремнями: все вместе слиплось в один большой ком, который не хотел ни расплываться на части, ни поддаваться на разрыв. Пришлось поддеть лопатой, перебить кожу в нескольких местах топором. Руки у Шульги заметно колотились. «Не теми!» – подгоняла его компания. Наконец, внешний лоскут был снят, под ним оказался более тонкий и хрупкий покров, который можно было уже просто разорвать руками. Шульга напрягся, рванул, из свертка посыпалось: монет было довольно много, несколько десятков штук, они были большими и тяжелыми, по пять сантиметров в диаметре и миллиметра три в ширину.

– Медь! – разочарованно выкрикнул Хомяк.

Шульга взял одну монету и внимательно всмотрелся в рисунок. Изображен был двуглавый орел с растопыренными, будто в танце, лапами. Головы орла смотрели по сторонам уныло, но нагло. «5 копеек» – было отчеканено с другой стороны шрифтом с «ятями». Каждая буква в этом шрифте сообщала, что пять копеек это очень много денег.

– Медь, – упавшим голосом подтвердил Шульга, – тыща восемьсот второй.

– Да ладно, братва! – не спешил падать духом Серый. – Мы клад нашли! Клад, понимаете! На шару! Нашли такой, найдем и нормальный!

Шульга вытряхнул монеты из свертка: среди покрытых патиной медных кругляшей было три черных размером поменьше. Он ковырнул чернь камнем – царапина получилась яркой.

– Серебро, – сказал он бесстрастно.

Номинал на этой монете был написан латиницей, с обратной стороны размещался сложный герб из четырех выстроенных в прямоугольник щитов со всадниками, птицами и крестами. Над гербом доминировала дутая корона, вроде той, в которых любят сниматься американские гангста-рэперы, для того, чтобы обозначить, что они самые серьезные мужчины в своем районе.

– Эти старше. Со времен королей, – торжественно произнес он. И попытался разобрать надпись на лицевой стороне: «станислаусаугустус. Дэ Гэ. Рэкс». Рэкс-пэкс, твою мать.

– А что за баба? – спросил Хомяк, всматриваясь в профиль.

– Пресвятая Дева Мария, – объяснил Шульга. – Это из Библии, жила такая в древнем Израиле. В Библии все про нее как есть написано, без гламура. Много с кем зажигала, рыжая, но потом встретился Христа и с тех пор – только с ним.

– А чего у них тут, не пойму, и со времен королей монеты заграничные, и царские копейки? – не понял Серый.

– Ну, что было, тем и платили за бухло, – объяснил Шульга, – кто динарами, кто копейками, кто вообще непонятно чем, дэгэрэксами какими-то.

– Бардак! – осудил Серый. – Как в перестройку.

– Что сейчас делаем? – спросил Хомяк.

– А что сейчас? – не понял Шульга.

– Ну, здесь мы уже клад нашли. Надо еще куда идти.

Шульга вздохнул:

– Прокумекаться нам надо. Сесть и план новый обрисовать. Потому что без плана можно копать хоть до третьего пришествия, которое в календаре маяя предсказано.

– Не, ну пацаны! Клад нашли! – не мог поверить Серый. Он распихивал медные монеты по карманам. Серебро взял себе Шульга. Хомяк не взял ничего, медь и серебро были металлами не его масштаба.

Мимо по улочке походкой зомби протопал местный житель. Прямохождение давалось ему непросто: казалось, он вот-вот упадет на четыре конечности и двинется вперед, покачиваясь, как больной пес. Увидев копающих, он остановился, присмотрелся, развернулся и направился прямо к ним.

– Если что, у нас экспедиция, – предупредил Шульга приятелей вполголоса, – от института истории академии наук.

– Привет, рэбята. У вас што выпить, можа, есть? – поздоровался местный житель.

Вблизи он еще меньше напоминал жителя, скорей был похож на нежить из художественного фильма «Рассвет живых мертвецов»: волосы оттенка черного коровьего хвоста торчали в разные стороны, сплетенные в давно не расче-

сываемые космы. Лицо было в струпьях, красные глаза, заставлявшие вспомнить чудищ в музее леса, слезились. Губы были мокрыми, как будто моторика его рта не позволяла удерживать слюну. Одет он был в серую робу, которая при жизни могла быть как рубашкой свободного покроя, так и зимней курткой.

– Я – Пахом, – представился мужчина, видимо ожидая, что собеседники назовут себя в ответ.

– Иди отсюда, Пахом, – поздоровался Серый.

– Рэбятя, дайте на выпиць, а?

– Иди отсюда, пока не въебали! – поддержал Серого Хомяк.

– Рэбятя, ну на бутылку чэрнил? Очэнь нада, – клянчил мужчина. – Плоха чэлавеку очэнь.

– Иди на хуй! – взялся за топор Хомяк.

– Рэбятя, дайце мне на пузырь, а я вам жэну положу! – улыбнулся мужчина.

– Что значит «жену положу»? – не понял Серый.

– Дайце на бутылку чарнил. Не, на две бутылки чарнил, – подумал о будущем мужчина, – и бярыце жэну. Делайце с ней, што хочэце. Да утра. Ана у меня харошая, с цыцками.

– Мужчина, гуляйте, пока мы милицию не вызвали! – пригрозил Шульга, зная, что это подействует.

– Зачэм сразу милицию? Я им самое дарагое, а ани милицию.

– Погоди, Шульга, – не мог понять Серый, – то есть мы тебе – на две бутылки чернил, а ты нам – свою бабу?

– Ага! – радостно замигал мужчина.

– Не, ну вы слышите? – Серый полез в карман и достал пук смятых бумажек. – Вот тебе десять, двадцать. Двадцать пять. Это нормально?

По вспыхнувшим глазам мужчины он понял, что двадцать – это даже много.

– Пацаны, пошли, глянем, что за телочка! – с энтузиазмом обратился к приятелям Серый.

– Ты сдурел? – покрутил пальцем у виска Шульга. – Ты по нему не видишь, что там будет за телочка?

– Да ладно, помоем ее перед всем.

– Ай, ана у меня и так чыстая! – подогрел энтузиазм Серого мужчина.

– Друг, тебе триппера не хватало? Бытового сифилиса? Вшей? – Шульга не мог понять авантюризма приятеля. – У тебя вообще мозги есть?

– Да ладно. Предохранитель тута! – Серый раскрыл кошелек и гордо продемонстрировал презерватив «Ванька-Встанька», на этикетке которого была изображена сисястая особа, взгляд на которую мог надолго лишить интеллигентного и склонного к рефлексии человека всякого желания.

– Ладно, давай сходим, Шульга, – сказал свое слово Хомяк.

– Может, покормит хотя бы. Жрать-то хочется.

– Двое против одного, – хлопнул Шульгу по плечу Серый. – Слышь, – обратился он к мужчине. – За двадцать пять мы втроем, так?

– Да! – повел их за собой мужчина.

– Только без наебок, – с нажимом сказал ему Серый. – Если она там ломаться начнет, тебе пиздец, понял?

Мужчина махнул рукой, показывая, что не начнет. Пройдя мимо нескольких хибар, Пахом завернул в переулочек и вывел их к добротному кирпичному дому с крашенным в синий цвет колодцем и развешанным во дворе бельем. Трава во дворе была обкошена, на огороде были видны ухоженные ровные грядки с капустой и бураками.

– Чего-то я не понимаю, пацаны, – шепнул Серый.

Пахом по-хозяйски открыл дверь, не снимая обуви провел их из сеней в жилую комнату. Тут был стол, на котором стоял прикрытый рушником свежее испеченный пирог.

– Шчас она выйде, – вполголоса произнес Пахом. – Давай-це пака расчытаемся.

– Если наебал, я тебя, сука, на грядке с бураками похороню, понял? – веско сказал Серый и протянул купюры. Хомяк отщипнул пирог и прошипел: «Вкууусный». Из соседней комнаты донеслись легкие шаги, и женский голосок спросил: «Пахом? Ты?». Пахом быстро потопал из хаты.

Двери в спальню раскрылись, и приятели вздрогнули: перед ними стояла женщина лет тридцати, одетая в домашний халатик, каким-то дивным образом сообщавший ее фигурке царственность. Пышные волосы ржаного цвета были зачесаны наверх и убраны к затылку, обнажая шею, глядя на которую вспоминались портреты грустных русских аристократок кисти Репина. Фортепианно-тонкие пальцы тронуты маникюром: лак для ногтей был того нежного телесного оттенка, который хочется восхищенно целовать, не помышляя о страсти.

Гости онемели. Первым опомнился Серый:

– Извините, мы по ошибке.

– Ой, а я пирогов напекла! – улыбнулась женщина. Улыбка странным образом подчеркнула хрустальную голубизну ее глаз. Ее красота была цвета ледяных озер Севера, в ней не было уютных борщовых оттенков, свойственных простушкам из этих мест.

– Не туда зашли, – старомодно поклонился Серый и направился к дверям. Он был благодарен Пахому за то, что тот дал посмотреть на королеву. Он передумал убивать муж-

чину и не видел никакого обмана в произошедшем. Женщина подняла вверх ладонь, останавливая Серого:

– Погодите, что вы уходите?

Гостям было предельно неловко. Им было стыдно сказать, зачем они явились сюда. Хомяк все никак не мог проглотить кусок пирога, который тщательно разжевал и держал под языком, понимая что ни жевать дальше, ни тем более глотать, глядя на такую красоту, невозможно.

– Этот... – женщина погрузстнела. – Опять меня продал, да?

Шульга закашлялся и обильно покраснел.

– Ну ничего, – внимательно глядя на троицу, сказала хозяйка. – Я ведь все понимаю, ребята. Ему нужен алкоголь. Что поделаешь. Он болен. Ну, а раз продал, то, – она пожала плечами и сделала приглашающий к столу жест.

Хомяк покрутил головой, показывая, что при ней он есть не сможет и ничего больше тоже не может и не хочет. Шульге было обжигающе стыдно.

– Вы все трое будете? – спросила она и улыбнулась в сторону, опустив глаза.

– Не, мы пойдем. Спасибо, хозяйка! – первым отказался Хомяк.

– Да, спасибо вам за все, – искренне поблагодарил Шульга.

– Извините нас. Вот он останется, Серый, а мы с другом пойдем. Мы вообще идти не хотели, – попытался он выгородить себя перед женщиной.

– Я б тоже уже ушел, – неуверенно сказал Серый.

– Нет, хотя бы вы меня не бросайте, – женщина подошла к нему и взяла его за руку. Серый сделал большие глаза и растерянно кивнул приятелям.

– Ладно. Я останусь пока. Вы езжайте, пацаны. Я тоже подгребу. Встретимся в Буде.

Выйдя на крыльцо, Хомяк и Шульга ощутили себя так, будто им долго пришлось стоять в странных, не свойственных им позах и теперь, наконец, можно было расслабить затекшие и одеревеневшие тела.

– Какая-то она реально нереальная, – мечтательно сказал Хомяк. Ему хотелось встретиться с этой женщиной еще раз, но при совершенно других обстоятельствах: допустим, поднять по наводке богатую-богатую камору, сдать стафф барыгам, купить себе пиджак в магазине «Босс. Хьюго Босс» на рынке, сходить в парикмахерскую, подстричь ногти, обрезать волосы, которые торчат из носа и из ушей, и только после этого к ней. И как к ней? Взять в одну руку тортик «Птичье молоко», в другую – букет белых роз, сесть на такси и подъехать в лучшем виде. И чтобы такси было хорошее, белый «Мерседес» или еще лучше. А придя, говорить ей о том, какая дурацкая у него, Хомяка, жизнь, как его все не любят и как ему из-за этого сложно оставаться добрым и хорошим. И чтобы она слушала и обещала, что все у него наладится. И у него все реально после этого наладится.

– Не спросили, как зовут, – с сожалением сказал Хомяк и проглотил пирог, который не глотал до сих пор. Ему захотелось сказать про женщину какую-нибудь гадость, чтобы замаскировать свое истинное отношение к ней, но он – впервые за долгое время – не смог выдавить из себя ничего плохого.

– Не повезло бабе. Муж алкоголик. А все хозяйство на ней, – задумчиво сказал Шульга. Красота незнакомки заставила его задуматься о Настене, и это были нелегкие мысли.

Их подобрал трактор, ехавший мимо Буды на ремонт в далекое село, название которого заставило бы поклонника трилогии Толкиена вспомнить о мудреных и певучих эльфийских именах. Дверь у трактора не закрывалась, место было только одно, а рессорами он был не оснащен, отчего

даже на ровной поверхности порождал тряску, которую хотелось назвать сексологическим словом «фрикции». К концу поездки Шульга сидел на колене у водителя, а Хомяк лежал на них двоих. Шульга пошутил, что два часа в тракторе сближают троих мужчин сильнее, чем вечер в бане, но никто не рассмеялся: все действительно чувствовали себя излишне сблизившимися.

На въезде в Буду тракторист резко дал по тормозам, куда резче, чем это было можно в транспортном средстве без амортизаторов, так что приятели почувствовали себя составными частями коктейля, смешиваемого в шейкере рукой равнодушного бармена.

– Ты чего тормозишь так? – крикнул Хомяк.

– Глядице, мертвяк лежит! – ответил тракторист, показав под колеса трактора. Действительно, в тусклом свете фар можно было, всмотревшись, различить завернутую в лохмотья фигуру, лежавшую лицом вниз.

Выпрыгнули и кинулись ощупывать лежавшего. Он выглядел целостно, отделенных от тела конечностей не наблюдалось. Мужчина действительно лишь чудом не угодил под трактор – от коленвала его отделяло меньше метра. В ответ на ощупывания тот, не открывая глаз, вытянул перед собой правую руку с уверенно сделанной, крепкой дулей.

– Жьвы! – с удивлением сказал водитель. – Странна, што яго никто да нас не пераехал!

– Ебаныуротхулинадаидиценахуй, – нечленораздельно выкрикнула фигура.

– Мужик, ты здоров вообще? – вежливо уточнил Шульга.

– Нахуйидзицехуливатемнувшинахуй! – не раскрывая глаз поддержал разговор лежащий. Он был сильно пьян.

– Давайце яго з дароги снесем у хату.

Они взяли лежащего под мышки и, как тюк, понесли во двор стоящего рядом дома. По пути несомый обмочился и сразу вслед за этим брыкнулся, больно ударив Хомяка ногой под дых. Тот, не отпуская ног пьяного, быстро нанес ему тычок носком кроссовка в область почки. Тот выгнулся, но промолчал. В окнах дома горел свет. Шульга внезапно узнал этот дом, узнал эти занавесочки, узнал яично-желтый свет лампы и даже мелькнувшую за занавесочками тень.

– Не, мужики. Не понесем его туда.

– Чаго? – удивился тракторист.

– Не надо его в дом, – попросил Шульга, – он же обоссался. Давай его тут, на лавке, возле колодца.

Они уложили спящего на лавку, тракторист попрощался с ними и умчался прочь на своем дьявольском агрегате.

– Чего не в дом? – вполголоса спросил Хома.

– Это батька Настин, – объяснил Шульга. – Пусть полежит, проветрится. Вдруг в доме парить начнет, руки зачесутся.

Он не стал объяснять, что боялся не только за девушку, но и самой встречи боялся, спонтанной встречи с быстрыми объяснениями, объяснениям как бы между прочим, – почему не пришел утром, почему исчез, и все это – на фоне того, что нужно уложить пьяного отца, а рядом Хомяк, да еще тракторист.

– Так давай грохнем дядю! – весело предложил Хомяк. Ему нравилось бить пьяных, – отмудохаем до синевы, чтоб он завтра кровью проссался, а послезавтра в холодец сыграл!

– Ты сдурел? Говорю же, отец Настин! – рыкнул Шульга.

У калитки дома ждала баба Люба.

– Куды исчэзэли? – строго спросила она.

Шульга хотел привычно соврать про камволь, но прикусил язык: с бабой Любой такие примитивные ходы не срабатывали.

– В Глуск ездили. В Лесохозяйственное училище поступать, – объяснил Шульга.

– И што, узяли? – недоверчиво вскинула голову баба Люба.

– Не. Не взяли. Экзамен по медведевистике провалили, – Шульга быстро подмигнул Хомяку. – В следующем году учебники про медведей почитаем и опять будем поступать.

Баба Люба удовлетворенно кивнула: она была убеждена, что городские в такие серьезные заведения, как лесохозяйственное училище, поступить не могут. А если даже и поступят, то будет от этого только мор, неурожай и пожары.

– А дзе дружок ваш?

История Серого была настолько удивительна, что Шульга решил рассказать ее почти правдиво.

– Он себе подружку нашел.

– У Глуске? – хлопнула в ладоши потрясенная баба Люба.

– Нет, в Октябрьском.

– Только у нее муж есть! – встрял Хомяк, которому наконец удалось сказать гадость про очаровавшего его человека.

– А як зовут?

– Пахом, – ответил Шульга. – Не подружку, мужа.

– Пахомава рассамаха?! – встревожилась баба Люба. – Ах ты ж лярва! И вы яго там з этой русалкай кинули?

– С какой русалкой? Хорошая девушка. Прилежная, – тепло улыбнулся Шульга.

– Што вы к ней палезли? Яна ж русалка, не чэлабек! – вскрикнула баба Люба. – Выглядзит, как чэлабек, но – не чэлабек! У нас все к ей не падходзят на дзесяць шагоу, баяцца! И мамка у ней такая ж была! Чаго вы пашли?

– Нас муж позвал. В гости, – Шульга изо всех сил пытался трансформировать дикую сделку, заключенную Серым на развалинах таверны, во что-то приличное.

– Яна русалка, панимаеце? Не такая, як у сказках, а настаяшчая. Што пра их мая баба казала – што кагда-та даунымдауно, да рэвалюцыи, русалки были абычными девушками, толька тапелицами. Из-за няшчастнай любви утапилися. И з тых пор стали русалками. Раждаются на свет, памірают, как людзи. Толька – русалки. Ну, так старые людзи гаварыли, но я думаю, эта ерунда, забабоны и суевырья! А вот што точно вам гавару, так это што русалка мужыкоу са света сжывае! Пахом яшчэ тры года назад не пиу, не курюу дажэ! С армии прышол, хату паставил. А як яна с им жыць начала – трапачка адна асталась ад Пахома. Инвалид он тепер! Пье не устае!

– Нет, вы не правы, баба Люба, – мягко остановил ее Шульга. – Мы, наверное, о разных людях говорим. Там другая ситуация: он – алкаш, унижает ее, вы б знали, что только с ней делает. А она – ангел, терпит молча. Плюс на ней все хозяйство.

– Дык друг эты ваш с ей астался? Вой-вой! – запрочитала баба Люба. Она перекрестилась сложным крестом: помимо четырех привычных точек, к которым прикасаются при наложении крестного знамения, она ткнула собранной в щепоть ладонью в свои губы, плечи, щеки и бедра.

– Главное, што б он с ей не любился, – сказала она строго. – Если не выдзержит, если ана ево заташчыт пад адзеялы, усе – не спасем вашэва прыяцеля.

- У него презерватив есть, – криво усмехнулся Хомяк.
- Ты польбься яшчо! – передразнила его баба Люба. – Вы не у горадзе! Тут вас анальгин не спасет!
- Причитая, она вышла из хаты.

Глава 14.

Глусский райисполком располагался на главной площади города Глуска рядом с пугающе-непонятым плакатом «Биоразнообразие – это наша жизнь». Плакат изображал шагающего по полю аиста, брезгливо несущего в клюве лягушку. Семантика плаката была настолько широка и туманна, настолько легко обратима как в области, связанные с борьбой с врагами (лягушка), так и в темы, завязанные на продолжение рода и жизни на Земле (аист), что хулиганы боялись осквернять плакат, а заезжие любители граффити предпочитали покрывать тэгами заборы и административные здания. На третьем этаже Глусского райисполкома находился кабинет председателя, украшенный китайским искусственным камином с подсветкой из рубиново-красных лампочек. Стены кабинета были отягощены тремя помещенными в рамки грамотами победителя районного конкурса «За духовное возрождение», живописным полотном, изображающим красоту глусского края в гуаши, пол – украшен роскошным ковром с государственным гербом. Кроме того тут находился массивный офисный стол и коллекция вересковых трубок, которые никогда не разжигались, но призваны были подчеркнуть глубокомыслие хозяина кабинета. Был тут и пенополистироловый глобус, вмещавший до шести бутылок виски.

В кабинете председателя Глусского райисполкома сидели председатель Глусского райисполкома Петриков и председатель Глусского совета депутатов Степаненя. Они были

погружены в задумчивость, возможно – оттого, что только что ознакомились с содержимым глобуса-бара.

– У цибя, Симен, памидоры не чырнеют? – спросил председатель исполкома у председателя совета депутатов.

– Не чырнеют, – ответил собеседник.

– А у меня чырнеют.

– Плоха.

– Ясна, што плоха. Ано на вкусавых качыствах не атражаецся, но некрасива. На стол не паставиш.

– А дзе чырнеют?

– Сънизу. Съверху нармальные, зиленые. А сънизу черные.

– А ты пырскау?

– Неа, не пырскау.

– Я у тым годзе тожа не пырскау, – развел руками Семен. – И у меня пачырнели. А у этим папырскау и не пачырнели. Нада пырскаць.

– А как ты пырскаеш?

– Бяру вядро, дзихлафос разважу и з веникам па радам иду. Веник у вядро макау и пырскаю.

– И памагае?

– Ну гавару ж цибе, не пачырнели.

– А ничыво, што дзихлафосам? Это ж химия.

– Дык дзихлафос эта не нитраты какие-нибудь. Это натуральная химия. Ана даже палезна для жылудка и двенаццатиперстной кишки.

В кабинет заглянула секретарь председателя Глусского исполкома Верочка. Верочке было бо лет.

– Не сичас! – разозлился Петриков. – Заняты. Чай зьделай.

Ему не понравилось, что Верочка не постучалась, и Верочка это поняла: за тридцать лет совместной работы с Пет-

риковым она научилась улавливать самые тонкие нюансы в его настроении.

– Глядзи, Симен, што мне камерсанты прэзентавали, – улыбнулся Петриков Степанене и достал iPhone 4G.

– Так а што тут такова? – спросил Семен. – У меня тожэ телефон есьць.

– Не, ты глядзи.

Петриков запустил на телефоне игровое приложение «FishingPro». На экране появились пруд и удочка.

– Во, сначала нада забросиць, – Петриков взмахнул телефоном, проследив, чтобы леска с наживкой упала далеко от берега, – типер ждем. Инагда нада нармальна падаждаць. Как в жизни. Мож, яшчэ па пяць капель?

Степаненя покачал головой:

– Хватит. Сичас жэ не праздник.

У Петрикова клюнуло.

– О, глядзи, павило! Сматры, тилефон весь вибрируе! На, патрогай!

Петриков дал собеседнику потрогать трубку. Та действительно вибрировала.

– Шчас нада ташчыць. Вот, тут катушка как будта. Ставиш палец на яе и круциш. Круциш, нада быстра-быстра!

Председатель исполкома скорчился с телефоном в руках, вырисовывая пальцами окружность на экране. Воротник его рубашки сбился, галстук съехал.

– Сарвалась, чорт! Надо была рэжчэ круциць! – разочарованно сказал Петриков. – Нада сказаць камерсантам, штоб ани перадзелали телефон. Штоб не срывалась.

– А у чом смысл этава? – спросил председатель районного совета депутатов у председателя районного исполкома.

– Как у чом? Рыбу вытаскиваць.

– А зачэм цибе рыба? Цибе, штоли, есьць нечыва?

– Не, эта для инцирэса.

– Какой тут инцирэс? Вот если б тут бабу голую показывали, если выиграеш.

– Это идзея! Нада камерсантам сказаць, штобы перацрэдзели. Штобы баба голая показывалась. И штоб рыба не срывалась.

Председатель райисполкома взял карандаш и записал что-то в планере. В дверь постучались.

– Што там? – властно спросил хозяин кабинета.

– Можно? – заглянула Верочка.

– Можно, – кивнул Петриков.

Зашла Верочка с подносом, на котором стояли две чашки, чайник, сахарница, блюдо с вареньем. Чашки были украшены большими алыми цветами и выглядели недостаточно государственно.

– Может, уже Выхухолева позвать? – спросила Верочка, подавая чай.

– А дауно сидит? – спросил хозяин Верочки.

– Полчаса где-то.

– Ладна, зави.

Вошел Выхухолев. Он выглядел перепуганным. Его впервые позвали в этот кабинет. До этого он встречался с Петриковым и Степаненей исключительно в неформальных условиях, обеспечивая порядок во время их отдыха на природе. Роль Выхухолева обычно сводилась к тому, чтобы перекрыть въезд в лес, стать на входе в охотничий домик, никого не впускать, ну и иногда поджарить шашлычка, если повара попросили жалобно спеть «Ой, то не вечер, то не вечер».

- Ну што, Выхухалеу? – спросил Петриков.
- А что? – еще больше испугался милиционер.
- Вот ты нам расскажы, што? – напустил еще больше серьезности на себя Петриков.
- Все под контролем, – вежливо сказал Выхухолев. Подумав, он предупредительно переспросил: – Ведь все под контролем?
- Чэпэ у цебя, Выхухалеу, – покачал головой Петриков.
- Какое ЧП? – побледнел Выхухолев.
- Чалавека убили. Непарадак.
- Ну, это не ЧП, это рабочий момент, – ноги Выхухолева мелко затряслись. Больше всего он боялся, что сейчас его спросят о лежащих дома в холодильнике долларах, и он начал продумывать, как будет защищаться. Версии, объясняющие доллары в холодильнике, в голову не шли, спотыкаясь о неожиданно пришедшее воспоминание, что он забыл поставить размораживаться говядину на ужин.
- Как рабочы мамент? – не согласился Петриков. – Жизнь чэлавека – для нас самая глауная цэннасьць. Задача гасударства – абеспечыць непрыкаснавеннасьць жызни и зда-роуя сваих граждан, так?
- Выхухолев расслабился, так как понял, что его вызвали скорей на профилактическую беседу, нежели на конкретный разговор о вскрывшихся фактах.
- Ты садись, Выхухалеу, – предложил Степаненя.
- Выхухолев примостился у края стола и обобщил:
- У нас за прошлый год в районе 12 убийств. Так что рабочий момент. В данном случае силами РОВД был обеспечен выход на преступника по горячим следам. Подозреваемые задержаны. Даны признательные показания. Дело уже практически готово к передаче в суд. Картина преступления восстановлена по секундам. Рабочий момент.

– Эта ты маладзец, што па гарачым следам, – похвалил Выхохолева Петриков.

– А что, из Минска звонили, может? Или из Гомеля? – решил милиционер прощупать причины вызова.

– Есьли б па тваей рабоце з Минска пазванили, Выхухалеу, ты бы не у нас аб'яснения давал. А у кампецентных органах, – заверил его Петриков.

– Майор, ты зачэм газету закрыу? – строго спросил председатель районного совета депутатов.

– Почему закрыл? – на душе у Выхохолева потеплело. Он понял, что вызвали его из-за Петровича, а Петрович серьезных проблем причинить не мог. – Я проверял алиби у подозреваемого. Потому что у нас перед законом все равны. Будь ты милиционер, журналист, доярка или конюх. В процессе следственных действий подозреваемый повел себя неадекватно. Размахивал руками, ругался матом. Пришлось всю технику изъять для проверки. И потом, что он все пишет?

– Не, ну панятна, – предупредительно согласился Петриков, – он и нам ужо вот тут сидит, – он ткнул в горло.

– Но людзи привыкли: кажнае утро прыходзит газета, – об'яснил Степаненя. – А у ей праграма перадач на дзень. А кагда газеты нет, где сматрэць праграму перэдач?

Выхохолев виновато пожал плечами.

– Ну што, панимаеш, што сдзелау?

Милиционер виновато кивнул.

– Ва сколькок серыал «Сваты» сегодня? А?

Выхохолев не знал.

– Жонка уже трэци дзень с шасьци вечыра возьле телевизара вынуждена сидзець, штобы ничыво важнага не прапусьциць, – осуждающе сказал Степаненя.

– Виноват, товарищи. Будем исправлять ситуацию. Может, даже досрочно отпустим, если надо, – пообещал Выхухолев.

– А как у цэлам ситуацыя с прэступнасьцю? – скучая поинтересовался Петриков.

– Ведем профилактику. Работаем в школах. Введена лекция о вреде табакокурения и алкогольной зависимости в лесотехническом техникуме. Ведется патрулирование прилегающих к винно-водочным магазинам районов с целью предотвращения преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения. Начаты концерты коллективов художественной самодеятельности в сельских клубах в деревнях, чтобы люди не только, значицца, пили, но имели культурную программу. Планируем ограничить продажу алкоголя после двадцати двух. В июле у нас будет месячник сдачи незарегистрированного оружия. Кто отдаст государству незарегистрированные двустволки, тому за это ничего не будет. Введен учет потенциально социально опасных элементов.

– Ты, Выхухалеу, падпаукоуникам стаць рэшыл? – внезапно пожурил его Петриков.

– Откуда вы узнали? – улыбнулся Выхухолев.

– Харакцирысцику на цибя запрасили. С верха, – покачал головой Петриков. – И мы вот с Сименам сидим и не знаем, как на цибя харакцирысцику писаць, если ты у падпаукоуники пашол и да сих пор не праставиуся.

– Проставлюсь, как звание получу! – шуточно отдал честь Выхухолев. – Еще ведь не присвоено!

Петриков посмотрел на него с улыбкой:

– Выхухалеу, Выхухалеу. Жук ты жуком, а без цибя раён пагібнет. Цыны цибе нет. Усе на цибе дзержицца. Ордзен цибе нада даць, а не звание падпаукоуника. Выпьеш с нами?

– Вообще-то нельзя, я ведь при исполнении, – Выхухолев зажмурился, втянул голову в плечи и махнул рукой, – но с такими людьми да в таком кабинете, да за одним столом когда еще буду!

Петриков открыл глобус и достал бутылку Famous Grouse.

– Ты печь умеешь? – дальновидно спросил у Выхухолева Степаненя, осознав, что встреча может затянуться.

– Еще как! У меня бабка в районном театре Жизель танцевала! – с гордостью сказал Выхухолев, понимая, что наступает, возможно, самый главный момент в его карьере.

Глава 15.

– Дала, – подтвердил Серый.

Он развернул на столе украшенный трехцветными пауками льняной рушник, внутри которого притаился пирог с капустой:

– Во. Угощайтесь, пацаны.

На дворе было позднее утро, Хомяк и Шульга не ужинали вечером накануне. Поэтому, отталкивая друг друга локтями, они накинулись на пирог, ломая мякоть руками, кроша плетеный кантик, выгребая начинку горстями.

– Сегодня с утра спекла. В дорогу.

– Ну и как она? – требовал подробностей Хомяк.

– Нормально, – задумчиво пожал плечами Серый. Он не был настроен делиться подробностями.

– Не, ну ты расскажи пацанам, че ты? – хихикнул Хомяк, который жаждал убийственных подробностей ночи, проведенной Серым с взволновавшей Хомяка женщиной. Эти подробности нужны были ему как обезболивающее, помогающее скорей забыть ту вспышку сердечности, которая мелькнула в нем вчера, когда он созерцал ее красоту.

– Дала, – повторил Серый и набрал полный рот пирога, чтобы не говорить больше ничего.

– Сейчас сядем, прикинем, что делать, – Шульга лодочкой держал ладонь у рта, чтобы не просыпать крошки на пол. – Сейчас, доедим только. Вкусно, сука!

Хлопнула входная дверь, и в сенях послышалось тяжелое дыхание старой женщины.

– А вот и баба Люба. Вы, может, нам молочка принесли? – приветливо крикнул в сени Шульга.

Баба Люба действительно несла в руках алюминиевый жбан с кисляком – закисшим в тепле жирным деревенским молоком.

– Наце, паещце, – предложила она. – Тольки ж не пихайцесья галовами у жбан, як свиньни! – прикрикнула она. Ложку вазьмице! Ты чыво с русалкай пахомавай связуася? – строго спросила она у Серого.

– Она не русалка, – защитил он девушку. – Она порядочная. Только несчастная в личной жизни.

– Ты з ей коузауася? – спросила баба Люба.

Серый фыркнул, взял ложку и принялся за кисляк.

– Ковзался он с ней, – ответил за Серого Хомяк, – еще как ковался. Всю ночь. Она, видите, аж пирога завернула, так он с ней удачно ковался. Так ей понравилось. А, Серый? Понравилось? Но он нам, корешам, не говорит, что да как.

– Как сябе чувствуеш? – внимательно посмотрела на Серого баба Люба.

Тот сделал вид, что не заметил вопроса.

– Нормально он себя чувствует, – обнял его за плечо Хомяк. – Только в паху у него болит. Болит ведь в паху, а, Серый? Натрудил он это место, понимаешь, баба? Натрудил, ай, натрудил!

– Можа и дзейсцвицельна пажалела она хлопца, – с сомнением в голосе пропела баба Люба. – Есьць вон как. Как здаровы.

– Может, баба Люба, и не русалка она вовсе? – белозубо улыбнулся Шульга.

– Вы зачэм берэг канавы раскапали? – перескочила на другую тему старая женщина. – Усе золата ишчэце?

Шульга смутился и пожал плечами.

– Усе сейчас золата ишчут. Нихто работаць не хочэт. Усем штоб из земли золата выкапаць и да канца жызни пьяным хадзиць.

Шульга понял, что сейчас последует долгая нравоучительная лекция о пользе труда для человека, а потому решил сказать правду.

– Баба Люба, деньги нам очень нужны.

– Усем нужны! – отмахнулась баба Люба.

– Нам они особо нужны. Большие деньги. Задолжали мы очень плохим людям. Если мы этим людям деньги не вернем, они сюда приедут и всю деревню выжгут, как немцы.

– А што ж вы у милицыю не пайдзеце? – нахмурилась баба Люба. – У нас в СССР дауно уже дзерэуни нихто не жжот.

– Потому что милиция против них не поможет.

– Ну, тагда идите у Минск, к Шойгу, каторы па чрэзвычайным ситуацыям глауны, – вспомнила баба Люба силу, которая сильнее милиции. – У Шойгу усе есьць, дажэ верталеты.

– И Шойгу не поможет, – заверил ее Шульга. – Нам либо деньги найти, либо умирать, понимаете? Оттого и про золотые монеты у вас выясняли. Клад нам нужен.

– Особо нужен, – решил Хомяк усилить слова Шульги, чтобы женщина им помогла, если может.

– Нет, вы не волнуйтесь. Вас они не тронут, – утешил ее Серый. – Нас вон на груше повесят, а вас жечь не станут. Не сорок второй год.

– Вон ано што, – покачала головой баба Люба и добавила, не меняя голоса. – Вой-вой-вой.

Пирог кончился, Хомяк с Шульгой воевали за последние капли кисляка.

– Што я вам скажу, рэбята. Абычна гарадским не гаварат, но у вас беда, так я скажу. Кладау тут есть, нармальна. И залатых, и брыльянтавых, и фарфоровых. Я дажа знаю, где адзин закопат. Проста абычны чалавек клад не аткапаёт.

– Почему не откапает? – не согласился с ней Хомяк. – Шуля, покажи ей серебро.

– Мы нашли в Октябрьском. Кубышку-не кубышку, черт знает что. А там медяки и серебро, – он достал из карманов монетки.

– Эта – сор, а не клад, – усмехнулась баба Люба. – Я вам кажу пра скарбы, панимаеце? Пра скарбы, каторые у земле тут. Кагда чэлавек за старым часом скарб ховал, он в асобае врэмя эта делал и па асобаму уму. На Юрья закапае – на Юрья толька можна аткапаць. На Николу закапае – адкапываць нада у ноч, у цемень, прачытаць пацеру «Богу божае, цару царовае». Иначэ не адкапаеш, лапату сламаеш или ишчо што. А кагда настаяшчый клад хавали, то сложна варажыли. И без варажбы не адкапаць. Чалавек мог начытаць, каб ягонаваму сыну земелька выкинула той клад пасля таго, как у таво усы паявяцца. А вы, гарадския, идзеце, капаеце, клад у вас пад носам, а вы яво увидзець не можэце. Чытанак многа, напрымер – можна, штоб выкапал, но шэю свернул, той хто выкапал. Или ишчо есьць такие клады, што ты да крышки кораба дакапаеш, а дальше не можаш, капаеш, а яно у землю уходзит, панимаеце?

Приятели внимательно слушали.

– Баб Люб, – молитвенно вскинул ладони Шульга, – ну покажите нам, пожалуйста, где клад лежит и скажите, как откопать. Что прочесть надо, куда там плюнуть, как что. Пожалуйста. Убьют нас, баб Люб.

– Слухайце сюда. Как адкапаць, я вам не скажу. Но скажу, как найци чалавека, каторы вам памога. Он усе пра клады знае, глаунае, штоб вы яму панравилися.

– Да мы, баб Люб, что угодно! – скороговоркой заговорил Шульга. – И дров наколем, и денег дадим. Что угодно.

– Э, парэнь! Кали б так! Дзенег яму не нада, он усе можэ, панимаеце? Зачэм яму дзеньги? Прыдзице, паенчыце, паклянчыце, можа он вас и выручыт. Но он цемны. Инагда чэлавека можа са свету сжыць патаму, што той зубам не так цыкнул. Не панравился.

– Нам терять нечего, бабушка, – пробасил Серый интонацией русского богатыря.

– Что за человек, женщина? Как найти? – сел рядом с ней Хомяк. – Где живет?

– Так Сцяпан эта. Насцёнкин бацька.

– О нет, это мимо! – махнул рукой Шульга. – Мы его вчера видели. Он в бессознанке полной. Три слова сказать не может.

– Дзе вы его видзяли? – удивилась баба Люба.

– Он вчера тут на дороге лежал. Возле дома Настули. Мы его чуть трактором не переехали.

– Эта не той Сцяпан, – покачала головой баба Люба. – Той Сцяпан на балоце жывет. Да яго дайци нада. Сложна очэнь.

– Что значит «не тот Степан»? Однофамилец что ли? – удивился Шульга.

– Не, пачыму аднафамилец? – удивленно переспросила баба Люба. – Сцяпан у нас адзін.

– Так это тот же человек?

– Той жа, – подтвердила баба Люба.

– Только иногда трезвеет и на болота уходит?

– Не! Гавару ж! Сцяпан!

– Отец Настули? – уточнил Шульга.

– Ага, – подтвердила баба Люба, – только эты тут, у дзирэу-не, пье. А той на балоце.

– Как это может быть? – злым шепотом спросил у Шульги Хомяк. Шульга на него шикнул.

– Так это брат, наверное? – высказал предположение Серый.

– Каки брат? Таки ж Сцяпан. Толька болей строги. И старшэ год на пяць.

– Я ничего не понимаю, – в голос сказал Хомяк и обхватил голову.

– Хаця не. Не старшы, – подумав уточнила баба Люба. – Не, таки ж. Толька не пье.

– Баба Люба, вы, может, нас к нему проводить можете? – взмолился Шульга.

– Не, баба старая ужо. Я еле хаджу. Идзице к Грыне, хай он вам дарогу пакажэ.

Приятели вывалили из хаты, как три выпущенных из стойла на выгон жеребца, и галопом помчались через село.

– Шняга какая-то, – недоумевал Хомяк на ходу. – Что это значит вообще? Степан, да не тот. Такой же самый, только на болоте. И не пьет.

– Ты, Хома, тут лето бы прожил, перестал бы удивляться, – урезонил его Шульга. – Здесь – не город, – повторил он за бабой Любой.

– Не, звучит все как-то мутновато, – сомневался и Серый. – Какие-то клады заговоренные, какие-то колдуны болотные. Как вообще человек может на болоте жить? Он же не бурндук.

– А помните, пацаны, я говорил, что дымок видел и хижину? – вспомнил Шульга. – Когда машину топили? Вы еще сказали, что приснилось мне, типа?

– Помню! – остановился Серый.

– Вот вам и объяснение, – развел руками Шульга. – Все сходится. Ну а по поводу Степанов двух – хер его знает, может разделился как-то. Случается же такое. Жил-жил человек, а в один день просыпается, а его уже два. Один на работу идет, другой детям пеленки гладит.

– Я не слышал, – сплюнул под ноги Хомяк.

– А я читал в журнале. Только не помню, в каком, – соврал Шульга.

Гриня Люлька стоял у калитки, курил и занимался художественным выпусканием дыма. Грине было интересно понять, почему из ноздрей и рта дым может выходить одновременно, а из ушей пока выпустить дым не получалось. Когда Гриня зажимал нос, закрывал рот и тужился, внутри ушей что-то хлопало и ему казалось, что дым вот-вот повалит, надо еще поднапрячься. Но что-то мешало, что-то стояло между ухом и дымом.

– Здорово, рэбятя! Выпиць есць? – поприветствовал он их издали.

– Не, Гриня, нет, – вежливо ответил ему Шульга. – Мы к тебе по делу. Поможешь – дадим на выпить.

– И што за дело? – Гриня послал тонкую струйку дыма вверх.

– Ты, Гриня, знаешь Степана? Который на болоте живет?

Игривое Гринино настроение изменилось. Он на секунду замер в картинной позе с задранной головой, в которой окуривал дымом небеса, а затем быстро затушил чинарик о забор и начал застегиваться, показывая, что куда-то ужасно торопится.

– Знаю, – сказал он в сторону.

– Можешь нас к нему привести?

– Не, не магу, – уверенно отказался он. – Папрасице бабу Любу.

– Гриня, баба Люба нас к тебе и послала, – объяснил Шульга

– Ана паслала? – Гриня крикнул и сделал обиженное лицо. – А чыво сама не пашла с вами на балота?

– Она старая. Ей уже сто лет, наверное.

– Дак ана как па грибы идзет, трыццаць киламетрау па лесу праходзит. Пусць не дурыт галавы. Пусць ана видзет.

– Гриня, она отказалась! – не отставал Шульга.

– Если ана атказалась, так и я аткажусь, – Гриня нервно открывал и закрывал калитку.

– Гриня, мы тебе много денег дадим, – соблазнял Шульга.

– Двадцать! Нет! Двадцать пять! Тут за такие деньги ого-го что делать готовы!

– Не, рэбята, идзице вы сами на балота! – качал головой Гриня.

Серый, наблюдавший за сценой молча, вынул из кармана увесистый пук белорусских денег и обратился к приятелям вполголоса: «Давайте соберем, что есть». Те повытряхивали из карманов все, что у них было, и протянули Серому. Тот слепил купюры в один денежный ком и на двух руках поднес его мужчине.

– Вот, смотри. Даем все, что есть. Это для тебя – очень много. Это – до хуя. Бери и веди. И не выебывайся.

– Не, рэбятя. Не магу, – голос Грини приобрел плаксивые интонации. – Вот чэснае слова. Не магу. Вот если б вы мне из горада кампутэрную мышь привезли – тагда бы падумал. И дажэ тагда бы адказаўся. Патаму што не магу.

– Да что такое! – крикнул Хомяк. – Что, сложно к болоту прогуляться? Тебе? Сложно? Чего ты ссышь? Нас четверо, постелим любого, чего ссышь?

– Рэбятя, мне вон нада сена паварочаць. Пайду я ужэ.

Серый повторно сунул ему под нос денежный сноп.

– Дядька, подумай. Тут же твоя пенсия за пять лет. Или что у вас тут платят, не пенсию, а что? Трудодни твои. Ну? Бери давай и веди!

– Рэбятя, многа работы па хазяйству, – покачивая головой развернулся Люлька и медленно побрел вглубь двора.

– Слышь, у тебя немцы в роду есть? – перешел на угрожающий крик Серый. – Ты сам не немец случайно? Что ты, ссука, как немец, как не русский? Охуел? Не боишься, да? Нас не боишься, хуйни какой-то боишься?

Шульга похлопал его по плечу:

– Уймись, братан. Соседа не надо шлифовать. Он же свой, деревенский, – Шульга глубоко вздохнул. – А вообще, не так сложно этого колдуна найти, если мы его камору с машины видели. Сами доберемся.

Троица уныло побрела домой. Молчали. Где-то далеко лаяла собака – ее лай казался воспроизведением одного и того же звукового фрагмента, заикленного в ди-джейском лупе.

– А вообще, – начал Серый такой интонацией, как будто все трое крепко выпили и настало время поговорить по ду-

шам, – я ей говорю. Давай, выходи за меня. Барбоса твоего в ЛТП сдадим, пусть лечится. Там доктора, ванны. А она: не, говорит, мы не в городе. У нас так нельзя. И плачет. Если, говорит, вышла за него замуж, это навсегда. И плачет.

Баба Люба ждала их на лавочке у хаты.

– Ну што, сагласиуся Гриня вас вести? – спросила она встревоженно.

– Нет. Говорит, если вы отказались, значит, и он не поведет. Боится он этого Степана. Или ленится просто.

Все трое прошли в хату, женщина потянулась за ними.

– Баба Люба, завели б вы нас сами, а? – снова стал упрашивать Шульга. – Гриня говорит, вы по тридцать километров за грибами проходите.

– Не, не магу, хлопцы. Одно дзела за грибами, другое дзела на балота к Сцяпану. Я аттуда не вярнусь. Старая ужо.

– Да отстань ты от нее! – попросил обиженный на деревенских Серый. – Чего ты упрашиваешь? Сами найдем.

– Баба Люба, а как Степана в болоте найти? Вы карту можете нарисовать? – настаивал на помощи Шульга, который явственной представлял себе масштаб предстоящей им экспедиции.

– Вой-вой, а што вам карта? – заклохотала баба Люба. – На што яна? Дарога у балоце адна. Адна дарога. Слышыце? И ведзет ана к Сцяпану. Сварнеце с этой дароги – утопнеце. Будзеце идти – прыдзеце. Можэт, не сразу, можэт, пакруциць вас кушчаль, но найдзеце. Зделайце сабе палки – перад сабой дарогу мацаць, шчупы такие, зделайце и идзице, памалиушыся. Если Сцяпан захоча, дайдзеце да яго. А не захоча – пакружыце и абратна прыдзеце. Если дурыць не будзеце – не засасе.

– Сапоги дадите? – обаятельно улыбнулся Шульга. Он знал, что если баба Люба посылает их на верную смерть, сапог она не даст, так как утопить сапоги вместе с негодными городскими гостями ей будет жалко.

– У меня только одна пара. Карычневенькия, – подумала она вслух, – ат Пятра маяго асталися. Ну ладна. Дам. Только ж вы их мне аб сук яки не прапарыце.

Серый задумчиво чесал голову.

– Пацаны, у вас у кого расческа есть? – спросил внезапно он.

– А че такое? – спросил у него Хомяк.

– Ну дай расческу.

– Зачем тебе? Так ее драл, что волос из головы навывривала? – по-лягушачьи ухмыльнулся Хомяк. Он все не мог простить женщине, что не способен был перестать о ней думать. И того, что рассвет та встретила с другим, пусть даже и пацаном из его, Хомяка, бригады.

– Ну надо! Дай!

Хомяк с видимой неохотой полез в спортивную сумку с надписью «Мукачево», с которой прибыл в Буду, и достал расческу, часть зубцов у которой отсутствовала. Когда Хомяку было нечем заняться, он задумчиво их выламывал, расшатывая из стороны в сторону.

– Серый, это ахтунг. Ты не опетушился? Мужики на ночь не расчесываются. И утром не расчесываются. И уж тем более днем не расчесываются.

– Зачем тогда тебе, Хомяк, расческа? – словил его Шульга.

– Нервы успокаивать, – уверенно ответил Хомяк. – Я когда нервный, зубцы выламываю. Еще на ней свистеть можно с туалетной бумагой, но я пока не научился.

Серый аккуратно тронул расческой волосы и поморщился. Баба Люба, внимательно наблюдавшая за ним, встревожено подошла к Серому.

– Што, валасы не чэшуцца?

– Да, не расчесываются чего-то. Ехал сегодня сюда в прицепе с сеном, приснул там, видно спутались волосы.

– Вой-вой-вой! – всплеснула руками баба Люба. – Наслала на цибя тая рассамаха каутун. Не пажалела. Я ж гавару, русалка!

– Чего-чего? – насторожился Хомяк, которому нужно было понять, что делать с расческой: выкидывать ее, великодушно дарить Серому или забирать себе.

– Каутун. «Колтун» па-русски, – повторила баба Люба.

– А что это? Типа, мандавошки? – уточнил Хомяк.

– Это блезнь. Страшная, ат ее лекарствами не вылечыш. Каутун. Воласы ат самай галавы раскудлачываюцца. Сплятаюцца. И не расчэшэш.

– Так в чем блезнь-то? – напрягся Шульга. Серый был главным бойцом в их отряде, один вид которого зачастую решал все проблемы. – Перхоть, что ли? Или волосы помыть?

– Блезнь – в валасах. Ана бюджет на цела перэхадзиць. Чэраз кажны волас. Чэраз голаву. Убиць можа. Или калекай здзелаць. Если не зашэптаць.

– Ой, вот только не надо этого! – отмахнулся Серый, который, во-первых, в заговоры не верил, во-вторых, не верил в русалок, в-третьих, был все еще обижен на деревенских. Расческа застревала в волосах, сами волосы сбились в странные узлы – вроде тех, что он заметил на Пахоме при первом знакомстве с ним в Октябрьском. Кожа головы

странно зудела и чесалась. Почему-то казалось, что, если распутать их как следует, зуд пройдет. Он пробовал разобрать волосы у самых корней, но расческа увязла, причиняя боль при малейшем усилии. Тогда попытался обработать пучок волос у кончиков, но и тут не пошло – через треть сантиметра расческа наткнулась на узел, каким-то образом сам завязавшийся на голове. При этом волосы у Серого, как у любого психически здорового представителя его подвида, были короткими – если он запускал в них пятерню, из-за пальцев торчали лишь кончики. И даже такие стриженные волосы разобрать не удавалось.

– Шульга, слышь. Развяжи тут узел, а? Или срежь на хуй, – Серый терял терпение. – Очень зудит.

– Не! Не, рэбятя! – испугалась баба Люба. – Каутун зашэптаць нада! Иначэ балець в цела уйдэть!

– Шульга, развяжи, – не обращал внимания на ее увещевания Серый.

– Серый, – Шульга подошел к нему и тронул за плечо. – Серый, ты не бесись только, ладно? Баба дело говорит. Помнишь мужика этого, Пахома? У него по ходу тоже вся башка в дрэдах была. Так что, выходит, жена его мастерица... – он хотел добавить про сживание мужиков со света, но прикусил язык, не зная, что у приятеля на душе. – Ты к этому так отнесись: в Буде тысячу лет болезни шепотом лечили и только последние семьдесят лет уколами. Голова у тебя зудит, стало быть больна. Надо помочь.

– Да не дамся я! – снова выкрикнул Серый. – Идите на хуй все!

– Ему надо галоперидолом башку смазать, чтоб все мандавошки поспрыгивали, – широко почесал грудь Хомяк и потянулся. Себе он казался опытным, матерым вором, которому удалось избежать ментовского мастырка, на который попался кореш.

– Хома, я тебя убью сейчас на хуй! – грохнул Серый кулаком по столу. Стол подпрыгнул на всех четырех ногах одновременно и даже на секунду завис в воздухе, как левитирующий буддийский монах, настолько силен был удар.

– И потом, гляди, – Шульга обрабатывал Серого, как продавец подержанной иномарки обрабатывает потенциального покупателя на рынке в Гомеле, – если мы в явную жопу лезем, чтобы найти колдуна, который нам кладу может расколдовать, почему ты башку свою зашептать не даешь? Это нелогично, Серый. Не накликай бы нам беды. Удача-то завтра знаешь как нужна? Тебя из трясины когда-нибудь палками вытаскивали? Когда ты по горло в жиже был? Не? А меня вытаскивали, – соврал Шульга. – Так что давай башку твою вылечим.

– Просто сена в волосы набилось, – еще раз настоял на своей версии Серый.

– Так а кто с этим спорит? – наклонился к нему Шульга. – Серый, сено так сено! Просто в этих местах сено из башки по-своему вытрясают. Знаешь поговорку эту про монастырь? Шульга сам не помнил поговорку про монастырь и попытался ее воспроизвести по памяти:

– В чужой монастырь со своими тапками не лезут. Знаешь почему тапками, Серый? Потому, что перед тем, как в монастырь войти, нужно снять обувь. И у ворот оставить. У любого монастыря много-много кроссовок стоит. Святая земля, хули хочешь? А ты что? Пришел в монастырь и хочешь, чтоб тебе монахи обувь почистили ризами. Не пойдет так, Серый.

– Галоперидолу нужно! – не унимался Хомяк. – А еще лучше зеленкой башку залить. Тогда точно все блохи повымирают.

– Закройся, Хома! – рыкнул Серый, но по характеру рыка было слышно, что он уже не злится и готов подставлять голову под шепот.

– Серый, что-то любят тебя насекомые! – веселился Хомяк.
– В болоте – клещ, в Октябрьском – воши! Ты какой-то зоофил, Серый!

– Баба Люба, пациент готов! – крикнул Шульга в Сени. Женщина возилась там, готовя процедуру.

– Пашли на крыльцо! – позвала она. – Идзе тольки той, каго лечым.

Выйдя на ганок, баба Люба ступила на ступеньку вверх и протянула пациенту вниз граненый стакан с водой.

– Бяры, держы, воду не плескай.

Серый со стаканом в вытянутой руке выглядел органично и мечтательно, как памятник алкоголику. Баба Люба сложила ладони трубочкой, накрыла ими стакан и принялась быстро-быстро шептать в этот раструб:

– Святы Горги-пабеданосец закрыл неба звяздами, землю травой, дрэва листвоу, рыбу луской. Цар Давыд скрапил неба и зямлю, зоры, ясны месяц.

Порой ее было отчетливо слышно, порой шепот становился неясным, и можно было различить только настойчивые интонации, которые становились то монотонными, то торжественными, то слезливо-просительными:

– Зара, зарыца, божая прамяница, бог Троица, бог Юры, бог Микола, бог Сус Хрыстос. Троица ад змей памагучы, да тебе идучы па полю, па дрыгве, па росе, нясу камень у кармане, у расшытым кафтане, камень агнем гарыць, руку пякець, трэба хлопца спасци ад русальчыной прысухи. Микола Чудатворац молнией бье, Юры зашчышчае, Сус Хрыстос крылаи накрывае.

Ноги у Серого затекли, рука отяжелела, женщина продолжала шептать:

– Вужаку замовляю, Бога на помач зазываю. Вужаку замовляю вадзяную – стань. Вужаку замовляю балотну. Стань. Вужаку замовляю лесную – стань. Вужаку замовляю межевую – стань. Вужаку замаўляю падпечную – стань. Вужаку замаўляю кубавую – стань. Вужаку замовляю глауную. Стань, вазьми аганек, вазьми вецерок, вазьми зямлицы, хлопцу дапамажы здаровым жыци.

Рука Серого со стаканом начала подрагивать, баба Люба поддержала его под локоть, показывая, что важно не расплескивать воду. Когда заговор был закончен, пациент однозначно почувствовал себя более здоровым человеком, чем ощущал во время процедуры, с ее недвижимым стоянием на одном месте, с ее жутковатым бубнением ворожущей. Женщина окунула пальцы в стакан и сбрызнула ими волосы Серого.

– Шчас лей са стакана на зямлю, – приказала она.

– Все лить? – уточнил он.

– Усе. Ано у землю удзёт, усе гауно з сабой унясет.

Серый послушно вылил заговоренную воду на землю, та, пузырясь, впиталась между стеблями чахлого пырея. Он тронул свои волосы. Узлы не распутались, но кожа на затылке и темени зудела меньше, возможно, потому что от долгого стояния теперь зудели спина, ноги и руки. Поднес к лицу ладонь, закусил губу: пальцы хранили ландышевый аромат той, которой он помогал застегивать лифчик утром.

Глава 16.

Вухохлев пил чай, прислонившись лбом к стеклу окна собственного кабинета. Ему было тяжело после вчерашне-

го рандеву в кабинете председателя районного исполкома. Под пупком шевелился клубок змей, его знобило, как при гриппе, а голова была одета в милицейский шлем тяжелого похмелья: Выхухолеву было неудобно в собственном черепе. Он с молчанием внутри созерцал стоящую рядом со входом в РОВД ель, которую помогал сажать во время субботника много-много лет назад. Выкопанное лесниками дерево привезли из-под Буды на тракторе. И вот, елочка, которая родилась в лесу, в лесу же и росла, торчит теперь под окнами глусской милиции. И эта как бы та же самая елочка, которая росла когда-то в лесу, хотя в лесу ее могла ожидать совсем другая судьба: ее ветви были бы пышней, а рост – выше. Медленные, окрашенные абстинентной лихорадкой мысли Выхухолева пошли еще дальше, и он подумал о семенах, выпадающих из шишек этой елочки и зарождающих новые елочки. И о том, являются ли эти семена, ростки из них, продолжением материнского дерева или чем-то новым. И о том, что рассаженный физалис или фикус никогда не скажет другому физалису или фикусу, что он – неповторимая личность. И что в этом – секрет бессмертия растений, которые все вместе или взятые по отдельности – просто ель или просто фикус. И что люди, быть может, тоже бессмертны, но им нужно перестать выебываться. На этой сложной, но обнадеживающей фразе из внутреннего монолога Выхухолева, дверь его кабинета распахнулась, и сержант Андруша ввел редактора районной газеты Петровича. Петрович вел себя смирно, и ему даже не пришлось сковывать руки наручниками. Петрович осторожно уселся на край стула – как человек, допускавший, что стул может выпрыгнуть из-под сидалища и начать лупить по спине. Он вежливо смотрел на Выхухолева. Выхухолев не спешил. Чай «Липтон» из пакетика дал обильный цвет, заполнив кабинет уютным ароматом свежееоструганного полена. Милиционер знал, что стоя вот

так, у окна, со стаканом чая в латунном подстаканнике «Белорусской железной дороге 125 лет», он чем-то похож на Иосифа Сталина. Иосифа Сталина Выхухолев любил как человека, у которого, быть может, и были свои перегибы из-за того, что Сталин был грузином, но зато страна проложила БАМ и полетела в космос. Выхухолев еще раз осмотрел открывавшийся из окна вид – ель, площадь, красочная тумба «С Новым годом!», на которой волк из мультфильма «Ну, погоди!» кружит в танце зайца в наряде снегурочки, а ведь на дворе уже июль. Выхухолеву было муторно.

– Как думаешь, Петрович, зачем мы живем? – спросил он у арестанта.

– Для того, чтобы страдать, – пожал тот плечами. – То есть одни – чтобы страдать, а другие чтобы издеваться.

– Оно, понимаешь. Человек он – как елка или физалис, – попытался выразить свою сложную мысль Выхухолев. – Растет, растет, размножается, потомство пускает, а все одно и тоже. Из года в год. Вон, плакат «С Новым годом!» никак не уберут. А уже июль, между прочим.

– Товарищ начальник, давайте допрос уже начинать, – беспокойно заерзал на стуле Петрович. Он не мог понять, за чем его вызвали.

– Как условия содержания? Жалоб нет? – поинтересовался милиционер.

– Есть, – прибито нахмурился Выхухолев. – А что толку? Вы что-нибудь кроме селедки и гнилой капусты давать отбывающим наказание можете? Безобразие.

Выхухолев со вздохом открыл ящик стола и взял из стопки бумажку, отпечатанную офисным италикком. Своим шрифтом бумажка напоминала визитную карточку с двумя длинными телефонами, но без имен.

– Что это? – спросил Петрович.

– Первый телефон – Страсбургский суд по правам человека. Второй – Гаагский трибунал. Звони, жалуйся на меня, – он мрачно хихикнул, – можешь им заодно про селедку рассказать. Они там всех выслушивают.

Петрович хмыкнул, хотел съязвить, но прикусил язык – по всей видимости, много мыслей и переживаний посетили его в камере.

– Больше бузить не будешь? – строго спросил Выхухолев.

– Так я ж и не бузил вроде, – Петрович не то, чтобы спорил, но выражал недоумение.

– Ну вот, опять начинаешь, – нахмурился милиционер, – суд собрал доказательства, опросил свидетелей, установил вину. А ты – «не бузил», «не бузил»... Еще скажи, матом не ругался. И руками не размахивал.

Петрович снова хмыкнул, но решил не раскрывать рта.

– Так будешь бузить? – переспросил милиционер.

– Не буду, – вполголоса сказал Петрович.

– Ну вот, хорошо. Будем считать тебя ставшим на путь исправления. Выпустим раньше срока. Только дело у нас с тобой одно осталось. В рамках следственных действий, – он протянул Петровичу лист бумаги с напечатанным на машинке шрифтом, – роспись поставь.

– А что это?

– Это подписка о неразглашении сведений, которые стали тебе известны по делу об убийстве в Малиново, – объяснил Выхухолев.

– А какие мне сведения стали известны по делу об убийстве в Малиново? – уточнил Петрович.

– Все сведения, Петрович. Вообще все. Наш с тобой разговор. Вопросы мои, ответы твои. Что ты говорил, не говорил. Все, Петрович. Хоть слово где напечатаешь – подписка как раз об этом.

– Так а что я узнал? Я вообще ничего не узнал.

– Вот, ничего и не говори.

– Не, Выхухолев, – насторожился Петрович, – это как-то опасно. Я без адвоката подписывать не буду.

– Плохо это, Петрович, – покачал тяжелой головой майор. – А говоришь, бузить больше не будешь. Навстречу тебе пошли, а ты – со следствием не сотрудничаешь, на просьбы малейшие, вежливо высказанные, снова начинаешь кричать матом и размахивать руками. Разочарован я в тебе. Хотя, казалось бы, и надежд особенных не возлагал.

Петрович понял, что его вот-вот опять уведут в камеру и взял ручку.

– Не хочешь, не подписывай, – подбодрил его Выхухолев, – мне – все равно. Ты главное матом не ругайся в этих стенах. Это же святые стены, – он кивнул на портрет Дзержинского, висевший рядом со шкафом. – Ты одно учти. Согласно нашему УПК в случае отказа подписать подписку о неразглашении ответственность за разглашение все равно наступает. Срока давности такие дела не имеют. Так что подписывай давай.

Петрович оставил быстрый росчерк в документе.

– Молодец. Все. Можешь быть свободен. Пропуск Андруше предъявишь, – Выхухолев протянул редактору документ, требующийся для выхода из здания. – Газетку свою давай печатай, компьютеры уже вернули. А то без телепрограммы город оставил.

Петрович кивнул и выскочил из кабинета. Его преследовала мысль о сочнике с творогом – за последние несколько суток, проведенных на размоченном в воде хлебе, капусте, пахнущей помойным ведром, и селедке, от которой мучительно хотелось пить по ночам, сочник с творогом стал навязчивой идеей.

Оставшись один, Выхухолев вытащил сотовый телефон и нажал на кнопку вызова. Дождаясь ответа, он глотнул еще чаю. Этикетка пакетика, болтавшегося на дне стакана, лезла ему в глаза.

– Все, выпустил этого, – сказал он трубке. – Не, молчать будет железно. Да, подписал! Не, ну конечно выебывался. Но подписал. Особо угрожать не пришлось. Он уже с пониманием. Ну а что вы хотите? Такая школа жизни! Большинству трое суток хватает, в закрытке. Кого? Глусских в Докольку направили? наших? Ха-ха! И что, искали? Искали пистолет? Что, в костюмах? В костюмах прямо полезли? Во, дурни! Ну да, расслабились: откаттики, коммерсантики, баня, водка, бляди, а оперативной работы не нюхали. Все Пронинами заделались, а трупака ни разу в мешок не пихали, ну! И что? Дно руками прощупывали? Три дня? Вот, хорошо! Приятно слышать, Сергей Макарович! Каждый камень подняли, да? Ай, молодцы! И ничего, да? И куда же этот пистолет делся из реки? Ха-ха! Преступник выкинул, а пуделя эти не нашли! Ха-ха! Вот загадка, да? Ну понятно, что на течение пеняют. На что им еще пенять! Вы им взыскание объявите! Обвиняемый? А что обвиняемый? Все нормально обвиняемый! Раскаивается чистосердечно. Я его на семёру настроил, Валька на через две недели суд назначила.

– Скажите, – произнес Выхухолев другим тоном, чуть тише, – может, я уже заеду? Дело скоро закроем, Кабанов сидит, Петрович молчит. Давайте, может, заеду? А? Что? Сидеть, ждать? Понял. Понял. Буду ждать. До свидания.

Он снова подошел к окну и уткнулся лбом в стекло. Зажмурился. Представил себя елью, которая никогда не умрет, потому что найдет продолжение в других елях – таких же, как она. Открыл глаза. Увидел безысходную площадь, несколько одинаковых прямоугольных зданий, тумбу «С Новым годом», слоняющихся горожан, которым как будто не хватало ног, чтобы убраться с поля зрения и вообще из этого города, нескольких подростков, кидающих явно презрительные взгляды в сторону здания милиции, мутноватое небо, тяжелый воздух, пространство, лишенное света и тени, яркости и контраста, плоское, плоское, плоское. Он понял, что ему не хочется не умирать.

Глава 17.

Жители деревни Буда Глусского района Гомельской области, когда они еще не превратились в кладбищенские холмики, сосредоточенные лица на могильных фотографиях и неясные силуэты, проступающие в плотных туманах, определяли наступление трех часов дня следующим образом. В солнечный день они становились спиной к светилу и отмеряли шагами собственную тень. Если длинна тени исчерпывалась тремя шагами обычной, комфортной для них походки, это означало, что в деревне Буда Глусского района наступало три часа дня. Для вставших с зарей жителей деревни Буда Глусского района Гомельской области три часа дня символизировали то, что можно сделать перерыв в тяжелых трудах и прилечь где-нибудь в теньке для краткого сна. Проснувшись, когда тень уходила, они завершали начатое на рассвете, автоматически, без аппетита, ужинали и укладывались ждать следующей зари, зовущей к рвущему жилы труду.

Три наших героя встретили три часа дня бодрым храпом: Серый храпел басом, Шульга тенором, Хомяк – нервным,

прерывистым сопрано. Накануне ночь напролет они играли в карты на фофаны и обсуждали детали предстоящего им вояжа на болота. Каждый раз, когда карты определяли «дурака», а ни во что другое приятели играть не умели, Серый возлагал проигравшему на лоб пятерню, смачно оттягивал средний палец и позволял ему грохнуть играющего по черепу. Как правило, голова жертвы издавала гул, похожий на то, как если бы две большие сковороды ударились друг о друга. Хомяк после такого удара, как правило, садился на пол и ошалело крутил головой по сторонам. Проигрывать ему нравилось, так как минутная одурь, снисходившая на его сознание после фофанов Серого, напоминала алкогольное опьянение, по которому, ввиду отсутствия возможностей приобрести пиво в деревне Буда, он очень скучал. Шульга один раз после фофана побежал тошнить, и Серый сократил силу ударов по лбу для него, боясь нечаянно прибить товарища. Когда проигрывал Серый, фофаны поочередно били сначала Шульга, потом Хомяк, но оба экономили силы, так как от столкновения пальца нормально человека со лбом Серого, палец потом еще долго ныл.

Первым проснулся Шульга, чувство ответственности в котором было выше, чем в среднем по троице. Он расталкивал приятелей, напоминая, что им предстоит сложное путешествие, но те отбрыкивались. За Шульгой встал Серый, которому было интересно узнать, как обстоят дела с его волосами. Вдвоем, забавы ради, Серый и Шульга вытащили ведро студеной воды из колодца и аккуратно вылили пару кружек на посапывающего Хомяка. Хомяк по-бабьи визжал, но не вставал, демонстрируя, что настоящий пацан может спать даже мокрым.

Внимательно осмотрев свою голову, Серый резюмировал, что та уже не чешется совсем, однако волосы по-прежнему спутаны и расчесыванию не подлежат. Некоторый про-

гресс в саморазвязывании самозавязавшихся узелков был налицо, но Серого это не удовлетворяло.

– Что я, как хиппи буду ходить? – рычал он, крайне недовольный тем, как с ним поступила его собственная голова.

– Серый, мы на болото идем, – утешал его Шульга, – кроме того, видон у тебя актуальный. Как у солиста группы «Модэн Токинг». Надо только кончики подкрасить в зеленый цвет.

– Во-во. Как пидор выгляжу, – тыкал Серый в свою шевелюру, в которой каждый волосок стоял вертикально, сплетаясь с другими волосами в сплошной клубок.

– Давайте его в «Метелицу» снарядим, – нагнетал страсти Хомяк, который уже встал и отжимал штаны, – от мальчиков отбоя не будет.

Для Серого мысль о том, что он выглядит «актуально» была невыносима. Он залез на печь и стал разбирать завалы ржавого железа, стараясь найти предмет, который мог бы помочь извлечь голову от растительности. Через полчаса снабжаемой матом и лязгом жизни, он спустился, держа в руках окаменелый обмылок, по цвету и фактуре напоминающий кость мамонта, ржавые ножницы и три желтых одноразовых бритвы «Бик», использовавшиеся когда-то для очистки рыбы от чешуи. Нагрев кастрюльку воды, Серый сначала срезал все, что мог, ножницами, затем обильно намылил голову и стал сражаться с растительностью одноразовыми бритвами «Бик». Отдельного описания заслуживает сцена очищения крохотных лезвий одноразового станка «Бик» от ржавчины с помощью найденного на дворе камня. Цирюльник работал рьяно. Во все стороны летели пена, лохмотья шерсти, куски содранной с головы кожи. Шульга выгнал его на улицу. Когда работа была закон-

чена и голова Серого стала напоминать колено велосипедиста, попавшего под самосвал, у калитки показалась баба Люба. Серый в этот момент облеплял голову, на которой местами сохранилась недобрита шерсть, листьями пододрожника, которые, как ему казалось, останавливают кровотечение.

– Вох, што ж ты надзелау? – вскрикнула женщина.

– Вы бы сами побриться вот этим попытались! – продемонстрировал ей Серый остатки бритв «Бик». Рукоятки двух из них сломались во время самоистязания, оставшаяся в живых была настолько плотно забита обрезками волос, что ее лезвие полностью утратило резательные качества.

– Ты зачэм валасы састрыг, доубень? – крикнула баба Люба.

– А что? Нармально. Кожа заживет, – широко улыбнулся Серый. Он был очень доволен своей работой. Во-первых, он уже не выглядел, как хиппи, во-вторых, ему даже нравилось, что череп обильно кровоточит. Ему было эстетически приятно пугать людей своим видом.

– Ты дурэнь! Ой дурэнь! – баба Люба плюнула себе под ноги. – Валасам самим нада была даць распутацца! Ты што на-рабиу?

– Самим распутаться? И ходить неделю с Бобом Марли на башке? Ой, я вас умоляю! – отмахнулся Серый, размазывая кровь по лбу.

– Усё лечэнне наша учэрашнее казе пад хвост! – качала баба Люба головой из стороны в сторону. – Мы ж валасы цибе загаварыли, балезнь с их ухадзиць начала. А ты атрэзал! Ана ж шчас у цела всасется! И ужэ не вылечыш ничэм!

– Да ладно, баб Люб, он здоровый у нас, – поддержал приятеля Шульга, – ему голову оторвать, табурет приделать, он не заметит.

– А таки ж малады, таки малады, – женщина перекрестила Серого обычным православным крестом, – дай я цибя аб-ниму.

Баба Люба подошла к ошеломленной жертве бритвенных лезвий «Бик», положила на него свои лапищи и прижалась массивным телом.

– Таки малады. Мог бы яшчо жыць и жыць.

Ойкая, она потопала в свою хату и скоро вернулась к приятелям с чугуном.

– Во, глядзице, я зацирки зделала. Паешце на дарогу. А лучшэ не идзице сегодня. Ужэ поздна. Лучшэ заутра с расветам прачнитесь и идзице.

Шульга чугун с затиркой принял, но идею переносить экспедицию на завтра не поддержал.

– Мы, баба Люба, и завтра так проснемся. Мы ж городские. У нас режим другой.

– Вой-вой, бедныя, бедныя, – покачала она головой. – Ты, слышьш? Паеш харашо! – обратилась она к Серому персонально. – Так бабе старой памог, травичку вакруг хаты прыбрау, а нашто ж табе памираць? – она скривила губы в ту гримасу, которая у старух предупреждает о скором наступлении плача по покойникам. Обычно эта гримаса как бы спрашивает у собравшихся, не против ли они того, чтобы в их присутствии немного поплакали.

– Нормально, баба Люба. Прорвемся, – прервал ее так и не начавшиеся причитания Шульга.

Затирка оказалась сделанным в печи молочным супом, в котором плавала перловка и сгустки, которые Хомяк сразу же презрительно окрестил «соплями». Есть он отказался, к видимому удовольствию Серого и Шульги, которые суп вычерпали с чемпионской скоростью.

Еще час ушел на то, чтобы одеться и экипироваться. В сенях нашлись две пары сапог, дырявые и целые. Дырявые по размеру подошли лишь Хомяку. «Лучше дырявые, чем никаких», – утешил приятеля Шульга. Себе он взял целые. Серому принесли пару, дожидавшуюся у бабы Любы, – обувь оказалась исполинских размеров, и ногу пришлось увеличивать тремя парами носков из собачей шерсти, найденных в запечке. Носки были дырявыми или, как называл это Шульга, «ажурными», но география дырок не совпадала полностью, так что некоторые части ступней Серого оказались носками все же прикрыты. С собой взяли рюкзак с припасами, топор и по две палки. Фонарик нашелся только один. Металлический, похожий на железнодорожный семафор. Батарейки в нем давно потекли, и потому на элементы питания пришлось разобрать радио бабы Любы, которая его все равно не слушала.

Из деревни вышли, когда на висящее над горизонтом солнце уже можно было смотреть, не щурясь, – три фигуры, бредущие в закатных лучах к лесу. Было в этой сцене нечто из раннего Короткевича и одновременно с тем из позднего Мицкевича – тоже было. Присутствовал здесь, без сомнения, Жуковский, который поэт, но Жуковский, который живописец, тоже присутствовал. Увиденные издали три фигуры на фоне заброшенной деревни могли быть сюжетом для Левитана – для одной из его картин со щемяще-печальными названиями – «Над вечным покоем», например. Те, у кого в детстве была книжка «Последний из могокан» Дж. Ф. Купера, изданная в советской «Библиотеке приключений», наверняка узнали бы в этой сцене настроение обложки той книги. Обложки, на которой был запечатлен одинокий путник, с вызовом смотрящий с горы на раскинувшиеся перед ним леса. Баба Люба смотрела на них, стоя у калитки, качая головой и охая.

Троица красоты момента не ощущала: Серый с Хомяком самозабвенно фехтовали палками, пока Хомяк не получил по пальцам на руке и не начал, подчеркивая свою травмированность, прихрамывать. Таким образом он вызывал к себе жалость – на тот случай, если впереди возникнет потребность в тяжелом физическом труде и от труда этого нужно будет уклоняться. В лесу было тихо – как тихо бывает во всяком лесу перед закатом. Впрочем, быть может, звери и птицы примолкли, глядя на три фигуры, самозабвенно бредущие к глухим топям.

Болото встретило их лягушачьим хором, стройности и, главное, тембру и амплитуде которого позавидовал бы Большой театр. Этот контраст между настороженной тишиной леса и вакханальным вечерним весельем болота еще больше подчеркнул границу между миром понятным, засыпающим, и миром странным, просыпающимся на закате. Шульга, шедший первым, обнаружил, что аир под ногами довольно устойчив и что когда ноги одеты в сапоги, болото вовсе не такое враждебное.

– Как пойдём? – спросил он, когда приятели отошли метров на двадцать от берега.

– Нам бы машину найти, – сказал Серый, – оттуда на крышу заберемся, будем искать. По дыму. Ты ж как-то увидел.

– У меня ноги намокли, – обозначился Хомяк.

– Серый, где машина? Сможешь найти? Ты ж топил. В какую сторону нам?

Серый пожал плечами:

– Я как из кустов этих вырвался, пер просто вперед.

– Вопрос, где ты из кустов вырвался, – Шульга внимательно осмотрел заросли, обступавшие болото. Никаких прорех, следов поломов и тем более борозд от прошедшего транспорта было не различить.

– Ну, я ж говорю. Я просто прямо пер.

– Ладно. Пойдем и мы прямо, – повел приятелей Шульга.

Идти было несложно – травы, нарощие на водной подушке, пружинили под ногами, в следы моментально набиралась черная вода. Кое-где попадались кочки, на которые можно было присесть, не намочившись. Во время коротких передышек на одной из таких кочек Шульга ощутил, что его тронуло неясное чувство беспокойства. Объяснить его причину было сложно, но чувство стало нарастать с каждым шагом. Отойдя от кромки болота метров пятьсот, они обнаружили, что чахлый кустарник, росший у берегов, скрылся из вида.

– Я чего-то не пойму, – сказал Серый. – Ушли вроде близко, а берега не видно.

– Болото ниже находится, – попробовал объяснить Шульга, – ниже, чем суша. Из-за этого мы, как на дне банки. Видим только ее стенки.

– Не, если б ниже, наоборот лучше видно было бы.

– Ну, может, ушли далеко, – попытался объяснить Шульга.

– Оно кажется, что километра не прошли, а на самом деле...

Двинулись вперед. Комары налетели как-то сразу, одной большой тучей, как будто в комариной социальной сети кто-то разместил объявление о свежем корме, явившемся прямо в кровать.

– Что-то машины нет, – с сомнением сказал Серый.

– Не туда ушли, – объяснил озадаченный Шульга, – левее забрали. Надо было правой идти. Мы прямо с дороги пошли, а ты, помнишь, когда сквозь кусты драл – слегка в сторону ушел.

Серый пожал плечами. Ничего подобного он не помнил.

– Смотрите. Машина, короче, справа осталась, – объяснил Шульга. – Нам надо теперь ровно направо повернуть и перпендикулярно идти. Параллельно берегу.

– Параллельно, перпендикулярно, один хуй! – разозлился Хомяк. – Ты веди давай.

Шульга развернулся, как он думал, на девяносто градусов и двинул в сторону. Порой ему казалось, что он видит машину – стало смеркаться и очертания предметов размылись, цвета – изменились.

– Слышь, братва, – подал голос Хомяк. – Старая говорила, что на болоте тропа одна. А тут куда не повернешь, везде тебе тропа. Что за шняга?

– Может, еще собственно до болота не дошли, – высказал предположение Шульга. – Может, это пока только так. Предбанник. А болото дальше будет. За машиной. Как к этому колдуну идти.

Он снова сел передохнуть на кочку. Кочка просела под ним, как хорошее офисное кресло, но осталась сухой. Слева был иконостас заката, золото постоянно меняло оттенки, то багровея, то обретая анемичную лимонность.

– Пацаны. Я, блядь, не заточился, а с какой стороны закат был? Так, между нами?

– Закат всегда на востоке, – бодро ответил Серый.

– Я понимаю, что на востоке. Это хуйня, на востоке, на севере. Когда мы к болоту вышли, где он был?

– А на хуя тебе? – подозрительно спросил Хомяк.

– На хуя, ни на хуя, надо.

– Слева, – уверенно ответил Хомяк.

– Ну, во-первых, справа, – поправил его Шульга, – справа. Я вот помню, что справа он был.

– Так это потому, что мы повернули! – нашел объяснение Серый.

– Нет, пацаны, ждите. Ждите, пацаны. Если закат был справа, то нам, если вообще пизда придет, чтобы на сушу вернуться, надо влево идти, – объяснил Шульга природу своего интереса. – А если, как Хомяку приснилось, слева – то идти направо. Сечете? Кудой выбраться надо решать. Просто на случай чего.

– На случай чего? – переспросил Серый.

– На случай если вообще пизда придет. Полная. Пока нормально, но надо предусмотреть.

– А, понятно, – сказал Серый. – Слышь, а болото это большое вообще?

– Вообще большое, – спокойно сказал Шульга. Он не хотел сеять панику. – Вообще оно на треть Глусского района, блядь. Километров сорок в одну сторону. И сорок в другую. Это в лучшем случае. А может и все шестьдесят. Как ты понимаешь, я не Вайчик, я геодезией края специально не занимался.

– Короче, запомнили, солнце слева было, уходить направо, – настоял на своей версии Хомяк. – Давайте телепать, а то если поздно к колдуну придем, он нас в Филиппа Киркорова превратит.

– Справа, – поправил Хомяка Шульга.

Идти стало сложнее – теперь ногу приходилось именно вырывать из торфа, она выходила с хищным чавкающим звуком, и на каждый такой шаг требовались усилия. Пригодились палки: приятели опирались на них, вырывая затагиваемые ноги, потом с трудом вытаскивали и сами палки.

– Что-то не туда мы пошли. Топнем, – высказал общее мнение Серый.

– Топнем. Да, – согласился Шульга. – Давай обратно. Обернувшись, он обнаружил, что не вполне уверен, где теперь находится это «обратно». Шаги в любую сторону теперь давались одинаково нелегко. Более того, даже просто стоя на чахлой, колкой траве, ты с ужасом начинал ощущать, что медленно уходишь вниз вместе с кочками, стеблями, корнями.

– Блядь, во забрались, – старался сохранять самообладание Шульга. – Смотрите, там деревца растут. Наверное, суша. Выберемся, отдышимся.

Мимо него, хлюпая вырываемыми из топи ногами, пробежал Хомяк – он начал паниковать первым.

– Хома, не бегай! Нельзя бегать тут! – запоздало вспомнил Шульга отрывки фраз про болото из деревенского детства. Хомяк, не слушая, рвал вперед. Отбежав на расстояние брошенной палки, он вдруг изо всех сил заорал: «Аааа!» В этом состоянии – меняющегося в тембре, насыщенности, экспрессивности и силе визга, издаваемого каждой клеточкой организма, его и застали Серый и Шульга. Хомяк был погружен по пояс в торфяную жижу, покрытую сверху толстым слоем ряски. Он молотил ногами, думая, что таким образом может оставаться на поверхности, но, поскольку находился он не в воде, это еще глубже затягивало его вниз.

– Спокойно, Хома, – сказал Шульга, прощупывая палкой границы засосавшего Хомяка окна. Окно было большим, и рукой с берега не получалось дотянуться. Став на холмик из камыша, Шульга протянул приятелю палку, но длины палки не хватало.

– Ну все, пиздец тебе, Хомяк, – оптимистично подбодрил друга Серый. – Сейчас сроем отсюда с Шулей, а ты будешь тут тонуть, как Кашей Бессмертный.

Хомяк перестал кричать и, кажется, начал тихо плакать. Время от времени из его ямы доносилось приглушенное хлюпанье – он втягивал сопли в нос и колотился до икоты.

– Спокойно, Хома, – Шульга сосредоточенно ходил по относительно сухой поверхности, тыкая вокруг палкой.

– Холодно! Внизу! Высуньте! Скорей! Меня! – делая большие паузы между словами проронил он. – Там! Пиявки! Наверное!

– Не ссы, не ссы, Хомяк, Хомяк, – напевал-приговаривал Шульга, задумчиво разгуливая вокруг ствола чахлой березки, росшей неподалеку от окна. Ствол был несколько длинней, чем имеющиеся у них палки, но ему казалось, что пока они будут ее срубать, Хомяк утонет окончательно. Хомяк перестал истерично молотить ногами под собой и скорость его погружения замедлилась. Впрочем, поскольку его одежда медленно набирала воды, ему казалось, что он слишком споро уходит вниз и вот-вот провалится по горло, потом – до самого рта, будет лихорадочно хватать воздух губами, пока вместо кислорода в рот не хлынет черная, вонючая жижа.

– Шулечка! Ну пожалста! Ну! Серый! Ну ты! Ну хоть что! – причитал он шепотом.

– Вытащим тебя, Хома, вытащим, – поддерживал его голосом Шульга. – Ну, а не тебя вытащим, так твое тело потом всплывет. Домой мамке бандеролью отправим. Серый, дай свою палку, держи меня за ноги.

Шульга понял, что возможностей по чистому и красивому спасению попавшего в окно приятеля не имеется, улегся на кочку и медленно пополз вперед, опираясь на локти. Майка и штаны мгновенно вымокли, но Хомяк дотянулся, издав невнятный выкрик – «хуйнаблядь!». Он обхватил палку двумя руками и рванул так, что Серый и Шульга чуть не оказались рядом с ним.

– Тише, тише! – прикрикнул Шульга. – Ты не тяни, я тянуть должен!

Болото не хотело отпускать Хомяка: Шульге пришлось упереться коленями в камышовый холмик и самому уйти под воду, чтобы подтянуть приятеля к сухому участку. Тот ползком подобрался ближе, ухватился за пук торчащей из кочки осоки и, разрезая ладони, с громким вскриком выщелкнулся из жижи, истерично засмеявшись. Он встал на колени и крепко обнял Шульгу, обильно размазывая по нему торф и тину. Его тело сотрясала крупная дрожь.

– Ну ладно, ладно, – отстал от него Шульга, которому обниматься с Хомяком не понравилось. Утопший медленно приходил в себя.

– Блядь, сапогам пиздец! – толькой сейчас заметил он, что обувь осталась в трясине. На одной ноге чудом сохранился белый носок, вторая была полностью босой. Шульга достал из рюкзака свою ветровку:

– На, обмотай, не ходи босым. Ступню изрежешь в мясо.

Хомяк, благодарно кряхтя, завязал куртку вокруг щиколотки и снова засмеялся.

– Что такое? – спросил Серый.

– Куртка! Вокруг! Ноги! – изнемогал от смеха Хомяк. – Не могу! Ой, не могу! – он ползал по кочкам, содрогаюсь от истеричных всохатываний. Со стороны сложно было понять, рыдает он или смеется.

– Ебнулся трохи, – шепнул Шульге Серый.

– Ну а что ты хочешь? – шепнул тот в ответ таким тоном, как будто легкая форма сумасшествия является естественной реакцией организма на утопание в болоте.

Закат превратился в едва заметное пятно света над горизонтом, когда они продолжили свой путь. На этот раз Хо-

мяк шел последним, стараясь попадать в следы приятелей: свою палку он потерял.

– Наверное, машина утопла просто. По сантиметру в час под воду и ушла, – подумал в слух Шульга. – Потому что непонятно, как так? Ходим, ходим, и ничего.

– Тогда не там свернули, – сказал Серый. – Тогда там, где мы направо пошли, надо было вперед идти. Чтоб к той хибаре попасть.

– Пойдем тогда направо, – пожал плечами Шульга. После возни с вытаскиванием Хомяка он окончательно забыл, где нужное «право», и потому не задумывался о направлениях.

– Не, Шуля, если мы там направо повернули, значит, нам налево идти надо, – старался Серый сохранить хоть какую-то логику в их перемещениях.

– Тогда почапали налево, – равнодушно поддержал Шульга.

– Смотрите, машина! – вскрикнул Хомяк.

Серый и Шуля не поверили, думая, что приятель от стресса просто потерял связь с реальностью, однако, повернувшись в указанном Хомой направлении (которое было ни «право», ни «лево», но находилось сзади), увидели отчетливый белесый силуэт. Даewoo стояла, зарывшись носом в мхи. Задние колеса были приподняты и висели в воздухе.

– Смотри ты, точно машина! – улыбнулся Шульга. Он двинулся к ней быстрым шагом и на половине пути мгновенно ухнул по колено.

– Стоять пацаны! Тут окно! – он активно орудовал палкой, помогая себе выбраться. Вылил воду из сапог, закатал мокрые штаны, снова стал на ноги. – Идите аккуратно, не загремите!

Он вполшага пошел вдоль топкого места, тщательно проверяя кочку, прежде чем ступить на нее в полную силу. Палкой он подтыкал берега: кое-где щуп безо всякого сопротивления уходил под воду весь, в человеческий рост.

– Тут даже не окно. Протока. Здесь если шахнешся – не вытянут: водица, водица, а под ней размокший торф. Он как пластилин жидкий. Сразу с головой. Пёрднуть не успеешь.

Серый и Хомяк ступали за ним, как герои кинофильма «Сталкер» Андрея Тарковского, – в их движениях была киношная осторожность и подчеркнутый артистизм. Они как будто хотели показать некоему наивысшему зрителю, наблюдавшему за ними с темных небес, насколько серьезно они относятся теперь к возможности утонуть в этом болоте.

– Пахнет тут странно, – потянул носом Серый.

– Топью тут пахнет, – отозвался Шульга. И продолжил, себе под нос. – Странно. Тут целая, блядь, река!

– Ты осторожней там давай, – обеспокоенно отозвался Серый.

– Не, ну вы видели реку у машины, пацаны? Мы же хорошо все просмотрели! Не было реки! А тут вода и вода! Серый, зажги свет.

Приятель, которому Шульга доверил карманный фонарик, щелкнул переключателем: в травах под ногами появилась бледная, едва угадывающаяся фата из призрачного света. Неясный молочный оттенок, который фонарик сообщал скелетам полусгнивших березок и корявых карликовых сосен, был настолько тревожным, что Шульга тотчас же попросил:

– Выключи на хуй! Еще хуже видно!

– Через полчаса стемнеет полностью, фонарь больше света будет давать, – миролюбиво объяснил Серый, – сейчас просто темно еще не до конца.

– Темно еще не до конца, – передразнил его Шульга без особой злости. – Когда концу темно станет, поздно уже виагру есть.

Троица продвинулась вперед вдоль сплошной водной преграды метров пятьдесят: пространство топи расширилось и уводило их в сторону от найденной машины. Ту уже совсем не было видно.

– Машину нашли, а хули толку, – обрел Хомяк способность снова ныть.

– Прикинем, пацаны, – стал отдохнуть Шульга. Время от времени он переставлял ноги, которые плавно уходили вниз, в воду. – Когда мы на тачке стояли, хибара была прямо по носу и слегка левей. Километрах в двух, может. Хотя тут, конечно, расстояния по-другому. Там и километра могло не быть. Так вот, мы как раз сейчас в ту сторону, вдоль носа, прем. С левой стороны. Свернуть к машинке не можем, река. Так надо просто вперед херачить. И не сворачивать. Прямо.

– В том-то и дело, что тут попадос с «прямо», – по-доброму усмехнулся Серый. – Где то прямо? Ориентиров нет, только кочки под ногами.

– Серый, хочешь, ты веди? – повысил голос Шульга. – Становись вот вперед, бери палку и давай!

– Да ладно тебе! – похлопал его по плечу Серый.

Пошли вперед – «прямо». Сил на разговоры уже не оставалось – перед каждым шагом нужно было ощупать площадку перед собой палкой, ступить одной ногой вполсилы, убедиться, что не проваливаешься, плавно перенести вес

вперед, с силой выдернуть вторую ногу, сохранить равновесие, сориентироваться, куда ступать дальше, попытавшись в темноте по градациям черного узнать кочку, кустик аира, холмик из мха. Примерно через километр Хомяк подал идею:

– Пацаны, может поедим?

– Ага, еще давай в карты сыграем, – отозвался Серый.

– Не, ну серьезно, – настаивал Хомяк. – Взяли тушева, давай зарубаем.

– А надо было есть затирку и не выебываться! – напомнил Серый.

Шульга внезапно поддержал Хомяка: «Передых, пацаны!» Он уже с полчаса не представлял, в какую сторону они движутся, механически переставляя ноги и следя лишь за тем, чтобы не оказаться в воде по горло. Зажгли фонарик, достали одну из двух взятых с собой еще из города банок тушенки, охотничий нож, лаваш, который от долгого лежания в целлофане обильно покрылся бледными пятнами плесени. Есть стоя было неудобно, поэтому нащупали руками кочки повыше и расселись. Тушенку пришлось есть с ножа, передавая банку друг другу. В руках Хомяка банка задерживалась почему-то дольше всего. С его кочки слышалось лихорадочное поскребывание металла о металл, сопение и торопливое сглатывание. Шульга брезгливо сковыривал плесень со своего куска лаваша ногтем, прижимая фонарик щекой к плечу. Серый хохотнул.

– Шуля, плесень это ж анальгин! Из нее анальгин делают! В ней знаешь сколько витаминов?

– Сам ешь этот анальгин, – отозвался Шульга. Его кочка окончательно ушла под воду, и ему пришлось встать на ноги.

– Замокла, – прокомментировал он.

– Я тоже уже по яйца в воде, – подал голос Серый, – но мне похуй.

– Одного не пойму. Как тут кто-то жить может? – удивился Шульга. – Тут же вода кругом. А где нет воды, там постой минуту, и вокруг вода соберется.

– Ну, может, на сваях дом, – предположил Серый.

– Или на воздушной подушке, – добавил Хомяк. – Я видел по телеку про машины, которые на подушках ездят. Ей что болото, что не болото.

– А, может, действительно загнуло меня, – с усталостью в голосе сказал Шульга, – и не было там никакой хибары.

– Была, была! – заверил Серый. – Я тоже что-то такое, помню, видел. С машины. Не совсем четко.

– Что значит «не совсем четко»? – спросила темнота голосом Хомяка. Он передал Шульге совершенно пустую банку, в которой не оставалось ни крошки мяса. Шульга поскреб ее ножом и выкинул через плечо.

– Ну, прозрачный дом как будто, – попытался объяснить Серый. Врать у него не получалось, но он хотел поддержать Шульгу, чтобы тот не падал духом. – Размытый такой.

– Глядите на небо, пацаны, – Шульге стало неудобно за ложь Серого, и он решил сменить тему.

На небе миллионом карманных фонариков горели звезды. У одних фонариков батарейки были сильнее, у других едва-едва давали свет.

– Если окончательно увязнем, можно будет по звездам выйти, – предположил Шульга.

– А как ты выйдешь? – поинтересовался Хомяк.

– Надо сначала север найти, – объяснил Шульга. – Север это где Большая Медведица.

Троица принялась искать Большую Медведицу.

– Вон самоль летит, – отвлекся Хомяк.

– Это не самоль это спутник. Лампочки не мигают, – объяснил Шульга.

– Вон Медведица! – показал рукой Серый на узнаваемый ковш.

– Молодец, Сера! – похвалил Шульга. – Сейчас надо Полярную звезду отыскать. Она самая яркая, наверное. Вон, левая в ковше.

– Правая ярче.

– Да один хуй. Главное, с большего: север – это там, – Шульга по-ленински махнул рукой туда, где находилась Медведица.

– И что? – спросил Хомяк.

– И то, – Шульга не вполне сам знал, что из этого следует. – Север он, по карте если смотреть, – сверху. А справа – Запад. Слева – восток. Мы когда шли, закат был справа. А закат – на востоке. То есть идти надо, если на карте север сверху, – на юг. То есть, от Полярной звезды, от медведя этого, в противоположную сторону. И выйдем. – Шульга сам удивился тому, насколько в противоположной стороне его представлениям о местонахождении суши, находилась суша по звездам.

– Ни хуя не понял, – фыркнул Хомяк. И добавил, – но складно.

– А прикольно, да? Живем, живем, а на небе – целый компьютер, – мечтательно сказал Серый. – Надо только голову чаще поднимать.

– В городе звезд не видно, – сказал Шульга, – там что поднимай, что не поднимай.

– Ну хорошо, деревня там, – указал Хомяк в направлении, показанном Шульгой. – А хата мага этого где?

– А хуй его знает, – наконец, совершенно честно сказал Шульга. – Я заблудился, пацаны. Причем давно заблудился. Где машина – не знаю. Идем и идем себе.

– А давайте гаркнем, – предложил Серый.

– В смысле? – не понял Шульга.

– Давайте все втроем встанем и на раз-два-три, со всех сил, во все горло, рявкнем. «Ау!» или «помогите!». Чтоб колдун этот нас услышал и огонь зажег. Или из берданки какой шамльнул. Чтоб нам ясно, куда идти. А еще лучше – чтоб прискакал сам и забрал нас в хату.

– Идея, – обрадовался Хомяк.

– Не знаю, мужики, – пожал плечами Шульга, – хотя а что еще делать?

На этот раз командовал Серый.

– Давайте встанем все. Чтоб выше звук шел, понимаете? Ну! Теперь на раз-два-три. Кричим. Давайте. Раз! Двас! Трис!

Троица слаженно заорала. Шульга кричал: «За-блудились!» Серый кричал: «По-мо-жи-те!» Хомяк ревел: «Пизда-нах!» Рев получился громким, но по своей нестройности напоминал «урра!», которое без энтузиазма выводит тысяча служилых глоток на параде в ответ на приветствие верховного главнокомандующего.

– Еще разок, пацаны! – предложил Серый, и вопль повторился. Просящих интонаций в этом рыке не было совсем, отчего он более напоминал не мольбу о помощи, а веселый вызов, брошенный небесам, Большой Медведице, Млечному Пути, Ориону и Кассиопее.

Смесь из воды, торфа и болотной растительности под ногами у ребят вдруг ушла вниз, а потом резко, волной, качнула их вверх: по всему болоту прошло нечто вроде миницунами.

– Что это, а? – успел испугаться вслух Хомяк.

Омертвевший Шульга зажег фонарик и панически стал шарить обморочно-слабым лучом по сторонам. В пятно света попадал то ствол сгнившей березки, гипнотически поднимавшийся и опускавшийся на незримой волне, то кочка, вода вокруг которой вскипала от непонятных колебаний, то перекошенное лицо Хомяка с расширившимся зрачками. Ощущение было, как на палубе большого корабля, потерявшей вдруг всякую устойчивость, пошедшей волнами, готовой вот-вот рассыпаться. Где-то за пределами далеко раздался всплеск – даже не всплеск, а бултых, как будто с высоты пятого этажа в воду ухнул грузовик. И тотчас по нетвердой земле прошла еще волна, заставлявшая ноги разъезжаться.

– Это что такое? – повторил Хомяк. – Медведь? Лось? – он прикусил язык, понимая, что ни медведь, ни лось такого переполоху наделать не могли.

Внезапно откуда-то донесся визг, похожий на многократно усиленный звук циркулярной пилы, рвущей зубцы о твердый металл. Его модуляции менялись по мере нарастания. Он стал почти осязаемым, отдающим в диафрагму, щеко-чущим легкие, превратился в басистый рык, от которого шевелились волосы на голове. Хотелось присесть и закрыть голову руками.

– Это что, блядь? – кричал Хомяк, но никто ему не отвечал.

Серый кричал:

– Что?

Шульга орал:

– Откуда?

Звук затих и через секунду ударил по ушам уже совсем близко, причем его источник как будто находился сверху:

визг на этот раз родился где-то в районе Большой Медведицы, но, набирая силу и переходя в торжествующий рев, заполнил собой все пространство так, что лопались барабанные перепонки. Такую плотность звука дают огромные концертные колонки, когда приблизишься к ним вплотную, но даже на концерте с закрытыми глазами обычно можно без труда определить, откуда качает музыка. Здесь же кричал, ревел и завывал каждый атом пространства, каждая купина аира, каждый миллиметр мха, каждая капля болотной воды. Приятели присели и подняли головы, лихорадочно высматривая среди звезд источник угрозы, представляя себе исполинскую крылатую тень, какого-нибудь доисторического монстра, поднятого из спячки их неосторожным поведением. Но звезды были беспечны и равнодушны. Где-то ползла к горизонту по эллипсоиду уютная точка спутника, где-то мелькнула сонная тень птицы, разбуженной острым запахом страха, который источали три человека, решивших по неопытности прогуляться по болоту ночью. Ничего потустороннего, большого и угрожающего.

Всплеск, уже слышанный приятелями, раздался ближе, настолько ближе, что их как будто даже обдало брызгами, и оставаться на месте было выше человеческих сил. Первым побежал Шульга, с неясным вскриком, зажмурившись, – оттого, что помнил какой-то не обмершей частью себя, насколько опасно бежать по болоту. Сделав несколько шагов, он раскрыл глаза и даже замедлился, подсветив пространство впереди фонариком, но услышал сзади звук настигающей его погони и припустил изо всех сил, не разбирая дороги, вырывая жилы на вязнущих в жиже ногах. Погоней, заставлявшей Шульгу рваться вперед, были Серый с Хомяком. То ли из-за шума и плеска, производимого

Шульгой, то ли по какой-то более угрожающей причине, им показалось, что на них сзади, из темноты, бежит что-то огромное. Хомяк семенил последним, скрюченный от страха: его пугала перспектива оказаться по горло в болотной жиже, ступив не туда, – перспектива несколько часов медленно погружаться и захлебываться, представляя ядовитых гадов, ползающих между беспомощных, застывших, всосавшихся в чрево земли ног – как это однажды уже чуть не случилось. С другой стороны его спину леденил страх воображаемого дыхания огромного и неясного хищника, который их преследовал. Во время погони жертвой всегда становится тот, кто бегаёт хуже всех: это правило Хомяк усвоил еще во времена своего бесхитростного воровского детства, с нагоняющими «взрослыми», ментами, старшими гопниками. Он молотил обессилевшими ногами по пластилину, разлитому на земле, и ему казалось, что он, как во сне, совсем не сдвигается с места, словленный, скованный, как мошка в капле смолы.

Рев еще раз прижал их к земле: на этот раз ощущение было, как от проходящего прямо над землей на сверхзвуковой скорости истребителя. Им даже показалось, что поднялся ветер, сдувающий с ног – настолько плотным был звук.

– Ебанах! – вскрикнул Шульга и рванул вперед без разбору, выронив фонарь и не замечая этого. Где-то в этот момент, а может быть, чуть раньше, троица потеряла также рюкзак с остававшейся в нем банкой тушенки, топор, нож, все палки-щупы и большую часть своих сапог. Они не видели и не слышали друг друга, продвигаясь более-менее в одну сторону лишь по тому надсознательному закону, который гонит в одном направлении вспугнутый хищником косяк рыб или заставляет держаться вместе большую стаю птиц.

Шульга, бежавший немного впереди, был сбит с ног вдруг, с налету, без предупреждения. Он перелетел через что-то большое и холодное, перекувырнулся через голову и проехал около метра лицом по смеси воды и болотных трав. Серый и Хомяк, услышавший мертвенный стук упавшего тела, замерли на месте, решив, что преследование вошло в финальную стадию и сейчас начнется рубка с кем-то или чем-то – рубка, которую лучше встретить, сгруппировавшись и пытаясь бить в ответ, закрыть шею и живот руками, не давая жрать себя со спины. Шульга лежал не двигаясь, землетрясение под ногами слегка улеглось, вокруг было тихо.

– Шуля? – позвал Хомяк, заикаясь.

– Я, – отозвался Шульга.

– Что там? – снова спросил Хомяк.

– Не понял. С ног сбило. Сейчас, – он застонал, вставая. – Больно. В две ноги. Руки-ноги на месте. Но ебнуло сильно. Но без переломов. Вроде переломов нет. Только синий весь буду – ебнуло.

– Что там? – спросил Серый угрожающе. – Кто?

– Да я не понял, – Шульга на четвереньках подполз к месту, где был сбит с ног. – Еб твою! Пацаны! Еб твою!

Поскольку его голос скорей отдавал ликованием, чем страхом, Хомяк и Серый сделали несколько неуверенных шагов в полной тьме и нащупали гладкий холодный металл перед собой.

– Машина, пацаны! – вскрикнул Шульга. – Не знаю, как, но к машине вышли!

Троица хлопнула дверями и забралась внутрь: Хомяк с Серым прыгнули на заднее сидение, чтобы уравновесить за-

рывшийся носом корпус. Шульга забрался на водительское место и щелкнул выключателем, салон осветился скудным свечным светом пятиваттной лампочки: до аккумулятора вода не добралась.

– Я об капот ебнулся и улетел, – объяснил Шульга, растирая ногу.

– Я до утра отсюда не пойду, – потрясая кулаком, провозгласил Хомяк.

– Я тоже, – сказал Серый.

Все тревожно всмотрелись в сгустившуюся после включения света в салоне законную тьму.

– Главное, чтоб как в фильме про динозавров не получилось, – Хомяк фильм «Парк Юрского периода» помнил приблизительно и не был уверен в том, что там действительно присутствовал леденящий душу момент извлечения спрятавшихся в автомобиле туристов гигантским ящером. Но приятели поняли, что он имел в виду.

– Да и нечего идти. Погуляли. Рассветет – пойдем, – сказал Серый.

– А что это было? – попытался снизить градус жути придурковатыми предположениями Хомяк. – Медведь, наверное? А, пацаны? Просто тут эхо такое, сильное. А там медведь плескался. Мылся. Или рыбу ловил. А мы драпанули.

– Ага, медведь! – хмыкнул бледный Шульга. – Хомяк, блядь. Небесный Хомяк.

– Что-то ходит. Ходит там! – вдруг взвизгнул Хома. – Шульга! На хер свет! Зачем привлекать?

Шульга выключил свет и троица прилипла к окнам. Машину слегка покачивало при каждом перемещении в салоне – пропитанный влагой торфяник амортизировал, как водный матрас. Во всплесках, доносившихся снаружи, в шорохе, в покачиваниях машины легко было представить враждебные движения. Возможно, впрочем, вокруг машины действительно кто-то или что-то ходило.

– Не видно, – сказал Хомяк. – Что там ходит-не ходит. Не видно. Но свет не надо. Серый, не сопи ты так, – нервно вскрикнул он еще через несколько минут. – Сопишь, как будто там ходит кто-то.

– Что мне, вообще не дышать? – возразил Серый.

– Не дыши. Или ртом дыши. Но чтоб не было хлюпаний этих.

Друзья притихли, но громких посторонних звуков больше слышно не было. Через несколько минут на них спустилась сонноватая одурь, которая часто следует сразу после сильного, до тошноты, испуга.

– Чуть за не хуй делать не полегли, – вздохнул Шульга. – Вот так, живешь-живешь, а потом – хоп. И все. И концы тебе. Зачем жил?

– У меня в доме еврей был, – подхватил его мысль Серый, – он на пианино играл. Бывало, придешь с тренировки, уставший, засыпаешь уже, а он – дрын-дрын сверху! Сука! Ну я как-то с друзьями на лавке выпил – у нас лавка была под домом, мы там на гитаре. Бабы-малолетки, всё в ажуре. Ну, накатил я, а он – дрын-дрын. Спать хочется. Ну, я с квартиры вышел, поднялся, говорю, слышь, ты че играешь? А он такой нормальный, старый уже. Чего его бить? Ну, я поскольку выпил был, думаю, побакланю. Говорю,

слышь, вот ты на пианино можешь. Ты объясни мне, какие кнопки нажимать, а какие не нажимать, чтобы была музыка? Чтобы, как бы ты ни шлепал по кнопкам, чтобы все мелодично, как у Круга, получалось. А он мне: «Не, так нельзя, сольфеджио, хуеджио». Я говорю, стоп, дед, ты мне, кнопки покажи. Какие кнопки жать. Чтобы мелодично. Чтобы то, что наболело или когда баба бросит – чтобы в музыку сразу. Он говорит, учиться надо, десять лет, хуемое. Я говорю, какие, на хуй, десять лет. Ты мне три кнопки покажи, ну или пять. Мне больше не надо. Но чтобы работало, понимаешь? Что ты, как немец, блядь? А сам думаю, – научусь: вот когда хуево будет на душе, когда пизды дадут или когда баба ушла. Или когда как с этой. Из Октябрьского. Ну, вы понимаете. Ну, пианино заберу у него, дома поставлю. И буду эти кнопки жать. Ну, с душой так. С отдачей. И тогда – не так хуево, понимаете? Вроде было хуево, а оно все – в музыку. В звуки. А он, еврей этот, говорит: «Невозможно!» Слышите, пацаны? Не-во-зможно! Либо десять лет учишь, либо иди на хуй. И вот музыка эта, которая когда хуево, – она в тебе и все. В тебе, пацаны. И все! И никому больше не слышна. Такие дела.

Серый глубоко вздохнул, показывая, что весь сказанный фрагмент был о смысле жизни и о чем-то еще, не менее высоким и важным. Не зная, что еще добавить и (одновременно) боясь добавить что-то совершенно не то, не созвучное моменту, – ночи, ощущению только что минувшей гибели, Хомяк и Шуля молчали, молчали – пока все трое не погрузились в усталый, измотанный и глубокий сон. И снилось всем троим, что машина медленно ушла под воду под их весом и вокруг, за стеклами, оказался совсем не страшный, изумрудный мир, в котором плавали подсвеченные неонам медузы, резвились большие оранжевые рыбы и шевелил приветливыми щупальцами осьминог.

Глава 18.

Каждый, кто хотя бы раз засыпал на водительском сиденье автомобиля, с рукояткой переключения передач, вжатой в правую почку, ногами, упирающимися в пассажирскую дверь, затекшей шеей и левым ухом, приобретшим очертания дверной ручки, – знает, как нелегко было Шульге, когда он пришел в себя утром. Икры и лодыжки, отбитые во время вчерашнего рокового удара об автомобиль, были меньше, чем все остальное тело, искалеченное сном в герметичных условиях крохотного салона. Шульга осмотрелся – над болотом висело беспечное солнце, заливавшее мхи и топи бодрым, здоровым, исключаяющим всякую мистику светом. Хомяк и Серый спали, обнявшись и переплетаясь телами на задних сиденьях. Из-за того, что тело Серого было длинней, ему пришлось подобрать ноги и втянуть шею, изобразив некоторую зигзагообразность. Мелкий Хомяк, наложенный на Серого, повторял эти зигзаги. Парочка спала сладко, как прожившие двадцать пять лет в браке супруги.

Шульга открыл дверь и выпал в воду – сразу разогнуться у него не получилось. Полежав так немного, пока не возобновилось кровообращение, он сел на четвереньки, закатал штаны и внимательно осмотрел свои ноги, покрытые импрессионистскими подтеками и пятнами. Гамма колебалась от лимонно-желтого до темно-фиолетового: полотно могло сойти за неизвестный шедевр Ван Гога. Сапог после вчерашних приключений остался лишь один, Шульга со стоном стащил его и, размахнувшись, выкинул. Зашевелились и Серый с Хомяком. Их пробуждение сопровождалось большим количеством стонов, жалоб и слов из разнообразных лексических слоев, от высокопарного до арготического. Внимательно осмотрев приятелей, Шульга выдал:

– Серый, я одно не пойму. Как зверь этот вчерашний башки твоей бритой не испугался? Темно, наверное, было. Увидел бы при свете, что ты сам с собой сделал, – к нам бы не совался. Потому что если человек с собой такое сделать готов, то страшно подумать, что он сделает со всякими там рычащими и визжащими.

Серый широко улыбнулся – ему нравилось, когда люди общались ему о том, что он выглядит страшно. Он выпрямился и поморщился – его тело болело как минимум в семи местах. Чтобы проснуться, Серый дал аппетитную оплеуху Хомяку, которому эта оплеуха помогла выйти из машины, придав нужное поступательное ускорение.

– Эй, ты че, дурак? – пожаловался Хома, щурясь от солнечного света. Низ его тела был покрыт коркой из спекшейся грязи, засохшего торфа, окостеневших травяных сгустков, прилипших корней и бог знает чего еще.

– Гляди, что творится! – Хомяк показал на двух больших черных птиц, кружащих низко-низко над машиной. – Если появились птицы, значит, мы недалеко от земли.

– Дурень, это в море действует, – рассмеялся Шульга. – Тут полно птиц. Это ж болото.

– Какие-то они странные, – нахмурился Серый. – Это сороки, что ли?

– Нет! Вороны, похоже. Сороки длинные такие. С хвостами, как у куриц, – объяснил Шульга. – Действительно, странно. Кружат так.

– Какие-то они слишком большие для ворон, – проявил Хомяк знание ворон.

– Нормально. Кормятся хорошо, вот и большие, – рассуждал Шульга.

Одна из птиц гаркнула и сделала круг шире, забрав крылом в сторону от машины, как будто приглашая идти за собой. Вторая зависла над приятелями, часто взмахивая крыльями. Движения крыльев были не вполне обычными, слишком быстрыми и шумными, хлопающими по воздуху. Эта тоже гаркнула. Первая внезапно спикировала на машину, села, скребя когтями по металлу. Она критично осмотрела троицу, порывисто наклоняя голову в стороны. Затем нагло и зычно гавкнула и волнами поднялась в воздух. Птица пролетела зигзагом, постоянно отворачивая то к приятелям, то в ту сторону, куда отклонилась в первый раз.

– Обычно вороны ровно летают, – неодобрительно выдал Серый, – и стаями. Их когда на деревьях много сидит, насрать на голову могут. А эти какие-то ненормальные.

– Их бы зажарить, – мечтательно произнес Хомяк. Ему снова хотелось есть.

– Сейчас колдуна найдем, он нас жабами угостит, – урезонил его Серый. – Давайте прикинем, идти куда нам.

Приятели забрались на авто и всмотрелись в горизонт. Болото местами перемежалось чахлым кустарником, в стороне блестел голыми стволами и мертвецки раскоряченными ветвями высохший лес, из которого болото высосало все соки. Кое-где были видны страшные черные прорехи непроходимых трясин. Обрезая землю, вдали сверкала большая вода – озеро или затопленные дождями километры мхов. У кустарников, гостеприимно пыхтя дымком, была отчетливо видна небольшая деревянная хатенка, укрытая кроной дерева.

– Бля, не знаю, как такое может быть, – удивленно сказал Шульга. – Дом ближе стоит. Чем в прошлый раз. Ближе, однозначно. Может, машину просто вынесло как-то. Тут же протока рядом. Хотя какая, на хуй, протока. Это ж не катер, по реке плыть. Не понимаю.

– Может, это другой дом, – пожал плечами Серый, – хотя я его на этом месте не помню. Не было его тут.

– Не, нормально пацаны, – все-таки нашел логическое объяснение Шульга. – Мы же на болоте. Тут ориентиров нет. Как в тундре. Что-то дальше кажется, что-то ближе. Это еще Эйнштейн объяснил. В теории относительности. Без ориентиров один хуй. Как-то так.

– Запомнил, Шульга, куда идти? – спросил Серый. – Чтоб не как вчера.

– Сегодня по солнцу пойдем. Видите, нам левее солнца надо.

– Левее-правее. Ты выведи главное, – хмыкнул Хомяк. – Вчера тоже сплошные лево-право были. Перпендикуляры и биссектрисы.

Шульга пристыженно спрыгнул с машины, присел от отдававшей в мышцах боли.

– Колумб тоже не сразу Америку нашел, – защитил он себя. – Сначала Индию открыл и вообще плутал много.

На травках и кустарничках брильянтами поблескивала роса. Попадались украшенные огромными каплями паутины, похожие на ожерелья из драгоценных камней. Идти было куда проще, чем ночью: места казались суше, ноги не вязли, осока и кочки не уходили вниз, даже воды вокруг было куда меньше. Сверху кружили вороны, каркая весело и шало. Время от времени они улетали далеко вперед и принимались кружить друг за другом, как чайники в чашке, в которой только что размешали сахар.

– У меня в детстве рогатка была, – начал мысль Хомяк, мечтательно поглядывая на птиц, но развивать ее не стал, экономил дыхание.

Шли без палок, поэтому прежде, чем ступить, Шульга осторожно ощупывал площадку ступней, пытаясь кожей ощу-

тить, надежна ли она, не уйдет ли под воду. Однако кочки, утопающие в кустиках голубики, стояли твердо, и очень скоро он доверился травам и пошел пружинистой походкой, напевая под нос песню, в которой куплеты из «ДДТ» перемежались припевами из «Мальчишника».

– На тропу вышли, смотри-ты, – проговорил Серый.

– Дымком пахнет, – заметил Хомяк.

Птицы спустились совсем низко и летели прямо над головами приятелей. Хомяк несколько раз пытался схватить одну из них, но та изящно уворачивалась от его растопыренной пятерни. Внезапно Шульга провалился сначала по колено, потом – по ляжки.

– Топнем? – замерли шедшие сзади.

– Топнем-то оно топнем, – с сомнением в голосе сказал Шульга, бесполезно пытаясь найти ногой место повыше, – но дым – вон прямо по курсу. Если в обход заберем – заблудимся, как дед Мазай и зайцы.

Цепляясь за пышные копны аира, страхуя каждый шаг, он двинул вперед. Глубже не становилось, более того – под ногами был не торф, а замокшая трава, которая держала тело на поверхности, не давала уйти вглубь.

– Тут безопасно пока. Вы, главное, шаг в шаг, – говорил Шульга. – А то мало ли. Палок, чтобы вытащить уже нет. И топор – гниль какую срубить – тоже просралаи.

Медленно, по шагу в минуту, они подошли к плотной стене из кустов орешника и молодой лозы. Над кустами вился дым, и слышна была жизнь. Шульга попытался пробиться сквозь кусты, но лишь оцарапался.

– Вот если б не знал, что там живут, если б сам не видел... – сказал он, обходя кустарник по окружности. Стволы лещины в одном месте расступались, пропуская внутрь, бочком,

в полоборота. Пройдя несколько шагов вперед по колену в воде, Шульга вполголоса скомандовал:

– Сюда вроде.

Еще чуть-чуть, и вода стала постепенно отступать, обозначая твердые кочки. Начался берег, встретивший их зарослями огромной, в рост человека, крапивы. Шульга, ойкая, раздвигал ее, злясь на птиц, которые кружили теперь прямо над ним и весело перекаркивались. Было видно, что зрелище ойкающего двуногого доставляло им радость.

Наконец, закончилась и крапива – вся троица вышла на ровную площадку, на которой по-утреннему потрескивал костер. У огня копошился мужчина вполне обыденного вида: одет он был в тельняшку и бахилы, лицо украшали пышные капитанские усы.

– Здравсьте, Петька! Здравсьте, Васька! – улыбнулся он, распрямившись.

– Нас вообще-то Серый зовут, – сказал Серый. – И Шульга, Хомяк.

– А, – посмотрел на них мужчина, – я не вам «здрасьте» говорил. Я им «здрасьте» говорил, – он кивнул на птиц. – Это друзья мои. Петька и Васька.

– Это вы про ворон что ли? – нахмурился Хомяк.

– Сам ты ворона, – усмехнулся мужчина. – Это не вороны, а вороны, – мужчина сделал ударение на первый слог. – Ворона – птица дурная, стадная. А ворон умнее некоторых человеков. Он и говорить может, но не абы с кем.

– А вас Степан зовут? – почтительно обратился к нему Шульга, помня о том, что от расположения колдуна зависит их здоровье, судьба, а также продолжительность жизни.

– А меня Степан зовут, – согласился мужчина.

Шульга всмотрелся в его черты. Росту он был примерно такого же, как и тот Степан, которого они с Хомяком помогали сносить с дороги в деревне Буда. Но все мужчины деревни Буда были примерно одинаковы ростом. Черт лица того, первого, Степана он не запомнил, но капитанских усов у него точно не было.

– Вы – Настенин отец? – широко улыбнулся Шульга. Когда он начинал об этом спрашивать, ему казалось, что он мог бы продолжить этот вопрос какими-то теплыми словами о своих отношениях с девушкой, но, глядя на посуровевшее лицо Степана, осознал, что ничего существенного, например: «А я – ее жених», – произнести не может.

– Как Настенка, кстати? – спросил Степан так, как если бы он говорил про хорошо знакомого ему, но не родственно близкого человека. – Не обижают ее кибальчиши заезжие?

– Да нет, не обижают, – поперхнулся Шульга. Подумав, он уверил себя в том, что их формат отношений с Настенкой не подпадал под категорию «обижать».

– Вот и хорошо, – закрыл Степан интонационно тему с Настенкой. – Коль дошли, садитесь, завтракать будем.

Он снял с металлического листа скворчащие кусочки мяса и протянул приятелям по несколько штук.

– Это жабы? – серьезно спросил Серый.

– Да вы сдурели, что ли? – усмехнулся Степан. – Я не француз. Я жаб не ем. Щука жареная. Утром еще плескалась.

– Свежачок, – похвалил Хомяк.

– А откуда щука? – недоверчиво покрутил головой Серый.

– Я думал – раз болото, значит – жабы.

– Тут озеро, – неохотно объяснил Степан. – К нему, не умея, не выйдешь, даже если сильно болоту понравиться. Но хо-

рошее озеро. Вокруг – сплошные топи, озеро с них воду собирает. Оно как бы по центру – так всегда на больших болотах. А рыба там не пуганная. И дна вообще нет.

– Интересно, – флегматично заметил Хомяк. – Серый, ты, может, свой этот кусок не будешь? Так я бы доел.

– Буду, – отпихнул его Серый.

– А Петька и Васька – с детства мои дружки. Я еще сюда пацаном приходил, они тут жили. На болоте. С тех пор и общаемся. Я как рыбу чищу – им требуху раскладываю. Требуха подгниет, муха на нее сядет – им самый смак. Свежую рыбу вообще не любят. А за требуху они очень радуются. Потом кружат надо мной и крыльями так мах-мах делают. Это у них «спасибо», на птичьем языке. Им лет двести уже. Как минимум. Нормально они вас привели, – Степан улыбнулся воронам, по-хозяйски расхаживающим по поляне. Серый наклонился к приятелям и быстро покрутил пальцем у виска, концентрированно выражая свое мнение о психическом здоровье хозяина поляны. Тот быстро обернулся, успев заметить жест – Серый быстренько сделал вид, что чешет над ухом.

– Хе! – усмехнулся себе в усы Степан и покачал головой.

Шульга раздраженно пихнул Серого: ему казалось, что колдун теперь обидится и выпроводит их ни с чем. Хомяк наклонился к Шульге и свистящим шепотом сказал: «Давай проси, че ты тянешь?» – Шульга поднял руку, показывая, что пока для разговора не время. «Давай, ну», – снова шепнул Хомяк, но Шульга сделал вид, что смотрит в другую сторону.

– Дело у нас к вам есть, – заговорил сам Хомяк.

– Не дело, просьба, – перебил приятеля Шульга. – Просьба одна. Очень надо.

– Про просьбу вашу, ребята, я, положим, знаю, – усмехнулся Степан.

– Откуда? – простодушно вскинул брови Серый.

– Ай, дурни вы, дурни! – улыбнулся в усы хозяин поляны. – Тут так дела не делаются. Сначала посмотреть мне надо. Что это за ребята ко мне такие пришли? Может, плохие? Может, вред от них? Посмотреть. А потом говорить будем. Если будет нам о чем говорить.

– Типа, экзамена, да? – уточнил подчеркнуто серьезно Хомяк. Все мыслимые экзамены в своей жизни он уже провалил.

– Экзамена, – повторил Степан и усмехнулся. – Ну-ну. Остров-то знаете как называется?

– Какой остров? – подался вперед Шульга. Он воспринял вопрос как начало экзамена.

– Да это вот место.

– А это остров? – удивился Серый. – В болоте разве острова бывают?

– А как же, – улыбнулся Степан. – Он продолговатый по форме. Как Мадагаскар, если географию в школе хорошо учили. Вокруг – болота, кое-где – трясины. Видите, там деревья растут? – он показал на виднеющиеся из-за кустов вершины. – Это – буки. Вообще, буков в наших краях нет. Вырубил когда-то подчистую. На растопку, на постройку. А тут есть. Потому что человек досюда не добрался. Вся экосистема сохранилась. Здесь с первобытных времен не менялось. Болото – старое. Ему, может, миллион лет. Тут вокруг – вся Красная книга.

– В этой хижине живете? – вежливо поинтересовался Шульга, кивнув на небольшую деревянную постройку.

– Да, сбил еще, когда в вашем возрасте был. Там буржуйка, кровать. Из-за того, что комната маленькая, зимой тепла хватает.

– Нормально. Я бы тоже, может быть... – Шульга не закончил мысль, так как сам не знал, что он «тоже может быть». Он был уверен в том, что на этой земле, затерянной среди болот, он бы не протянул и недели.

– Тут раньше женщина жила, ведунья. Травы знала. С волками, говорят, дружила. Ее Степанидой звали. Так и прозвали эту сушь – Степанидин остров.

– А откуда вы, допустим, соль берете? Спички? – задал бестактный вопрос Хомяк.

– На рыбу меняю, – объяснил мужчина, – у местных. Их, правда, редко когда увидишь, а сам я с болот не выхожу.

– От ментов ховаетесь? – снизил голос до доверительных интонаций Хомяк. – По «мокрятни»?

Мужчина прилег, откинувшись на локти, и рассмеялся. Смеялся он долго, но не обидно.

– Поплутали малек? – подмигнул он Серому, отсмеявшись.

– Мы еще вечером вчерашним к вам пошли. И там с нами такой инцидент произошел, – ответил тот, – я даже затрудняюсь, как описать.

– Бежали, обоссавшись, – хрипло поддакнул Хомяк.

– Вы не знаете, кстати, – подхватил Шульга, – что тут живет? Большое такое? Воет и рычит. И плюхает.

Мужчина снова рассмеялся и повторил за Шульгой: «Плюхает!» Было видно, что сама идея серьезного ответа на этот вопрос доставляет ему невиданное веселье.

– Да есть тут один, – сказал он сквозь смех и посмотрел почему-то на небо. – Плюхает что надо!

– Ну, это так было... Необычно, – попробовал Шульга дать понять, что пережитый ими опыт имел не вполне комедийные черты. – Чуть не утонули мы. Тут не очень для бега ландшафт приспособлен.

– Это хорошо, ребята, что вы тут ночью поприключались, – непонятно сказал Степан. – Сократили знакомство. Как-никак, теперь с вами объясниться проще будет.

– Не, ну мы бы знали, утром бы пошли, – не согласился с тем, что опыт был хорошим, Серый.

– И думаете, пришли бы сразу? Сюда? На сушь? – хмыкнул Степан. – Это болото. Пока не покружит – не выведет. Оно и меня иногда так водит, что одуреешь. Так это меня! Но вы к этому так относитесь. Вот вы когда в город на машине приезжаете, за рулем, и когда в него же на поезде попадаете, ощущения разные?

– Разные, – согласился Серый. – Когда на машине – бухать нельзя. Ну и магазин, кабак – все рядом.

– И как бы получается, что город на машине и город на поезде – два разных города?

– Как бы так, да, – согласился Серый.

– Вот так и тут. На эту поляну, ребята, только по-плохому попасть можно. По-хорошему не пускает. Ходили бы рядом – не разглядели бы.

– Так это. Про дело, – напомнил Хомяк. Ему не терпелось.

– Про дело мы с вами вечером. А сейчас мне надо кружки на окуня проверить. Ты, – он ткнул пальцем в Шульгу. – Со мной идешь. Грести будешь.

– А можно и мы пойдем? – спросил Хомяк.

– Нельзя, – строго ответил Степан. – На хозяйстве оставляю.

– А чего нам тут делать, в натуре? – расстроился Хомяк.

– Голубики поешьте, – Степан увидел, что лицо Хомяка подернулось смертельной скукой. – Дурень, здесь у голубики завязь формируется, когда багульник цветет. А у багульника пыльца тут веселкой называется. Как ты понимаешь, плохая вещь веселкой называться не будет: пуще спирта забирает. Если голубику с куста берешь, а она вся в голубоватом налете – так и знай, багульник опылил. «Твое здоровье!» – и в рот. Только голова потом болит люто. Так что ешьте ягоды, дети. Только в болото не лезьте, как этих ягодок поедите.

– А, – расцвел Хомяк. Ему понравилось, что мужчина так тонко почувствовал его душевные устремления и тайные чаяния, – это мужской разговор.

Шульгу колдун приобнял за плечо и потянул через поляну, к букам. Пройдя через лиственный лесок, с серебристыми, как в сказках, деревьями, они вышли к другому концу острова. Берег тут был плоским и лысым. Граница топей обозначала себя зарослями камыша и аира. Колдун остановился тут и всмотрелся в горизонт, приставив ладонь к глазам.

– Сапоги-то где потерял? – спросил он.

– Да было дело, – не захотел рассказывать Шульга.

– Снимай носки к черту. Босиком пойдешь.

– А если осокой порежусь? А грязь эта? А вода гнилая?

Степан сделал шаг с берега в трясины, дождался, пока в след набралась черная вода, достал ногу, наклонился и зачерпнул пригоршню.

– Пей.

– Зачем? – удивился Шульга.

– Болота прошли, а болота не поняли. Пей давай.

– Гниль эту болотную? – скривился Шульга.

– Сам зачерпни.

Шульга стал на колени на берегу и набрал в ладони черной, мутной воды из болота.

– Нюхай, – приказал Степан. – Чем пахнет?

Шульга не мог понять характер запаха.

– Говном пахнет? – помог ему колдун.

– Да нет вроде.

– Гноем пахнет? Гнилью? А?

– Нет. Странно. Какой-то медицинский запах. Бинтами. Бинтами пахнет!

– Не бинтами, а йодом, – поправил колдун. Теперь пей.

Шульга, скривившись, с недоверием, выпил.

– Ну как?

– Вода как вода, – сказал он. – Теплая. С сильным... минеральным привкусом.

– В этой воде вся табличка Менделеева. Ей язву желудка за две недели лечат. А ты говоришь, вода гнилая. Обидится на тебя сейчас болото, и не вернемся с озера. Дурни! Какие ж дурни!

– Извините, – мяукнул Шульга.

Озеро находилось не близко. Шли так долго, что Шульга успел призабыть, куда и зачем они идут, а привалов колдун не делал. Перед глазами у Шульги из-за жары и усталости пульсировали красные мухи, но он не жаловался, облизывал горящие губы и время от времени зачерпывал болотной воды – прополоскать рот. Пить ее он не решался. Тропа все время была относительно сухой, – без окон, ям и заток. В одном месте Степан свернул с нее и показал знаками, что нужно следовать за ним, но быть очень осторож-

ным. Метрах в десяти от тропы он стал на четвереньки и начал продвигаться почти ползком, раздвигая траву руками. «Во!» – выдохнул он, показывая из-за трав на разлом в полметра. Разлом был заполнен черной водой и обильно припорошен ряской. Из-за этого он почти не отличался от ландшафта вокруг. Степан достал из кармана массивную гайку в коконе из толстого шнура. «На, размотай», – предложил он Шульге. Шульга опустил гайку в воду в разломе и начал аккуратно стравливать шнур, позволяя металлу тонуть все глубже. В какой-то момент ему показалось, что за гайку сильно дернули там, из разлома, и он вдруг сообразил, что его может туда затянуть какой-нибудь черт или что-то еще, способное выжить на глубине двадцати метров в узком болотном разломе. Он уперся ступнями в кочки, вцепился левой рукой в карликовый кустарник, росший рядом, продолжив правой рукой погружать гайку.

– Там что, две девятиэтажки глубины? – прошипел он.

– Что в озере, что тут, дна вообще нет, – объяснил колдун. – Вместо дна – торфяная взвесь разной плотности. И при этом меняет русло каждую неделю. Однажды чуть не улетел – на пути оказалось. Что такое, хрен его знает. Загадка природы.

Озеро было огорожено плотной стеной из рогоза – густого, в два метра высотой, с торчащими, как петарды, соцветиями. Прорываясь через заросли, Шульга вспомнил экзотичное слово «мачете» и представил себя Арнольдом Шварценеггером в фильме «Хищник», бредущим через влажные джунгли Вьетконга навстречу затаившейся невидимой угрозе – с инфракрасным зрением и бластером на плече. Степан впереди бережно раздвигал исполинские листья, которые схлопывались за ним, как портьеры. Внутри царил полумрак, как в бамбуковой роще или на кукурузном поле. В рот лезла мелкая мошка, обильно расплодившаяся тут.

Рогоз кончился внезапно, без перехода, – до самого горизонта раскинулась водная гладь. Глубина начиналась сразу у берега, который был ненадежен и грозил вот-вот провалиться под ногами. Вблизи вода была черной, с медным отливом, вдали – из-за своих странных отражающих свойств, вбирала больше неба, чем река или обычное озеро, отдавая ультрамарином, лазурью, бирюзой.

– Ох ты! – не выдержал Шульга. Он никогда не видел подобных цветов.

У берега был привязан самодельный челн, выдолбленный из ствола дерева.

– Садись на весла, – просто сказал Степан.

Шульга осторожно перебрался в лодчонку, на миг схватив глазами свое сосредоточенное отражение в воде цвета чифиря. Почему-то ему казалось, что основные разговоры начнутся именно здесь, когда они отойдут от берега, который и не берег вовсе, а утопающая во влажных мхах часть пригодной для ходьбы топи.

Глава 19.

– Ушли? – спросил Хомяк, когда Степан увел Шульгу с поляны.

– Ушли, вроде, – вытянул шею Серый. – А ты че хочешь?

– Сейчас промацаем этого колдунца, – Хомяк, блатновато пританцовывая, направился к хибаре и, под внимательными взглядами двух черных воронов, сидевших на ее крыше, открыл дверь нараспашку. – Слышь, Серый, постой на шухере. Паси. Если завидишь чего, свистни, я срою.

Света внутри не было никакого, Хомяк заприметил стоящую у входа керосиновую лампу, но керосина в ней не было. Пол – земляной. У обложенной большими камнями пе-

чи был виден настил из бревен и досок, на котором топорщился старый матрац с накиданными на него одеялами и одеждой. Быстрыми руками вора Хомяк прошелся по стенам, обнаружил в темноте несколько полок, на которых лежали завернутые в целлофановые пакетики высушенные травы, несколько охотничьих патронов с целыми капсюлями, но без пуль, заткнутые шариками из бумаги.

– Слышь, Серый, он че? Совсем больной? Бумажками пуляе? – показал патроны Хомяк.

– Не, Хома. Там дробь внутри. На место поставь. А то увидит, что мы тут шарыжили, яйца оторвет. Он же колдун.

Так же тут нашлась книжка без обложки и несколько черно-белых фотографий Степана в военной форме с автоматом «Калашникова», под палящим азиатским солнцем.

– Гляди ты. В Афгане был. Потому такой ебнутый, – с уважением произнес Хомяк. Люди, имеющие богатый опыт стрельбы по другим людям, вызывали в нем трепет.

В хате также нашлись банки с лекарствами, имевшими острой и неприятный запах, и несколько газетных скрутков, в которых были неопознаваемые корешки.

– Ни бухла, ни рыжья, – констатировал Хомяк. – И где винтарь – непонятно. Может, под кроватью? Не, и под кроватью нет. Ни волшебной палочки, ни посоха с огненными шарами. Короче, вроде колдун, а живет, как бомж.

– Он потому и колдун, что ни рыжья, ни лэвэ ему не надо, – Серый присел у тлеющего костра.

– Не, ну что это за колдун? – пожал плечами Хомяк. – Вон в Индии недавно один колдун отдуплился. Так у него даже свой вертолет был. Не говоря уже про роллс-ройсы.

– Какая страна, такие колдуны, – хмуро хмыкнул Серый, и было непонятно, про какую страну он говорит: про Индию или про родину. – Айда ягоду жрать!

Некоторое время у приятелей ушло на то, чтобы определить, какая из ягод – красная, синяя продолговатая или синяя круглая – является той самой «голубикой», которую надо есть, чтобы почувствовать опьянение. Красную они собообща идентифицировали как клюкву, а вот насчет двух ягод одинакового цвета вышел спор. В результате, решили, что «голубика» – это та, которая крупней и чуть вытянутая, потому что на ней действительно встречался белесый налет, который легко смазывался пальцами. Сначала приятели искали кайфа, аккуратно снимая по ягодке с куста. Затем принялись вырывать кусты пучками, обкусывать ягоды и отшвыривать отработку в сторону, из-за чего поляна покрылась растоптанными, смятыми растениями, вывороченными с корнями. Затем Серый и Хомяк просто подходили к кустику с ягодами и грубо обжимали его руками, превращая ягоды в сплошную черно-синюю массу, которую, размазывая по губам, отправляли в рот.

– Чего-то не забирает, – сказал Хомяк, весь синий от ягодного сока.

– Ну. Не вставляет! – поддержал Серый.

Приятели разлеглись на травке и принялись загорать. Тело Хомяка было костлявым и имело куриный оттенок. Торс Серого, покрытый ножевыми шрамами, играющими под кожей мышцами, напоминал о бультерьерах – из тех, кого проще усыпить, чем обучить гуманизму.приятели были разбужены бодрим криком колдуна:

– Привет, Петька! Привет, Васька!

Вороны снялись с крыши и принялись приветственно кружить над Степаном. Хомяк и Серый, ошалело тряся тяжелыми от дневного сна на солнцепеке головами, встали с мест, обнаружив на сгоревшей коже оранжево-алый оттенок, который свидетельствует о полной готовности раков.

Вслед за колдуном на поляну выплелся Шульга, придавленный к земле тяжелым мешком – он едва шел от усталости и, подойдя к кострищу, без сил упал, широко раскинув ноги.

– Ты чего, Шуля? – настороженно спросил Хомяк и метнул быстрый взгляд на Степана.

– Умаялся я. По озеру километров пять накромяли. А я на веслах был. Глядите! – он выставил вверх малиновые ладони: мозоли, лопнувшие еще в Октябрьском, теперь покрывали кожу сплошной коркой, из-за чего невозможно было сжать пальцы в кулак.

– Молодец, парень, – похвалил его Степан, – не ныл.

Колдун вытряхнул из мешка улов – пуд окуня и щуки. Рыба сонно шевелила хвостами, да время от времени какая-нибудь одна высоко подпрыгивала из общей кучи, как будто стараясь стать птицей и улететь.

– Берем, чистим, потрошим, моем, обрезаем головы. Здесь не свинячить, сойдите к кустам, – скомандовал он Хомяку и Серому, протягивая им ножи. – Половину – в котелок, половину – на жарку. Шагом марш!

В происходящем дальше больше всего поражала обыденность и пикниковость. Нельзя сказать, что троица ожидала, что Степан обрядится в медвежью шкуру и устроит шаманские танцы с бубном у костра. Но вообразить, что весь метафизический опыт сведется к разделке скользкой, пахнущей тиной рыбы и обыденному обсуждению, нужно ли притушивать полено в ухе, когда готовишь ее на костре, никто из них не мог. Хомяк настаивал на том, что полено нужно, ведь оно сообщает ухе привкус дымка. Степан, слушавший их дискуссию расхаживая по поляне, с этим категорически не соглашался. По его мнению, у приготовленной на углях ухи и так уже есть привкус дымка. Стало вечереть, продрог-

ший Шульга подтянулся к приятелям и примостился рядом с ними. Хомяк надрезал себе ножом палец и попытался на этом основании передать свой нож и свои обязанности Шульге, но Степан на него прикрикнул: тебе дали, ты и режь. А что порезался – так в следующий раз аккуратней будешь.

– Как там прошло? – спросил Серый у Шульги шепотом. – Чего делали?

– Рыбу ловили, – равнодушно ответил Шульга. – Там по всему озеру кружки с живцом были расставлены. Щука за кружок дергает, его переворачивает. Вот, надо было подплыть, щуку снять. А озеро – без дна, он так сказал. А я вам скажу, что оно как будто и без берегов. Края не видно. А кружков двадцать пять. А щука когда живца хватает – тянет хер знает куда.

– Ну? – переспросил Серый.

– Ну, пока все двадцать пять не подняли – наяривали. То есть, я наяривал. Думал, сдохну.

– Так а по делу? – подключился Хомяк.

– Мы говорили, – ответил Шульга.

– Ну и? – не терпелось Хомяку.

– Ну и все.

– И что, не расскажешь? – спросил Серый. – Он запретил?

– Да нет, пацаны. Мы поговорили. За жизнь. Все.

– Вот глядите! – к тройце, громко чвакая бахилами, приблизился Степан. Было непонятно, слышал ли он их беседу и хотел ее прервать или не слышал и ему просто не понравилось, что приятели шепчутся. В руках колдун держал растение, напоминавшее крохотную зеленую змейку. – Знаете, что это такое? Это – сфагнум, ребята. Сфагнум – душа болота. Вы не смотрите, что он на пырей похож, это – не

травы вовсе. Это – мох. Здесь из него все состоит, поглядите под ноги – кочки, торф под ногами – все сфагнум. Кочка – живой сфагнум, торф – перегнивший. Водичка эта черная – тоже сфагнум в разной стадии разложения. Сфагнум при фотосинтезе вырабатывает на пятьдесят процентов больше кислорода, чем остальная зелень. Оттого болото – легкие природы. Ну а кислород – вы знаете, как действует. Чувство эйфории и так далее.

– Ягодки не подействовали, кстати, – прищурился Хомяк. Он был очень недоволен тем, что и палец порезал, и рыбу чистить оставили.

– Партизаны, ребята! – Степан вскинул палец вверх. – Партизаны сфагнум сухой использовали в качестве бинтов и ваты. А люди местные когда дома строят, сфагнум между бревен кладут, чтоб тепло было. А еще он горит хорошо. Сфагнум – лекарство, сфагнум – воздух, сфагнум – огонь, сфагнум – земля под ногами.

– Вся страна – большое болото, – глубокомысленно заключил Серый, которому тоже хотелось поучаствовать в разговоре.

Степан хмыкнул и занялся костром. В наступающих сумерках, в которых сложно было различить сапог на собственной ноге, он легко нашел несколько сухих деревьев, притащил их, подметая древесными шевелюрами поляну, порубил на дрова. Затем чиркнул спичкой, сказал какое-то слово, и костер вспыхнул ярко и ровно, уводя дым вертикально вверх.

Следующие два часа были посвящены исключительно выяснению того, какой кусок переворачивать, кто получает шучью спинку, а кто хвост и почему (Хомяк громко возмущался: его не устраивали ни спинки, ни хвосты, ни брюшки; ему казалось, что соседу налили уши больше).

– Был я в этом вашем городе, – сказал Степан в тот душевный момент, когда первый голод уже отступил, едоки начали выбирать куски получше, а прием пищи превратился в трапезу. – Вы ж там заколдованные все. Вы вообще по сторонам смотрели? Как вы живете там? Едут в трамвае, кто в телефон уперся глазами, кто в книжку. Спросишь что-нибудь, – отвечает, а глаза в телефон смотрят. Интернет у него там или еще что. Выходит из трамвая, идет в метро, а сам – в телефоне. Садится в метро – в телефон. И вот едет целый вагон, и ни одного человека. Все – телефоны. Я не знаю, кто вас там заколдовал, но эффект мощный. И долгий. У нас тут, на болотах, это липкой называется. Я вот могу липку сделать так, что вы будете себе на ладонь смотреть и оторваться не сможете. Это простая штука, не опасная. Ну и бесполезная, в общем. Для кур.

И, сразу, без всякого перехода.

– Вижу, ребята, что беда у вас случилась. Попробую помочь. Сейчас чаю сделаем и пойдете. Только попытка у вас одна будет. Он только один раз пускает.

Степан взял обычное эмалированное ведро, зачерпнул в него болотной воды, добавил корешков, которые выдернул прямо у себя из-под ног, зашел в дом, шурушал там пакетиками, принес несколько пригоршней сухих листьев и стеблей, тщательно растер их руками и бросил в воду.

– Что это за травы? – спросил Шульга.

Степан усмехнулся:

– Чаек просто болотный. Тонизирует и бодрит. Вам бодрость очень пригодится. Сейчас пойдете.

– Куда пойдём? – вполголоса расспрашивали у Шульги Серый и Хомяк, но тот пожимал плечами: «Чуваки, я знаю столько ж, как вы».

– Куда пойдём? – спросил осмелевший Хомяк у Степана.

– Ну, во-первых, не «куда», а «когда», – ответил он, улыбаясь у усы. – А во-вторых, я же ответил. Сейчас. Только чайку попьете.

Колдун мешал варево в ведре палкой с таким важным видом, как будто крутил штурвал на собственной яхте. Жидкость имела насыщенный черный цвет и пахла аптечной смесью «пастушья сумка», которую приятели, когда были моложе и глупей (чем сейчас), купили, чтобы покурить, думая, что это даст интересный эффект.

– Я, ребята, могу немного, – приговаривал колдун. – Но чем могу – помогу. Учтите только, работает один раз. Не получится у вас – все! Больше он не пустит. Ну а я? А что я? Я вроде как проводник. Я двери вам открываю. А идете вы сами. И зависит все исключи-тель-но от вас. По вам дело – получится. Не по вам – нет.

– Так вы бы рассказали, Степан, что нам делать предстоит? – подчеркнуто вежливо попросил Шульга.

– Все, что мог – сказал. Чайку вот вам делаю. А остальное – от вас.

Степан принес три металлические кружки и разлил чай в них. Жмых из отдавших свой вкус трав он отжал руками и бросил в костер – тот недовольно зашипел и приуял, однако быстро занялся с новой силой. Ручки кружек сразу же приобрели обжигающую температуру только что вскипевшей жидкости. Держать чашки в руках можно было только обернув тряпицей.

– Чай черный, байховый, – шутливо представил напиток Степан.

– Как-то ссыкотно пить, – покрутил головой по сторонам, ища поддержки друзей, Хомяк.

– Пей, дуреха! – усмехнулся Степан.

– Это из-за болотной воды он такой черный? – поинтересовался Шульга. Он сделал слишком большой глоток, который разом опалил губы, язык и внутреннюю поверхность щек. Выступили слезы. Еще он заметил, что Степан «тонирующий чай» не пьет. Шульге тоже стало беспокойно, как и Хомяку.

– Из-за водицы, из-за трав. Он ночью черный. А днем – темно-зеленый с ультрамариновым проблеском. Днем его можно просто так пить. Без эффекта, – улыбнулся колдун.

Серый выдул свою порцию четырьмя большими глотками, как стакан с водкой. Возможно, раскаленная жидкость обожгла его пищевод и вскипятила желудочный сок, но он не подал виду, лишь громко и со вкусом отрыгнул. Таков был Серый, и именно за это его любили товарищи. Увидев, что болотный чай не превратил Серого ни в лягушку, ни в прусака, Шульга и Хомяк, отдуваясь и пыхтя, прикончили свои порции. Зелье оказалось горьковатым на вкус – но горечь была не более насыщенная, чем у крепко заваренного кофе. Кроме того, после проглатывания «напиток бодрости» оставлял ярко выраженную сладкую отдушку, как у китайских ферментированных чаев.

– В пот бросило, – тщательно прислушивался к своим ощущениям Шульга.

– Конечно, кипятку насосался, а ночь, между прочим, не холодная, – успокоил его Степан.

– Пацаны, зырьте! – показал Хомяк на костер.

Троица повернулась к огню, обнаружив, что тот как будто приобрел еще одно измерение. Костер выглядел, как огромный муравейник: между языков пламени, красивых, как морской закат, изображенный пронзительно талантливым

живописцем, метались сотни живых искорок, причем на каждую из них в отдельности можно было смотреть часами, а их были сотни. Так, плавая вокруг кораллового рифа, ты обнаруживаешь яркую и необычную рыбу-попугая, и тебе кажется, что ничего диковинней во время погружения ты уже не увидишь, и вот поворачиваешь голову и видишь вдруг рядом переливающееся всеми цветами радуги целое стадо таких рыб: они искрятся чешуей на солнце и движутся вперед, пульсируя, закручиваясь спиралью, как ДНК.

Внизу, под волшебным танцем искр, тлели угли – пульсируя, как новогодняя гирлянда.

– Вот это волочет! – радостно присвистнул Серый.

Его голос прозвучал в многократно раздавшемся пространстве леса, который наполнился вдруг тысячей других звуков. Он прозвучал и на секунду приковал к себе внимание, но лишь на секунду – потому что вокруг были еще звезды, очертания ночного леса, Степан в тельняшке, действительно очень похожий на капитана корабля, миляга-Степан, Степан-спаситель, были поляна, был этот дом без окон, словом, как странно было фиксироваться на голосе Серого, и он как будто сказал что-то, только что, да, он сказал: «Вот это волочет!». Волочет-сволочет, сволочет – это такой звездочет, который считает сволочей...

– Ну, я вижу, вы взбодрились, ребята, – улыбнулся Степан, сверкнув золотым зубом – он был не замечен при свете дня и, возможно, это был не золотой зуб, а отблеск, оранжевый отблеск костра, или черт его знает, надо завтра обратить внимание. – Давайте, сконцентрируйтесь немного... – и что-то еще говорил этот человек, а тем временем с болот подуло теплым ветерком, и этот ветерок был таким дружелюбным, таким гурзуфным, таким – как будто смотришь

с гор на море, на Черное море, на море, черное, как этот чай, – ... выходить уже. Идти надо, говорю. Вы слышите, эй? – это снова дядя в тельняшке, человек, знакомый как будто уже сотню лет.

– Говорю. Идти надо! – Степан щелкнул пальцами, на секунду приковав внимание троицы и отбросив все другие, отвлекавшие их звуки и виды. – Идти! Сейчас полетит!

В этот момент откуда-то сзади, из-за спины, донесся уже знакомый приятелям по событиям прошлой ночи громкий «бултых». Всплеск как будто шел со стороны озера.

– Еб твою! – испугался Серый. – Это что, на хуй, такое?

В ответ издалека, с воды, раздался знакомый бьющий по ушам вой – только теперь он сразу шел с рычащих интонаций, царапающих диафрагму басами.

– Давайте! Сейчас полетит! – колдун руками расталкивал одеревеневших от страха товарищей. – Вам туда! – он показывал каждому индивидуально направление в сторону болота. – Туда вам! Слышите? Далеко не отбегайте! Не отбегай далеко, слышишь? Ты! Слышишь? Ищи вас потом! Не отбегай!

– ... вот мешок вам! – Шульга на секунду отвлекся на отражение костра в воде под ногами, отражение, похожее на калейдоскоп, много-много фрагментиков, ярких, пышных... Он не заметил... Почему и как Степан оказался перед ним, протягивая большой мешок, вроде того, в который они собирали улов днем.

– Мешок, говорю! – кричал Степан в лицо. – Слышишь меня?

Проблема была в том, что Шульга прекрасно слышал Степана. Слышимость была отличной. И видимость была отличной. Ни тумана, ни снега, ни гроз. Проблема как раз заключалась в том, что слышимость и видимость были че-

ресчур отличными. Слышно и видно было больше, чем нужно, при всем том, что ничего такого сверхъестественного – просто как хотя бы на секундочку не посмотреть на четырехмерный костер? Степан что-то говорит, а за ним – костер. Такой красивый. И ветерок этот. Гурзуфный. И сволочет-то как, боже! И, в общем, в сухом остатке, мы имеем то, что просто не до Степана. То есть, тот что-то говорит, и это как бы важно, но очень сложно отделить Степана от не-Степана, от костра, от ветерка, от, так что там:

– ... складывать будете сюда! Он когда летит, роняет много! Слышишь?

– Серый! Хомяк! – Шульга решил разделить свою ответственность за возможно неверное понимание Степана с приятелями. – Складывать будем сюда! – он потряс в воздухе мешком. Этот жест его очень сильно рассмешил – не в последнюю очередь из-за того, как безвольно, беспомощно, моталась холстина в воздухе.

– Тьфу, пельмень! – сплюнул Степан. – Ты все понял, что я сказал? Собирайте все! Вообще! Другой возможности не будет! Роняет он много! Давай! Побежали!

Степан как-то так хлопнул Шульгу по спине, что тот дернул с места изо всех сил, засмеявшись снова. Серый и Хомяк, ухая, побежали за ним.

– Стойте, пацаны, – Шульга остановился, пробежав, как ему казалось, всего несколько метров. – Стойте! Мы на болотах. Бегать тут нельзя. Утопнем.

– Утопнем, – согласился Серый.

Хомяк стоял ритмично покачиваясь, как будто слушал ритм -энд-басс. «Утопнем! Утопнем! Утопнем!» – повторял он вполголоса, выбрасывая вперед пятерню. Сверху приятелей вдруг обдало волной воздуха, и они разом присели,

всматриваясь, как и вчера, в ночное небо. Но небо безмятежно мерцало звездами, как углями большого костра.

– А где остров? Где колдун? – спросил Хомяк.

Вокруг млело ночное болото. Не было даже отсвета костра. Ощущение было такое, что они в десяти километрах от острова. Похоже, бежала троица куда дольше, чем это казалось Хомяку. Превратившееся вдруг в решето память с готовностью подсовывала сумрачное воспоминание о недавней пляске на кочках. Пляске, в которой зашлись все трое, взявшись за руки – воспоминание имело призрачный характер предутреннего сна.

– Отпускает, вроде, – сказал Серый. Звуков вокруг стало меньше, хотя, возможно, приятели просто научились ориентироваться в этом новом для себя состоянии. – Мы танцевали? Или я придумал?

Вдруг над головой расчертила ночное небо падающая звезда. Приятели онемели от красоты увиденного – звезда вдруг замедлилась и полетела величественно, как ползущий по небосводу самолет. Она даже не думала исчезать, выгорая у земли. Напротив, она набирала яркость и явственно зашипела, приближаясь к болотам. Наконец, яркая точка плюхнула в воду совсем недалеко от троицы.

– Ни хуя себе, – спокойно сказал Серый.

– Роняет, – вспомнил слово Степана Шульга. – Бежим, пацаны! Надо подобрать! Роняет!

– Кто роняет? – переспросил Хомяк на бегу.

– Он, – вспомнил Шульга местоимение, которое называл колдун. И добавил – с многозначительной интонацией Степана. – ОН!

Они припустили по болотам, не представляя, как отыщут в абсолютной темноте, без ориентиров, упавшую в кочки

и мхи звезду, тщась вообразить, как выглядит звезда, сорвавшаяся с неба. Найти звезду оказалось легко: она все еще хранила оранжевый отсвет, мерцая в неглубокой болотной воде. Серый подбежал первым и бережно поднял ее.

– Теплая! Еще теплая! – крикнул он приятелям.

– Покаж! – тянул руки Хомяк.

– Охуеть, пацаны! – зачарованно выдохнул Серый. Звезда оказалась большой, сантиметров в десять, монетой с изображением мечника верхом на коне. Монета была толстой и неровной: корявой чеканки надпись на латинице намекала на изрядный возраст найденного экспоната.

– Рыжье! – радостно вскрикнул Хомяк.

– Роняет! Носит золото и роняет! Носит золото по ночам и роняет! – вспомнил Шульга какие-то обрывки легенд, услышанных в детстве. – Живет в озере в болотах на краю земли!

– Тут же грамм пятнадцать золота! – восхищенно сказал Серый.

– Давай в мешок, – протянул Шульга холстину. Серый, подумав, кинул монету туда.

– Гляди! – выдохнул Хомяк полуобморочно. Небо расцвело медленно падающими звездами. Это было похоже на исплинский фейерверк, распадающийся, отцветающий, стремящийся к земле. Звезды были повсюду, паря, снижаясь по спокойным глиссадам, издавая тихий шелест или приглушенное шипение. Вся звездная карта пришла в движение: они опадали целыми созвездиями. Несколько монет плюхнулись прямо у ног товарищей, другие плавно опустились в болото подальше, сохраняя янтарный, красноватый, голубоватый полублеск, и нужно было только успеть поднять их, пока не погасли, пока не остыли в коричневатой болотной воде.

– Иероглифь какая-то! – показал Серый подобранный прямо у ног кругляш червонного золота, щедро покрытый арабской вязью.

– А у меня русская. С царем бородатым! – похвастался Хомяк найденной монеткой.

– Со всего мира! – непонятно даже для себя сказал Шульга.

– Вот там подними! – скомандовал ему Серый, показав на точку, тлевшую ближе к Шульге. – Подними, пока не загасла!

Шульга похлопал по затопленным мхам к медленно умирающей звезде. Подобрал, ощутив приятный вес, необычно тяжелый для такого небольшого предмета. Монета имела температуру чашки с чаем, стоявшей на столе полчаса. Золото светилось как будто изнутри, подчеркивая рисунок копыеносца на аверсе. Подбежал Хомяк:

– Прими! – выкрикнул он. Его ладони были полны упавших звезд. – Не тупи! Быстрее! А то стухнут! – подбодрил он Шульгу.

Сверху вновь все начало расцветать с яркостью северного сияния. Звезды, падая, оставляли за собой искристые следы: на этот раз осыпалось не все небо, но одна широкая полоса, от горизонта до горизонта, как будто кто-то мазнул волшебной палочкой.

– Вишь, как пролетел! – ткнул Серый. – Оттуда – туда!

Он подбежал к Шульге с полной майкой улова: золото тлело сквозь ткань, создавая приятный, ровный свет, похожий на блеск ночника. Лицо Серого выглядело в этом свете, как лик на иконе. Болото вокруг украсилось мерцающими в воде точками. Уже сложно было понять, где звездное небо, а где земля с упавшими на нее звездами: места ми приходилось стать на четвереньки, чтобы подобрать

нападавшие обильно монеты. Их было много, как опять в сентябре, но и меркли они довольно споро.

– Пропадают! – в отчаянии кричал Хомяк. Он достал из кармана спички и чиркал ими, раздраженно кидая в воду всякий раз, когда догорало до пальцев. – Вот тут была! Я видел! Где-то тут! Пацаны, они под землю уходят, как потухнут! Так что быстрее! Быстрее пацаны!

С неба вновь полетели медленные, задумчивые звезды.

– Нормально уже набрали! – Шульга едва поднял мешок, в котором позвякивал улов. – Уже может хватит, пацаны!

Звезды мерцали в болотной воде так, будто кто-то украсил пространство тысячами свечек. Каждый из огоньков был своего оттенка, и смотреть на это можно было очень долго.

– Красотища, – не выдержал Шульга, шаря руками по мхам и обильно подхватывая пальцами драгоценные кругляши. Это было похоже на сбор черники или клюквы.

Где-то далеко как будто стометровая щука ударила хвостом по воде: всплеск донесся секунд через десять после того, как торфяник под ногами вздрогнул и пошел волнами.

– Закончилась лафа! – прокомментировал Хомяк.

– Спатки они пошли, – согласился Шульга, – и ронять больше не будут.

Прятели без особенного энтузиазма, скорей из гигиенических побуждений, подобрали еще несколько монет, мревших поблизости.

– Много набрали? – спросил Хомяк.

– На, сам взвесь, – предложил Шульга.

Хомяк попытался поднять мешок одной рукой, взялся двумя, поднатужился, забросил на спину.

– Да тут же килограмм сорок рыжья! – крикнул он. – А может и шестьдесят! Пацаны, мы в натуре богаты! С Пиджаком всухую разойдемся! И еще свою фабрику откроем! По производству надувных баб!

– А как теперь к деду выйти? – спросил Серый.

– Хуй его знает, – честно ответил Шульга. – Но плескало в той стороне, хибара по пути к озеру. Значит, нам примерно туда, – Шульга махнул рукой на север. Уверенности в том, что озеро именно там, где плескало, равно как уверенности в том, что хибара – на пути к озеру, а также в том, что плескало именно там, где он показал, у него не было. Вместе с тем за предыдущую ночь он убедился, что на болоте самое главное – куда-то идти. По возможности – не паникуя.

Мешок взвалили на Серого, сообщая решив, что тот – самый спортивный. Продвигались вперед медленно: сообразили, что хуже всего будет утопить золото в случайно прыгнувшей под ноги трясине. Впереди шел Шульга, прошупывавший кочки ногами, за ним – Хомяк, дававший Шульге советы, куда идти, последним тянулся мехоносец. Места, по которым им случилось идти, были относительно сухие – теплая вода доходила до щиколотки, иногда особенно низкая кочка уходила под ногой до колена.

– Слышь, Шульга? – спросил Серый минут через сорок. – Мы не заблудились? Пакетик-то не сильно легкий!

– Нормальняк, братва! – бодро отрапортовал Шульга. – Я перед тем, как мы стронулись, азимут засекаю. Идем мы строго на север. Возвращаться, если что, – ровно от Полярной звезды, которая в Большой Медведице.

– Слышь, Шульга, – поинтересовался Хомяк, – а с каких регионов нам возвращаться, откуда мы пошли? Там же нет ничего!

– Да, действительно, – подумав, согласился Шульга. – Азимут раньше нужно было засекаать. От хибары. Но нам тогда не до азимутов было. Еб твою! – он споткнулся и упал на ладони.

– Что такое? – обеспокоенно спросил Серый.

– Тут что-то под ноги... Глянь, пацаны! Рюкзак нашелся! – он, покопавшись, предъявил друзьям уцелевшую банку тушенки и консервный нож. – Фонаря, жаль, нет. И мокрый весь! И на хуй нам тушенка, когда в лагере уха! – он сунул банку обратно в брезент, раскрутил рюкзак над головой и зашвырнул его в темноту.

– Ну и что ты сейчас сделал, Шуля? – обиженно отозвался Серый. – Мог бы у меня часть монет ссыпать. Я дохну тут, как ишак в Сибири. А в рюкзаке и удобней было бы волочь.

– Хорошая мысль приходит опосля! – беспечно отозвался Шульга. – Неси, Серый, не хнычь. Если тяжело станет, на Хомяка мешок определим.

– Не, ну ты, Шульга, тупой! – приговорил его Хомяк. – Мысли у тебя иногда в голове бывают, но в целом ты тупой!

– Смотрите! Вышли! – Шульга остановился и указал на огонь от костра, мерцающий сквозь кусты недалеко от них.

Прятели ускорились.

– Серый, держи мешок крепче! Чтоб на последних метрах чего не произошло! – скомандовал Шульга.

– У тебя сейчас, Шуля, кличка будет «Рюкзак»! Не «Шульга», а «Рюкзак»! А как завтра рыжье в село волочь? Ты подумал? – продолжал злиться на него Серый. – Олигофрен, блядь!

– Нормально, пацаны! Вы б радовались, – отмахивался Шульга, который вину чувствовал, но старался на ней не кон-

центрироваться. – Клад нашли, как Индиана Джонс – Трою! Потом еще в учебниках о нас напишут, вот увидите! Стоп, блядь! Стоп! – его нога вместо кочки ушла в жижу. – Стоп! Тут у нас попадос!

Шульга стал на четвереньки и пошел вперед полуползком. – Серый, иди за мной. Ни шагу по сторонам! Тут попадос! Что-то типа реки. Или разлом тот!

Они начали обходить поляну по кругу с очень большим радиусом. Топь, отделявшая их от костра, не отступала. Шульга вооружился спичками и время от времени зажигал одну, чтобы убедиться, что смертельная преграда ему не мнится. В неровном свете на несколько секунд проступала черная водная гладь, прикрывавшая липкую жижу, либо матовая поверхность влажного торфа, похожего на высушенную лужу. В одном месте ему показалось, что она пригодна для ходьбы: он ступил на нее и она выдержала осторожный шаг, он ступил второй ногой и провалился сразу по грудь. Его бы затянуло за минуту, если бы Хомяк и Серый сообща не вытянули его за руки.

– Да что ж такое? – сказал Шульга, когда костер полностью скрылся из виду.

Они обходили остров с другой стороны. Топь была по-прежнему рядом.

– Крапиву помню! – возмущался Шульга. – Кусты помню! Но топь не помню! Заколдовано тут!

В одном месте им удалось подобраться совсем близко к деревьям острова, служившим неплохим ориентиром. От камышей и кустов, обещавших спасение, их отделяло около десяти метров болезненно блестящей в свете спички воды. Шульга аккуратно свесил ноги в теплую протоку и прокомментировал:

– Глубина тут изрядная. Но грязи нет. Чистая вода. Я попробую пробить. Если что, ловите!

Он соскользнул в воду:

– Не, идти не выйдет! С головой! А может и глубже! Но плыть можно! – Шульга сделал несколько сильных гребков кролем и уцепился за кусты на противоположном берегу. – Тут, у орешника, уже неглубоко! По гудак! Так что вариант!

– А что с мешком? Подумал? – возразил Серый. – Сами-то мы проплывем. А вот золото утопим на хуй.

– Да! Никак! – согласился Шульга. – Дальше пойдем! Как-то ж мы с острова вышли!

Шелестели листвою стоящие совсем рядом буки, и это был звук, непривычный для болота. Закрыв глаза, можно было вообразить себя в лиственном лесу – высоком, сухом, торжественном. Под этот уютный шелест троица двинулась вперед: метров через пятьдесят затока обмелела, схлопнулась до трех метров, но превратилась в непроходимую гнилую топь: по ней можно было плыть лишь в одном направлении – вниз, на дно. Спички кончились, и теперь Шульга проверял выход к острову исключительно на ощупь: ступнями, руками, своим весом, пытаясь прорываться наудачу, но всякий раз проваливаясь. Из-за своих экспериментов он обильно покрылся грязью и, поблескивая белками в темноте, напоминал гоголевского черта. Через несколько сотен метров товарищи обнаружили себя ровно в том месте, с которого начали свой тур вокруг острова: поворот хижины, угол, под которым ее скрывали кусты, были идентичными. Не делась никуда и трясина, отделявшая их от поляны.

– Как так может быть? – бормотал себе под нос Шульга. – Я не понимаю, как так может быть? Утром на остров при-

шли. Через кусты и крапиву. Вечером с острова вышли. Без дельфинов, ласт и аквалангов. По сухому. А тут река Волга какая-то придумалась.

– Не пускает, – вдруг мрачно сказал Серый и скинул с себя мешок. Поверхность под мешком вздрогнула и заколебалась, рождая ощутимые волны.

– Что значит? – поинтересовался Хомяк.

– Не пускает, – повторил Серый.

– Да кто не пускает? – возразил Хомяк. – Просто проводник у нас олигофрен. Фонарь потерял, рюкзак выкинул. Тропы не может найти. Везде топь ему.

– Не пускает, – угрюмо твердил Серый. – Он, которого золото, – не пускает. Он тут реку сделал.

Шульга молчал. Он скорей соглашался с Серым, чем не соглашался с ним.

– И что мутить будем? – поинтересовался Хомяк.

– Я, пацаны, предлагать боюсь, – объяснил Шульга. – Я, заметьте, вас на болото привел, с колдуном потер, клад нашли. А вы мне – олигофрен. Вот сами и предлагайте. Чтоб я потом крайним не оказался.

– Может, в деревню двинем? – спросил Хомяк.

– О, во, давай, двигай! – весело поддержал его Шульга. Эта идея показалась ему более очевидно олигофренической, чем все его идеи вместе взятые.

– Он и домой не пустит, – почесал себе лоб Серый. – Я так думаю. Берем мешок. Идем к переправе. Оставляем рыжье на переправе. Сами переплываем. Утром берем колдуна и идем за мешком. Если еще какая шняга случится, он «рэкспэксфэкс» скажет и все разрулится.

– А не стремно рыжуху без присмотра? – выразил сомнения Хомяк.

– А что с ней станет? – пожал плечами Серый. – Медведь-папа упрет? Медведю-сыну игрушечный автомат купить?

– Логично, – согласился Хомяк.

Обратно пошли быстро: стопы Шульги еще помнили тропу. Однако с ощущением расстояния что-то стало: угадывающиеся в темноте буки как будто прилипли к горизонту и не приближались. Время, измерявшееся у них пройденными метрами, как будто тоже замерло, вместе с пространством, которое отказывалось покоряться. Самым же неприятным было то, что после предположения Серого о том, что их «не пускают», ощущение щемящего одиночества, преследовавшее их все время, пока они топали по кочкам, сменилось ощущением некоего внимательного и недоброжелательного присутствия. Это было похоже на взросление, на тот его момент, когда вдруг обнаруживаешь, что все окружающие тебя люди перестают слюняво улыбаться и протягивать тебе конфетку, встречая тебя вместо этого колючими взглядами и подозревая, что ты разобьешь окно мячом. Разговаривать не хотелось, так как «он», который «не пускает», мог слышать любые их дурачества, подтрунивания и старые анекдоты. Кроме того, ночь вступила в ту изнуряющую свою пору, когда физически, болезненно тянуло спать. Хомяк вдруг сбился с ритма ходьбы и остановился, как будто хотел справить малую нужду. Серый, ступив шаг в сторону, обошел его, нагоняя Шульгу. Шульга почувствовал, что шаги Хомяка выпали из концерта чавканий и перестуков, которыми сопровождалось их продвижение, но поначалу не придавал этому значения: он был уставшим, растерянным и одиноким. Он был обижен на болото и раздражен тем, что то не дает им добраться до ночлега. Однако, пройдя вперед и все еще не слыша нагоняющих шагов Хомяка, он резко остановился.

– Хома? – спросил он вполголоса.

Ответом была тишина.

– Хома! – крикнул он громче.

– Я, – вторил вялый вскрик Хомяка.

– Случилось что? – поинтересовался Шульга.

Хомяк не отвечал. Шульга постоял некоторое время, затем, вполголоса ругнувшись, пошел в том направлении, откуда мямлил Хомяк. Серый, подумав, тяжело почавкал в ту же сторону, ругнувшись отнюдь не вполголоса. Приятели застали Хомяка неподвижно стоящим чуть в стороне от тропы.

– Хома. Че ты? – спросил раздраженно Серый. – Заблукать решил? Утопиться?

Хомяк молчал. Шульга и Серый приблизились к нему вплотную и посмотрели в ту сторону, куда была повернута голова Хомяка.

– Еб твою, – не выдержал Шульга.

Прямо под ногами Хомяка начиналась водная гладь, нечто вроде неожиданного речного плеса, вынырнувшего из топей или болотного озера, только начавшего зарастать и превращаться в окно. Диаметр водной глади был небольшим, скорей это напоминало дождевую, в пять шагов, лужу. Вода светилась изнутри – примерно тем же оттенком, который сообщали болотам упавшие звезды. Однако там, на глубине, которую невозможно было определить, мерцали не золотые монеты. Там жил ночной жизнью уютный городок. Была явно видна дорога, начинавшаяся у ступней Хомяка и тянувшаяся вдаль, мимо игрушечного костела и домиков с черепичными крышами. По дороге ползли автомобили, расчерчивающие пространство перед собой снопами света. Казалось, в автомобилях едут совершенно счастливые люди, умеющие ценить блеск звезд над головой и ра-

доваться тому простому факту, что сейчас – ночь или день, или вечер, или утро. В домиках горели окна, в распахнутых настежь мансардах ветер шевелил занавески. Заборы домиков были украшены желтыми фонариками, дорожки, проложенные в подстриженных газонах, подсвечивались спрятанными в траве лампадами. По тротуарам брели редкие прохожие: мужчины были одеты в летние костюмы, женщины – в платья и кокетливые шляпки: было видно, что проходим некуда спешить, рабочий день закончился и впереди – теплый летний вечер, из тех, что по каким-то причинам застревает в памяти на всю жизнь и вспоминается с чувством острой ностальгии в моменты, когда человеку грустно. Кажется, из-под водной глади была слышна приглушенная музыка, где-то, возможно – в кафе, возможно – на дансинге, играл джазовый квартет.

Хомяк с тяжелым вздохом сел на кочку, нависавшую над городом. В его глазах отражались фонари, горевшие далеко внизу.

– Блядь, ну что за жизнь? – сказал он, растирая себе глаза. – Что за жизнь, а? Блядь, ну кто мне скажет, что за жизнь? Почему что бы ни делал – все хуйня? Бляди, малины, менты? Махач, съёбки? Плохо – пиздец. Но хорошо – тоже пиздец. Бутылку «Абсолюта» и кокса всосать. Или штaketник выкурить и поржать, а потом похавать. Все то же, только еще хуже. Почему нельзя как у людей? А? Пацаны? – он хлюпал носом. – Почему вот так, с заборчиком, с домиком? А? Газон стричь? А по вечерам – с бабой в кафе. Какао с десертом. Сидеть, музлу слушать, зубами сверкать. Чтоб тебе на тарелочках, с вилочками. Почему, пацаны? Есть ли это все, пацаны?

Город начал меркнуть: фонари, лампочки на заборах, плафоны, освещавшие дорожки, утрачивали яркость. Прохожие превращались в тени, ползущие по дну мутного озера.

Хомяк вытер лицо рукавом.

– Почапали, братва.

Серый аккуратно тронул озеро ступней в том месте, где еще несколько секунд назад был виден шпиль костела: ему было интересно, уколет костел ногу или нет.

– Глубоко. Дна нет ни хуя, – прокомментировал он. – Может, и нет там никакого города.

К переправе у шумящих буков подошли, когда заснула уже даже, кажется, сама ночь: всякий ветерок, всякое движение прекратилось – не было слышно ни шелеста листьев, ни сонных шевелений птиц на ветках.

Выбрали место повыше, тщательно ощупывая ладонями землю, нашли семейку из нескольких достаточно твердых кочек, сложили мешок на них. Торфяник просел, но неглубоко, не образовалось даже ямки с водой.

– Ориентир бы какой! – покрутил Шульга головой вокруг. Было темно, и в этой темноте проступала ровная, как тарелка, пустошь без единого деревца, и угадывалась граница с небом, обозначавшая себя звездами.

– Сейчас сделаем, пацаны! – Серый быстро скинул с себя одежду и ухнул в воду. Очень скоро он обозначил себя хрустом веток в перелеске на другом берегу. Хруст сначала был беспорядочным, но потом приобрел некоторую ритмичность, как будто обезумевший великан выкорчевывал столетнее дерево, чтобы поковыряться им в зубах. Снова плюхнула вода – Серый тащил на себе загубленную березку, которую переломал без топора. Перебравшись к приятелям, он оборвал бересту в месте разлома и, размахнувшись, воткнул дерево в землю. Сфагнум и травы под ногами амортизировали, но ствол легко пробил дерн и воткнулся во влажный торф рядом с мешком.

– Это – от нечистой силы, – отдышавшись сказал Серый. – Если решит снова тут все перекрутить. А у нас ориентир – березка, – Серый довольно рассмеялся.

– Ну и место тут явное: буки, хуюки, – поддержал его Хомяк. – Завтра найдем. А не найдем, будем кружить, пока не выйдем. Рюкзак же нашли.

Приятели переплыли через затоку с таким настроением, будто возвращались к себе домой. Ощущение бескомпромиссно твердой земли под ногами было настолько непривычным, что их по инерции продолжало покачивать – они шли на полусогнутых ногах, готовых спружинить и выбросить тело вверх, если стопа угодит в трясиину. Поляна оглашалась медвежьим храпом Степана – двери его хатенки были приоткрыты, видно, укладываясь, он еще надеялся дождаться своих гостей. Друзья попадали вокруг кострища, проваливаясь в сон, как в топь.

– С точки зрения оптики, город под водой объяснить можно тем, что... – сказал Шульга, не в силах закончить мысль.

– Отражение... Стратосфера... Огни...

– Блядь, пацаны, – с чувством вздохнул Хомяк, и вздох у него получился прерывистым, со спотыканиями.

– Спокойной ночи, – поповской интонацией пробасил Серый, уже идя через снящееся ему болото.

За спящими тлели угли костра, которые, быть может, и потеряли четвертое измерение, но все еще оставались гипнотически красивыми.

Глава 20.

– Ну что, юные натуралисты! Где ваше сокровище? – Степан этим утром весь превратился в прищур. Но это был не тот лучистый прищур, который Бонч-Бруевич и другие апо-

столы сообщали лику Владимира Ильича Ленина в житиях, но особый, хитрый и саркастичный прищур. Такой прищур, быть может, был у Диогена. У Апулея наверняка был такой прищур. У Пьетро Аретино и у Леонардо Да Винчи мог быть такой прищур, а у Сервантеса – нет, не могло. У Бомарше, создавшего Фигаро, мы видим такой прищур, и у Фигаро, созданного Бомарше, мы тоже его видим. А вот у Моцарта, написавшего «Женитьбу Фигаро», прищур отсутствует. У Крылова – есть. У Пушкина – нет. У Дантеса, кстати, есть, у Салтыкова-Щедрина – есть. У Гоголя – есть. У Лермонтова – нет. У Достоевского – нет. У Тургенева – нет. У Чехова прищур есть и даже схвачен на нескольких фото. У Булгакова есть. У Ильфа и Петрова – есть. О, какой адский прищур у Ильфа и Петрова! А у Алексея Толстого – нет. И у Льва Толстого не было. У Толстых с прищуром не сложилось. У Набокова прищур был. У Пастернака – не было. У Горького был, но извело НКВД, и потом не было. У Гайдара – не было. У Шагинян – был. Но мы увлеклись.

Так вот. Степан щурился у костра, пока Хомяк, Серый и Шульга потягивались, причесывались и размазывали грязь по лицу, зачерпывая болотной воды из-под кочек.

– Чего-то длинный ваш не очень, – сразу заметил колдун. – Еле ходит.

Серый на это ничего не ответил, косолапо топая по поляне, как поднятый из спячки медведь.

– Мы его умаяли вчера малек, – объяснил Шульга. – Он у нас рикшей работал. Которая сумки другим подносит, – Шульга не вполне был уверен ни в значении, ни в роде слова «рикша».

– Так где клад ваш? – еще раз спросил Степан. – По карманам распихали?

– Когда б по карманам! – гордо ответил Шульга. Ему, как и остальным товарищам, не хотелось вспоминать о вчераш-

них приключениях, но он чувствовал, что со Степаном лучше говорить, отвечать на вопросы, а то еще обидится. – Много взяли! Не поместилось в карманы!

– И? – шире улыбнулся Степан.

– Мы за рекой оставили. Палку врыли рядом. Чтобы найти легче.

– За рекой? – теперь прищур колдуна скорей напоминал ленинский – настолько он был восхищенный, лучистый, теплый. – Ай, молодцы!

– А что такое? Мы не могли упереть. Там мешок килограмм семьдесят весил. Или сорок. Серый вон стонал. А он у нас выносливый.

Колдун крякнул и подкрутил усы.

– Что ж вы столько... – он прервал себя на полуслове и сделал вид, что занимается приготовлением чая.

– Так а что с ним случится? – поинтересовался Хомяк. – Мы ориентир оставили.

– Ориентир, говоришь? – хмыкнул колдун и сощурился так, что саркастичные лучики пошли даже по его носу, даже уши, кажется, участвовали в гримасе, выражавшей сомнение в умственных способностях приятелей. – Ну-ну.

Товарищам стало беспокойно.

– Пойдемте, наверно, прямо сейчас, – предложил Шульга. – Серый, вставай! – (Серый умаянно сидел на бревне у костра). – Заберем наше. И в деревню. Там нас, может, уже ищут.

– Что, даже чаю не попьете? – веселился колдун.

Троица устремилась сквозь кусты к букам. Степан снял с огня котелок с водой, налил себе кипяточку и, с кружкой в руке, неспешно пошел за ними. Утренняя поляна выглядела, как оптимистичный шишкинский пейзаж: серебрис-

тые стволы деревьев бликовали, разбрасывая брызги света на травы вокруг. Хотелось улечься в папоротники и смотреть на кроны.

– Красиво тут. Чего здесь хату не поставили? – спросил Шульга.

– Место тут плохое, – односложно ответил колдун, еще раз дав понять троице, как мало она понимает метафизику болот.

– Вот там река! – показал за кустарник Шульга.

Степан лишь остановился и со смаком, с прихлебом, сделал глоток. Шульга и Хомяк вышли из кустов первыми.

– Блядь! – сказал Шульга.

– Ну и где река, Шуля? – поинтересовался Хомяк.

Подошел Серый. Взглянул на ровную, до горизонта идущую болотную пустошь без намека на реку, затоку, лесок, холмик, за которым могла скрываться река, сел на кочку и сказал, четко артикулируя согласные:

– Блядь. Как это все заебал.

– Рано ссать, Серый, – похлопал его по плечу Хомяк. Он вспомнил, что вчера сам был за то, чтобы ставить золото у буков, так как место найти просто.

– Смотрите, пацаны. – Шульга показал на сломанную ветку ольховника. – Вот это – я точно помню – я вчера сломал, когда за кусты эти хватался, из реки выбираясь. Степан! Степан, как так может быть, а? Вчера река была, сегодня нет?

Колдун улыбался во весь рот, демонстрируя зубы, которые, быть может, и не были ровными, как лесная сосна, скорей напоминали сосну болотную, но зато отличались белизной и крепостью. Золотого зуба среди них совершенно точно не было. Через некоторое время, глядя на эти зубы, Шульга понял, что Степан не тянет паузу, не ждет, ко-

гда приятели сами догадаются, а вообще не собирается отвечать на этот вопрос. Более того, он вдруг понял, что и задавать-то вопрос ему не следовало, так как во многом вопрос был риторическим.

– Что нам? Показалось вчера? – бормотал он себе под нос. – Надо было тонуть? В понарошку?

Шульга аккуратно прошупывал стопой настил из аира и сфагнума, боясь, что тот провалится под ногами и засосет по горло в бурлящую речную воду, которая просто заросла и не показывает себя. Но мхи были тверды, не было даже следов того, что тут когда-то была большая вода, что она ушла месяц, два назад: не было глубоких провалов между кочками, не было обнаженного торфа – ничего. Шульга прогулялся по болоту и вдруг вскрикнул.

– Так вот же оно! Епт! Вот же! – он показывал на слегка покосившийся ствол березки, торчащий чуть в стороне. Рядом со стволом отчетливо был виден белый мешок. Все трое побежали туда. Колдун наблюдал из кустов.

– Бренчит! – радостно вскрикнул Шульга, взвесив мешок в воздухе. И тут же губы исказились гримасой: вчера мешок был явно тяжелей. Он раскрыл куль и запустил туда руку. Порылся, рождая металлический дрязг в брюхе мешка, и вытащил ладонь. В ней была пригоршня латунных пивных пробок. Пивных. Пробок. Хомяк стал растирать свое лицо ладонью, Серого почему-то согнуло пополам.

– Не может быть, не может быть, бля, не может быть, – быстро повторял Шульга. Он взял мешок за днище и перевернул, вытряхивая содержимое в воду.

Рассыпаясь и отсвечивая на солнце, из мешка высыпалась целая гора хлама. Тут преобладали пробки с ребрышками по краям, пробки, которые так просто, поддев зажигалкой, выщелкнуть с полулитровой бутылки, высвобождая обиль-

ную пену; но имелись тут и фольговые водочные пробки, похожие на золотые монеты, у которых вдруг исчезла решка, были унылые стальные пробки с бутылок «Боржоми», экзотичные бельгийские пробки с корсетом, снабженные прижимной юбочкой из металла, пробки от хорошего шампанского, а Серого рвало, рвало у березки.

– Нет, я понимаю. Ну. Приглючилось, – заикаясь, повторял, кажется, уже во второй или третий раз Шульга, трогая пальцами хлам. – Ну я понимаю, как дураки, поднимали не монеты, ну. Но кто мне объяснит. Степан, может вы объясните. Хомяк, ты, может? Откуда, блядь! На болоте! Столько! Пробок! А?

– Надо было вчера уносить, – отозвался Степан. Он уютно устроился в ольховнике и попивал из кружки. – Он же потому и мешал! Это ж понятно!

– А вчера сказать не могли? – выкрикнул Хомяк. Он был готов накинуться на Степана, на Шульгу, на кого угодно, лишь бы клад вернулся.

– Вчера не мог, – Степан с прихлебом глотнул чаю и сплюнул попавшую в рот соринку. – Голова ж у вас есть.

– Не понимаю! – Шульга хватался за свой вопрос так, будто ответ на него мог подсказать, куда делось золото. – Нет! Тут не может быть столько пробок! Ну сидели пикником, допустим, целый грузовик братвы сидел. Пировал. Пиво пил. Крышечки выкидывал. Ну мы нашли их мусор, сгребли все, запутавшись. Но тут же вон ржавые, старые есть, а есть новые. С разного времени! Откуда на болоте? Этого не может быть! Серый, хули ты тошнишь? Ты можешь объяснить, хули ты тошнишь? А?

– Чего-то хуево мне, пацаны, – отозвался Серый, согнувшись пополам. Его лицо было в испарине. – Мне бы полежать. Ощущение, что вообще пиздец. Заболел, наверное. Мне бы полежать.

– И что, теперь уже не вернешь? – спросил Шульга у Степана. – Вообще никак?

– Теперь – никак, – саркастичный прищур на секунду ушел с лица колдуна, его лицо приняло сожалеющее и расстроенное за ребят выражение. – Я же предупреждал. Только одна попытка.

Серого снова с утробным рыком вырвало. Он упал на колени, но быстро поднялся на колотящиеся ноги.

– Уйдем отсюда, пацаны! – попросил он. – Мне от этого болота, я чувствую. Малярия это или что. Не знаю. Но давайте валить отсюда! Подальше! На сушь! На хер, в деревню! Полежу там, молока попью. Оклемаюсь.

– Что с ним? – спросил Шульга у Степана обеспокоенно.

– А я знаю? А я лекарь? – отозвался он.

– Но это не из-за... вчерашнего? Не из-за чайку этого вашего? – спросил Шульга.

– Нет. От чая моего только бодрость в организме и волшебство вокруг, – довольно подкрутил усы колдун. – А этого действительно ведите с болота. А то помрет, тут вам не кладбище. – Было непонятно, шутит Степан или нет.

– А кудой идти? – спросил Хомяк.

– Да вам вон Петька и Васька помогут. Идите туда, – Степан махнул рукой в сторону солнца. – Птицы нагонят.

– Может, пробки возьмем? – нервно почесал подбородок Хомяк. – Вдруг оно расколдуется.

– Не расколдуется, – оборвал его Шульга. – Мы не в сказке детской, а в жизни. Тут если говно происходит – это навсегда. А если что хорошее – вот тогда расколдуется, да. Чтоб говном стать.

Приятели пустили Серого вперед: он шел медленно и все жаловался на то, что ему холодно. Его майка промокла от по-

та. Присев отдохнуть на кочку, он уже не смог подняться, говорил, что голова кружится и перед глазами темно. Шульга подставил ему плечо, Серый оперся на него рукой и сделал несколько слабых, тающих шагов, но упал на колени – его ладонь выскользнула, рука безвольно обвисла. Пришлось подключать Хомяка, взваливать трясущееся крупной дрожью тело Серого на плечи и вести его под руки двоим.

– Может, укусил кто? – недоумевал Шульга. – Тебя ночью гадюка не кусала? Или паук? Тут есть такие пауки большие, с крестами. Укусит – пиздец.

Он пробовал удерживать Серого в сознании расспросами, но Серый плыл, отвечал не с первого раза.

– Гадюка! – напоминал Шульга. – Гадюка?

– Гадюка, – соглашался Серый и улыбался почерневшим ртом. С губ повисла паутинкой ниточка слюны. Глаза были мутными и закатывались. Когда же взгляд Серого фокусировался, было видно, что он уже ничего не видит.

– На солнце сгорел! Удар солнечный! – пытался разогнать стусившуюся жуть Хомяк. – Мы вчера на солнце много были.

Над головой кружили вороны, время от времени забирая вперед и действительно показывая путь. Их карканье, их хлопанье крыльями, сам их вид – лакированно-черный, с огромными рваными крыльями, величественно распростертыми над троицей, дышал похоронами и смертью.

– Обоссался, – зафиксировал Шульга еще один симптом.

– Тьфу, блядь! – Хомяк брезгливо отстранился от товарища, из-за чего тот, ступив несколько шагов, упал.

– Поднимай! Помоги! – прикрикнул на него Шульга. – Не видишь – совсем кранты человеку!

– Ну, придет в себя я ему припомню, как обоссанного по болоту ташил! – прошипел Хомяк.

Вороны переговаривались сверху короткими пронзительными гарканьями. Казалось, они прагматично обсуждают, кому из них достанется левый, а кому – правый глаз еще не умершего Серого. Птицы сопровождали приятелей, когда те добрались до леса, продолжали кружить над головой, пока брели через выгон к деревне и только у поваленного знака «Буда» развернулись и, сделав самый последний заход, – такой низкий, что они коснулись своими крыльями волос Хомяка и Шульги, скрылись из виду. Здесь, у околицы, Серый окончательно потерял сознание: его ноги безжизненно уперлись в землю и мешали его тащить: товарищи попытались полностью поднять его в воздух, но Серый был слишком тяжел. В итоге к хате они его доставляли волоком, взвалив на себя, как убитого командира.

Баба Люба сидела на лавочке у своего дома. Завидев процессию, женщина поспешила навстречу, охая и расспрашивая, что случилось. Серый уже не говорил, а Шульга и Хомяк ответить ничего не могли, так как не понимали сами, что случилось. Они подтащили товарища к хате и уложили на лавке в тени росшей под окнами груши.

– В хату понесем? – спросил Хомяк.

– Понесем, понесем, – отвечал Шульга.

– Дык памог вам Сцяпан? – спрашивала баба Люба.

– Хомяк. Тут такое дело. Он же обоссан, – ходил вокруг Шульга.

– Ну, – не понимал Хомяк.

– А што с вашим другом стала? – не отставала женщина.

– Надо портки с него снять. Обоссанные. Он, может, обоссался там.

– Ты будешь стирать? – возмутился Хомяк. – Я стирать не буду! И снимать не буду. Я что, пидор?

– Ну а как его? Обоссанным в кровать? – нервничал Шульга. Серый вдруг открыл завалившиеся глаза и покрутил головой вокруг.

– Ваша! Ваша! Ваша! – протянул он руку к бабе Любе. – Красный дай!

Женщина заойкала и положила ладонь на лоб Серого. Тот изогнулся дугой, глаза его снова закатились.

– Убила хлопца, рассаха! – запричитала баба Люба. – Таки малады! Жыць ды жыць! Бедны! Бедны! Як мой Пятро! Нашто такога маладога забрала, русалка? Нашто румянага забрала, русалка? Нашто вясёлага забрала, русалка? – голос бабы Любы изменил тембр и набрал мелодичность, переходя в особый хроматический режим, который можно было бы охарактеризовать как «народное контральто». Шульга понял, что баба Люба собирается затянуть стандартный отпевальный плач по свежему покойнику и поднял руку:

– Погоди, баба Люба! Рано Серого хоронить! Он круче всех у нас! Он еще полчаса полежит и всем росомахам мандибулы пооткручивает. Шульга неумело перекрестил приятеля, надеясь, что это поможет снять сглаз.

– Зачём волосы збрый? – баба Люба сбавила громкость, но продолжила говорить нараспев, как бы вгоняя себя в мистический транс. – Мы ж цябе так загаварыли, галову тваю кудравую зашэптали, калтун прагнали, зачём волосы збрый?

Женщина погладила Серого по щекам, но сделала это так, как будто он был уже мертвым. Шульге и Хомяку от ее причитаний и ее голошения делалось все больше не по себе. Вдруг по улице на большой скорости промчался продол-

говатый, похожий на маринованный огурец УАЗ-452 с красным крестом между лупатых глаз и синей шляпкой сирены. Микроавтобус сделал широкий круг, развернулся и с фырчанием рванулся к калитке. Тут он замер и заглушил двигатель, показывая, что приехал по адресу.

– Откуда они взялись? – глаза Шульги сделались очень похожими на фары микроавтобуса УАЗ-452.

– Ты вызывал? Мы ж их не вызывали! – недоумевал Хомяк. Он обратился к бабе Любе. – Женщина, вы вызывали «скорую»?

Вопрос был глуп: единственный работающий телефон в деревне был на другом ее конце, баба Люба все время с момента встречи была рядом с троицей.

– Может, кто из деревенских? – предположил Шульга. И сам же подверг сомнению это предположение. – Да тут «скорая» из Глуска два часа едет, а мы только пришли! Не! Бред! Хлопнули дверцы, во двор по-хозяйски ступили двое мужчин. Один, долговязый, имевший на лице такое выражение, как будто он только что по ошибке съел соплю, был в синей форме санитара. В другом – кургузом и в кепке, можно было узнать водителя. И даже не водителя, а шофера.

– Два ведра! – санитар продолжал разговор, начатый, по всей видимости, очень давно. – Реально два ведра соляры! И сотни не проехал! На два ведра! Так как такой расход? Это что, машина? Так ладно бы еще тянула! Так не тянет вообще! Шестьдесят наберешь и все: гудит, пердит, не может больше. Где у вас тут пациент?

Баба Люба тотчас же заголосила – на одной ноте, очень пронзительной, рвущей барабанные перепонки. Вслушавшись, можно было разобрать:

– Ня забирайце хлопца! Нашто вам хлопец! Пусць ляжыт, он ишчо выздаравее!

- Вас кто вызвал? – подозрительно поинтересовался Шульга.
- Где тут пациент? – нахмурился санитар.
- Вызвал вас кто? – слегка переформулировал вопрос Шульга.
- Мужчина, будете хамить, развернемся и уедем, – санитар придал обиженную мину своему лицу. Он повернулся к Шульге спиной и как будто собирался сделать шаг прочь со двора.
- Не, ну зачем уезжать? У нас действительно тут... Больной... Мы просто удивлены. Оперативностью, – неуверенно улыбнулся Шульга, – в хорошем смысле.
- Вызов поступил, – санитар доверительно кивнул на кабину УАЗа. – С коммутатора – нам: едьте в Буду. А кто на коммутатор звонил – я что, знаю? Кто угодно мог звонить. Наше дело вообще пациента осмотреть.
- Не трогайце вы яго! Паляжыць, яшчэ встане! Яшчэ жыць бюджет! Зачэм вам хлопец!
- Родственница? – коротко спросил санитар у Шульги, кивнув на бабу Любу.
- Нет. Так, – он поискал слово. – Сочувствующая.
- Родственники тут есть? – обвел медик двор внимательными глазами.
- Нет. А зачем родственники? – спросил Шульга.
- Формальности, – отмахнулся санитар. Он подошел к лавке и потрогал лоб Серому. – Странно. Молодой такой.
- Что у него? – спросил Хомяк.
- Откуда я знаю? Я же не врач, – без следа заинтересованности ответил санитар. – Я – санитар. Мне надо температуру смерить, давление, занести в журнал. Решить, подлежит ли госпитализации.

– И как, подлежит? – спросил Шульга.

Баба Люба тем временем стала между санитаром и Серым, взяла медика за руку и начала голосить, кланяясь в пояс:

– Идзите атсюда! Пажалуйста! Не ваш он пака! Яму жыць яшчо! Не ваш!

– Уберите женщину, – коротко распорядился санитар. – Раздражает. А госпитализации да, подлежит. Потеря сознания. Жар.

Он хищно вжал в шею Серого указательный и средний пальцы, как будто готовился проткнуть вену и напиться крови.

– Тахикардия с провалами. Сердце вообще может стать, – он лениво потянулся. Было непонятно, специально ли он изображает равнодушие или оно ему свойственно по природе, как свойственна лень кошке. – А у нас аппарата нет. В Минске, говорят, в машинах аппараты есть. Если что – можно запускать прямо на колесах. Женщину уберите, – еще раз попросил он.

– Баб Люб, тихо! – прикрикнул Шульга. – Давайте пусть профессионалы теперь! Так жить будет?

Санитар вяло пожал плечами и спросил, повернувшись к водителю:

– Как думаешь, Семуха? Будет жить?

Семуха важно взял в руки сигарету «Астра» без фильтра, подошел ближе, наклонился к Серому, заглянул ему в лицо и заключил:

– Думаю, что не будет. Вообще-то думаю, даж до больницы не довезем.

– Видите, что специалист говорит, – покачал головой санитар. – Он уже тридцать лет на «скорой». Так что готовьте черный костюм и туфли.

– Не, так а что с ним? – допытывался Шульга. – Хотя бы приблизительно?

– Может, инфаркт. Или инсульт, – очень приблизительно ответил санитар. – А чего он побрит у вас так плохо? Зачем вообще брили его? Мы и небритыми принимаем.

– Да это он сам, – объяснил Шульга. – Из соображений гигиеничности. Волосы спутались.

Шульга решил не углубляться в детали войны за шевелюру Серого.

– Ну, может, бритвой какую инфекцию занес. Сепсис, все такое, – высказал версию санитар. – Сейчас болезней много вообще. У меня, кстати, брат в погребальном бизнесе. Могу дать телефончик.

– Не, не надо, – отказался Шульга.

– Мобильный есть! – настаивал санитар так, как будто мобильный гарантировал скидку или даже какое-то небольшое чудо, вроде оживления мертвеца на минуту, для последних прощаний.

– Мы бы, типа, не оставляли надежду, – подключился Хомяк и цвыркнул слюной через зубы в сторону. Обычно это обозначало у него выражение крайнего презрения к собеседнику.

– Грузить будем? – спросил санитар у шофера.

– Ехайце вы атсюда! Пажалуста! – просила баба Люба. – Астауце хлопца! Малады яшчэ!

– Ага! Оставьте! – злобно рассмеялся водитель. Вообще-то он выглядел, как добрый деревенский мужик – из тех, что будут сутки плакать по умершему псу. Но характер работы и постоянная близость смерти как будто вывернули его наизнанку. – Оставьте! Все теперь умные стали! Все докторам советуют! А как умрет – снова сюда пилить?

Заключение о смерти вы ж сами не выпишете! Значит, нам опять. Из самого Глуска! А у государства топливо не казенное!

– Не, так я не понимаю, – быстрой скороговоркой заговорил Хомяк, – типа, жил братанчик, потом прилег отдохнуть, ну потошнил малек. Ну обоссался. Ну бывает! Не кашлял, не желтел, кровью не какал. Температура высокая – так она и при ангине высокая. Тут приезжают два халдея, здрастье-мордастье, мы братанчика заберем, и он наверное умрэ по дороге. Какая-то подстава! Отвечаю! Сейчас увезете Серого и китайцам на органы продадите.

– Если вы такие умные, – обиделся санитар, – сами его и лечите. – Он нервно поддернул полы у халата, поправил шапочку и направился к машине.

– Э, куда пошел? – встал на пути Хомяк. – Мы базар не закончили.

– Сами лечите, – с нажимом предложил санитар. Он был на голову выше Хомяка. – А как умрет – сами вскрытие оформляйте. С ментами базарьте, – он перешел на тот уровень дискурса, который был более всего востребован ситуацией. – Доказывайте, что не помог никто умереть.

– Не. Ну я ж не против медицины, – обмяк Хомяк. – Ну вы б хотя бы диагноз сказали.

– Да сколько угодно тут может быть диагнозов! От столбняка до... Укусы клеща были?

– Кусал! – вспомнил Шульга. – Кусал его клещ!

– Ну вот. Тут эндемичный регион, клещей инфицированных много. Острый энцефалит в терминалку входит быстро. Утром ходил, вечером уже закапывают. Симптомы сходятся. Так что? Оставляем? Сами возиться будете?

Водитель вернулся из автобуса с никелевыми носилками и

замер у калитки, ожидая. Он был похож на Харона, который все не знал, спускать ему лодку на воду или еще подождать.

– Не, ну если вы лечить – так берите, – устранился с пути санитар Хомяк. – Но вы ж лечите тогда! Может, вколете ему что-нибудь?

– Может, и вколем, – не исключил санитар, – если смысл будет. А вообще, можно витамина «Д» ввести. Вреда точно не будет. Но это уже в дороге.

Санитар взял тело Серого под мышки и перетянул на носилки. Вдвоем с шофером они подняли носилки и потащили прочь со двора. Баба Люба бессвязно запричитала, зарыдала в голос.

– Уберите женщину, – еще раз распорядился санитар. Та закрыла своим телом калитку, не давая вынести больного.

– Баб Люб, ну пожалуйста! – попросил Шульга. – Ну вы хотя бы не начинайте!

– Так куда везете его? В Глуск? – поинтересовался Хомяк.

– Нет. В Бобруйск.

– Почему в Бобруйск? – Шульга об этом городе слышал только пришедшие из интернета шутки.

– Там морг лучше, – объяснил санитар. – Боксы современные, инструмент.

– А если выживет? – все не мог поверить в смерть Серого Хомяк. – После укола?

– А если выживет, в Бобруйске больница тоже есть. Хотя надежды мало. Я говорю – не выживет, Семуха говорит – не выживет. Значит, не выживет. А жаль. Молодой еще, – последнее было сказано без всякой интонации, чтобы никто не заподозрил, что медику действительно жаль. Кажется, душевность тут трактовалась как непрофессионализм и обывательство.

– Телефон бы какой дали! – попросил Шульга. – Чтобы знать, куда звонить.

– Мы вам не справка, – оборвал санитар, – звоните по справке в Бобруйск и узнавайте. Но в общем, тут звонить нечего. Смотрите, синюшность на губах. Дыхание затрудненное. Гипоксия. Взяли бы телефончик брата. Он и венки продаст, и место на кладбище выбьет: тут важно, чтобы высоко было. Чтоб не подтапливало. Тут болота кругом. И еще хорошо, чтобы деревьев не росло рядом. Деревья корнями знаете что с захоронениями делают?

Он отодвинул бедром бабу Любу, которая уже плакала обильно и беззвучно, как по сыну, и помог водителю загрузить носилки с Серым в машину. В последний раз мелькнул посеревший профиль Серого: его брови были вскинуты домиком, а неживой рот приоткрыт.

– Ну так мы с вами? – попробовал впрыгнуть в машину Шульга.

– Нет. Только родственникам можно. По паспорту, – категорически отказал санитар. – И тело мы вам не выдадим после вскрытия. Только родственники. По паспорту. А то каждый будет приходить и трупы забирать, согласитесь? Так вот, говорю, два ведра соляры, и не тянет! Впрыск весь перебрали, так она еще и масло начала жрать!

Хлопнули двери УАЗа. Машина рванула с места, смешно поблескивая слабой синей мигалкой. Баба Люба взмахнула рукой, прощаясь с парнем, обкашивавшим ей траву возле дома. Она повернулась к Шульге с Хомяком.

– Пачэму прыяцеля сваево не зашчышчали? Пачэму атдали?

– Баба Люба, его врачи посмотрят, – объяснил Шульга. – Если смогут – вылечат.

– Эта не горад! – вскрикнула женщина. – Тут лечацца дома! Сами! А у бальницэ умирают! Дом – штоб лячыцца, бальница – штоб умираць!

Баба Люба вытерла слезы рукавом и молча потопала в свою хату. Ее молчание было пронзительней причитаний. Шульга с Хомяком впервые за все время остались один на один: два недолюбливающих друг друга человека, которых Серый, неумный Серый, мечтатель Серый, Серый, у которого всех разговоров было – про Брюса Ли и про Шаолинь, – сбивал в одну кодлу. Чувствуя, как стремительно исчезают темы для разговора, оба уселись по разные стороны той лавки, на которой еще совсем недавно лежал их товарищ.

– Красавице бы этой, с Октябрьского, пером на плечах «СУКА» вырезать, как когда зек с зоны приходит и видит, что жена другому дала, – напряженно произнес Хомяк.

На самом деле ему хотелось сказать: «Что ж ты, Шуля, такой умный, а Серого вон укатали, и ничего ты не поделил?»

– Так а хули тепер мстить? – равнодушно сплюнул Шульга. – Он выщипывал своей голой ступней пырей под лавкой. – Нам бы лучше подумать, как дальше быть. Где деньги искать. Должок за нами.

На самом деле Шульга думал: «Шел бы ты отсюда на хуй, Хомяк. Никакая мы с тобой не шобла. Вот когда Серый был – мы одной бражкой были. Все трое. А теперь – долг вроде один, а дел у нас с тобой общих нету».

– Просто жалко, что блядь эта еще толпу мужиков дыркой своей со свету сживет, – объяснился Хомяк, но словил неверящий взгляд Шульги, который действительно сомневался в том, что Хомяку может быть жалко каких бы то ни было людей. – Ну и плюс, может, если ей волосы поджечь, она бы Серого вернула, – добавил Хомяк.

– Серого не вернешь, – Шульга все рвал и рвал траву, обжигаясь крапивой и находя удовольствие в этом остром жжении. – Не вернешь Серого. Серого не вернешь. Если б можно было, баба Люба сказала бы. А эту – что копоти, что вари: она только плакать будет и еще убедит, что не причем. Растрогает. И в кровать утянет.

– Может, можно Серого спасти? – спросил Хомяк, который действительно хотел спасти Серого. – Может, в Глуск поехать, свечку в церкви поставить? Чтоб свечка эта колдовство сняла?

– Нет, Хомяк, – травы под лавкой не осталось, и Шульга ковырял ступней землю, ломая ногти на пальцах. – Свечки за мертвых ставят. Если ее за живого поставить, то он только умрет быстрее. Не слышал, что ли, «за упокой»? Это если хочешь, чтоб бабка, например, твоя, когда лежит, помирает, крихтит, просит, чтоб быстрее уже – вот тогда надо в церковь. Поставил свечку «за упокой» и все: на небесах бабка. Ножки свесила, улыбается.

– Я в религиозных вопросах не очень, – признался Хомяк. – А если, скажем, к попу явиться? Денег ему дать – все, что у нас есть дать – чтобы поколдовал? Поп же важный, у него вон церковь целая, «Мерседес», крест из рыжья. Он явно пизду эту с Октябрьского переколдует.

– Ты неверно себе представляешь расклад, – Шульга посмотрел на него с жалостью. Он не мог поверить, что существуют люди, которые до такой степени искаженно понимают духовные вопросы. – Поп он на после смерти нужен. Он что сейчас – не решает. Вот если будешь в церковь ходить, попов слушать, петь им там, как они просят, тогда после того, как дуба дашь – весь в ништяках окажешься. Все у тебя будет, как в церкви: золото, пахнет нормально, свечки. А чтоб мертвяка поднять или экстрасенса обезвредить –

это мимо. Тут Кашпировский нужен. Но он в Америке. Брэда Питта от недержания мочи лечит. Нам бы лучше вот что. Нам бы план надо сообразить. Новый.

Если бы рядом был Серый, Хомяк начал бы ныть о том, что все планы Шульги проваливаются, они бы поспорили, выясняя, кто из троицы более умный, в споре бы родилась идея, и в результате троица получила бы надежду. Но Серого рядом не было. Поэтому Хомяк выдавил:

– Не, Шуля. Ты не обижайся. Но это – без меня.

– Как без тебя? – без большого удивления переспросил Шульга.

– Сливаюсь я, короче.

– Как сливаешься?

– Съебываю отсюда. Нычку найду и ко дну. Зашкерюсь года на два. Пока искать не перестанут.

– Найдут.

– Не найдут.

– Эти – найдут.

– Да не найдут, Шуля! Один раз замоскворецкие полгода землю рыли – не нашли. Пока сам не сдался – не нашли. А хули? Деда наши – партизаны! Ховаться умеем!

– Хомяк. Вдвоем мы – сила. Вдвоем деньги добудем. А порознь – только ховаться. И все равно найдут, – Шульга угоривал его без особого энтузиазма.

– Место здесь проклятое, – продолжил Хомяк. – Ты ж видишь. Русалки, колдуны, колтуны, ну его на хуй! Серого потеряли. Останемся – оба загнемся.

– Ты погоди, Хома. Наладится еще все.

– Не наладится, – уверенно сказал Хомяк. – Без Серого мы не бригада. А так – шпаница.

Шульга произнес задумчиво:

– А я, наверное, к колдуну вернусь. Упаду в ноги. Попрошу, чтобы повторил. Чтобы сам сходил, в конце концов, если по второму разу мне – никак, – он посмотрел на Хомяка. – Айда со мной. А?

– Нет, Шульга. Без меня.

Шульга встал с лавки.

– Тогда пока, Хомяк.

– Тогда пока, Шульга.

Хомяк заскочил в дом, наскоро переоделся, взял спортивную сумку с надписью «Мукачево», бросил полный тоски взгляд на майку с олимпийскими кольцами, в которой, как он верил, мог ходить когда-то Путин, коротко кивнул приятелю, на которого эта майка была одета, и шагнул за калитку. Шульга проводил его взглядом.

– Стой! – крикнул он.

Подошел к Хомяку и порывисто приобнял его, похлопав по спине. Хомяк, опешивший от такого неожиданного проявления не существовавшей никогда между ними дружбы, похлопал одной рукой по плечу Шульги и поправил сумку, неожиданно тяжело, с металлическим звяком, ударившую того под ребра.

– Что у тебя там? – спросил Шульга удивленно.

– Да. Хлама всякого набрал. Ношу с собой, – отмахнулся Хомяк.

– Бывай, братан, – сердечно произнес Шульга. – Надеюсь, увидимся!

– Мы еще наворуем рыжья мешок и сверху кучку! – впервые за все время искренне улыбнулся Хомяк. Он надеялся, что Шульга в душевном порыве снимет майку Путина и подарит ему. Но Шульга не снял и не подарил.

Глава 21.

– Вот, зырь. Сюда зырь, на клешню! Видишь перстак, на безымяхе? Мне его в оршанском ИТК набили. Прямоугоха, залитая сплошняком. Догоняешь, что значит? Нет? Ходок не было? Говорю, не сидел ни разу? Ни разу не сидел? Во-во – видно. Нормальный вроде баклан, а майка в штаны заправлена. Ты хоть знаешь, кто майку в штаны заправляет? А? Не знаешь? Колхозники! Ты б еще мобилу на шнурке на шею повесил. Фраерок, блядь! Это потому, что не сидел ни разу. У нас в нашем эсэсэсэре для мужиков две школы жизни. Там, на Западе, – колледжи-хуйоледжи, обсерватории и Монсеррат Кабалье. А у нас с тобой школы жизни две: зона и армия. Если бобер не сидел, ему в армии обычно мозг вставляют. А если бобер и не сидел, и в армию не попал, то вообще пиздец. Мы ж не на Западе! Это там – альтернативная служба, гражданское общество. А у нас если ты и нары не парил, и автомат не таскал, значит ты кто? Не мужик! Понимаешь? Не мужик! Так вот. Перстак. Про перстак я говорю. Ты не бойся, чего трясешься? Я ж за жизнь с тобой поговорить сел. Я б если хотел, я бы уже ебнул. Фиолетовая площадка на перстне означает, что я отбыл наказание от звонка до звонка. Понимаешь, что это значит? Нет? УДО не было. Рубишь, что такое УДО? УДО или «выхлоп» – это когда ведешь себя, как пионэр, зону подметаешь, мусорам улыбаешься. Тебя по УДО, условно-досрочке выпускают. Не, ну ты вообще как с луны упал. Феню не ботишь, мастей не читаешь. Тебя как вообще зовут?

– Маторышын.

– Что за имя?

– Ну, миня так усе знаюць.

– Откуда сам?

– С Барбарова. Трыццаць киламетрау ад Глуска. На Казаэсе работаю.

- Так зовут тебя как?
- Миша. Миша Маторышын.
- А чего говоришь, как колхозник? Что, сложно нормально говорить?
- У нас усе так гаварат.
- А в Глуске что за пасьянс у тебя?
- Падрад прыехау у испалком падписаць. Падписали ужэ. Можна дамой ехаць.
- Беседа происходила в тени акаций, у неработающего фонтана, выявлявшего красоту глусского края изобразительными средствами позднего советского сюрреализма. Басейн фонтана, выложенный бирюзовой плиткой, обильно порос травой. Когда-то здесь были брызги и шум струй, теперь фонтан напоминал скорей охладительный резервуар заброшенного атомного объекта: металлические трубки, символизировавшие деревья глусского края, заржавели и торчали, как сгнивший зуб из пораженной цингой десны. Аист, символизировавший красоту животного мира глусского края, потерял в лихие девяностые сделанную из латуни голову. Девушка, символизировавшая красоту людей глусского края, была сделана из менее ценного армированного бетона и потому сохранила свои плоские груди и каравай, который держала в руках. Но вандалы не пощадили черт ее лица, которые были безвозвратно утеряны.
- Дальше зырай. На запяхи! Видишь браслеты? Их бьют тем, кто больше пяти лет нары парил. А вот тут четыре точки с точкой посередине. Между большим и указательным пальцем на ладони.
- У нас такая многа у каво. Мужыки сами сабе накальваюць: красива.

– Таких бобров, которые на зоне ши не ели и себе пятихатную накалывают, нормальные мужики обычно заставляют кожу ножом срезать. Потому что это ж не шутки! Это ж не «тату»! Это масти! А масти, Миша, это как у ментов погоны. Ну прикинь, если майор себя генералом снарядит. Ну пиздец ему сразу, согласен? По понятиям пиздец! Так и у нас. В нашем, Миша, мире. За шутки с мастями могут отвафлить. Точки эти значат, что человек парил в одиночной камере.

Румяный и загорелый Миша, с которым велась эта неторопливая беседа, очевидно страдал. Опыт подсказывал ему, что краткое введение в семиотику наколок закончится в лучшем случае отъемом какой-то части денег, в худшем случае – отдачей всех денег на добровольных началах. Поэтому он растирал пот под клетчатой рубахой, чесал себе макушку и искал способа убежать. Его собеседник, бледный, как плесень на тюремных стенах, покрытый дрянной редкой щетиной, оставлял впечатление ядовитого грибка, выросшего в сыром, прохладном месте. Он был одет в пиджак, который был ему очевидно велик, но зато делал плечи широкими. Под пиджаком была белая майка, которая легкой промышленностью выпускается с мыслью о бегунах, атлетах и других спортсменах, но в торговой сети востребована в первую очередь алкоголиками и деклассированными элементами. Майка выгодно обнажала миру часть наколок, покрывавших грудь, руки и шею говорящего с той же плотностью (и корявостью!), с какой стены иных сохранившихся первобытных пещер украшены древними наскальными рисунками.

– Считаю купола на церкви! – приказал собеседник Мише, оттянув майку вниз и обнажив с размахом, на всю грудь, изображенный храм.

– Раз, два, три, чатыры, пять, – послушно посчитал Михаил.

– Пять куполов что значит? Пять куполов? Что? И тут мимо? Ну вы там даете в своем Барборово! Ни одного нормального мужика? Который мог бы масти читать? Пять куполов значат: пять ходок по пять лет. Пятью пять сколько?

– Двадцать пяць.

– Четвертной, Миша. Четвертной я на зоне отходил. А мне всего пятьдесят. Полжизни вертухали, бя. Паси, видишь, кот в сапогах на ноге изображен? Ну, да, ну, может, и не вполне на кота похож. Может, действительно, кролик. Но только усы есть? Есть! Шляпа есть? Есть. Значит, кот. Так ты думаешь, я от котиков млею, как целка розовая? Кот – шифруха! Братва – братве. Кот – «коренной обитатель тюрьмы». А вот здесь жук. Видишь, вверх ползет по руке? Жук это тоже шифруха: «желаю удачных краж». Деньги у тебя есть, Миша?

– Неа! Няма дзенег! Мне ишчо у Барбарова ехачь!

– А если найду? – собеседник наклонился к Мише и заглянул ему в глаза. Миша вдруг понял, что на следующие вопросы мужчины лучше отвечать правду.

– Ты хоть знаешь, Миша, кто я такой? А? Думаешь, к тебе тут алконавт парковый на лавке доебался? Я, Миша, смотрящий. Смотрящий по Глуску. Я тебе сейчас предъявлю, как меня зовут, и ты сразу обосрешься от того, с кем на лавке сидел. Приедешь в свое Барборово и будешь рассказывать про наше знакомство. И все будут не верить тебе. Так вот, Миша, я – Пятница. Слышал про такого? Как не слышал? Вы, блядь, там вообще охуели в Барборово? Может, синих собрать и к вам наяриться как-нибудь? На политинформацию, блядь? Я – Пятница. Я – смотрящий по Глуску. Меня тут любой мент, любой таксер знает. Не, ну ты охуел, Миша! Пятницу не знать! Видишь, Миша, магазин?

Пятница указал на стоящий недалеко дом с надписью «гипермаркет Каприз». Несмотря на кокетливое название, продавали в гипермаркете «Каприз» в основном чернила, водку, а также запечатанные в пластик готовые салаты, которыми пиво и водку можно было закусывать.

– Эти коммерсанты – подо мной. И те коммерсанты, в киоске, – тоже подо мной. Весь город, Миша, подо мной. Потому, что я – Пятница. Меня тут все знают. Менты у меня сосут. Исполком у меня сосет. Коммерсанты у меня сосут. Все у меня сосут, Миша! Потому, что я – смотрящий по Глуску. Общак на мне, разборки – на мне, суд чести воров – на мне. Сейчас, Миша, мы пойдем к коммерсантам и возьмем у них выпить и поесть. Чтоб ты не думал, что к тебе алконавт парковый доебался. Я в Глуске в любой комок могу зайти и взять все, что хочу, понял?

Собеседники встали и направились к магазину «Каприз». По пути Пятница продолжил экскурсию в художественный музей, располагавшийся на его теле. Он распахнул пиджак и приподнял майку на боку, обнажив искусную контурную татуировку девицы с остановившимися, как на картинах у Арнольда Бёклина, глазами. Барышня была изображена в анфас, с одним преклоненным коленом. Лобок она игриво прикрывала ладонью. Груды у нее были такими большими и пышными, какими могут быть груды только на татуировке, набитой в местах, где о женской груди коллективно мечтает большая группа мужчин. Обнаженное тело было увито змеей.

– Эта клавиша значит: «Искушен с юных лет», – гордо сказал Пятница. – Проходи вперед.

Они нырнули в залитое ярким светом пространство гипермаркета.

– Здравствуйте, Пятница! – сказала молоденькая продавщица.

– Поал! – важно ткнул Мишу в бок Пятница, возгордившийся оттого, что с ним поздоровались.

Уголовник увлек своего нового деревенского знакомого вглубь торгового зала и тут заговорил быстро и шепотом.

– Так. Берем два пузырька беленькой, «Два бусла». Не, лучше «Пшеничную»! – Пятница стремительно снял водку с полка и вручил Мише. – Давай, не тормози, блядь!

Он жестами показал, что водку нужно засунуть под брючный ремень и прикрыть бутылки сверху рубахой.

– Так, ну и закусь, закусь, закусь. Вот. «Филе сайры в масле»! Нормально! Берем!

– У штаны пихаць? – переспросил в голос Миша.

– Блядь! Чего ты ревешь? – шепотом отчитал его Пятница.

– Так а зачэм прятать водку и консервы, если тут тебе все далжны? Узяли бы и пашли как людзи! – недоумевал труженник земли.

– Тут камеры наблюдения кругом! – объяснил Пятница. – Им потом учредителям как объяснишь? Что приходит Пятница, берет все, что хочет? Они ж не в курсе! Учредители то.

– А пачэму ани не у курсе? – вытянул голову Миша, ища камеры наблюдения.

– Потому, что они в Минске, они далеко. А этим надо в Глуске работать. Со мной о крыше кумекать. Давай, пошли, мимо кассы и на выход!

– Так а пачэму я усе несучу? – опять громко, в голос, спросил Миша.

– Блядь, тише говори! – шикнул на него Пятница. – Ты вообще рот закрой, выйдем, я тебе на улице на вопросы твои отвечу!

– Так пачэму? – переспросил Миша шепотом.

– Потому, что я – Пятница, – одними губами повторил Пятница. – Я – смотрящий по Глуску. Не хуй мне больше делать, как самому водку выносить!

Процессия двинулась к выходу из магазина.

– А вот это, – нарочито громко заговорил Пятница, метая быстрые взгляды по сторонам. – Олень, видишь, на левой клешне. С надписью «СЕВЕР». Это со второй ходки моей. Еще при Союзе. Я в Уренгое отбывал... Эту композицию называют «Северный олень».

На выходе случилось непредвиденное. Рядом с чахлой, как полевые цветы Глусского района, продавщицей стоял одетый в черную майку и черные брюки мужчина, грудь которого была осенена бэджом «Охрана». На брюках мужчины ясно различались стрелки, которые хорошо бы смотрелись с галстуком, но выглядели странно и даже угрожающе в сочетании с майкой. Мужчина спортивно покачивался из стороны в сторону и хрустел шейными мышцами, разминая тело, как будто перед дракой.

– Так, орлы, оба к кассе, все из карманов, руки на прилавок, – скомандовал он.

– Я – Пятница, – нагло заявил Пятница.

– Повторяю, – не обращая внимание на реплику, сказал мужчина. – Оба. К кассе. Все из карманов. Упор ладонями на прилавок.

Миша, оробев, вытащил из-за брючного ремня две бутылки водки и банку консервов «Филе сайры в масле».

– Он заплатит! – быстро объяснил Пятница. – Мы просто корзинку не брали, поэтому думали пронести.

– Опаньки! Мелкая кража, – хищно двигал плечами мужчина. Он стал переминаясь на месте, как боксер во время схватки. – Стоим здесь. Ждем милицию.

- Так он заплатит! Какая кража? – вскрикнул Пятница.
- В участке разберутся, – обещал охранник.
- Ты ж мне скажу, что ты сматрашчы! Што цибе камерсанты усё даюць! – закричал Миша.
- Иди на хуй! – вполголоса ответил Пятница. Он сделал по-кошачьи аккуратный шаг к двери.
- Стоим здесь, ждем милицию! – рявкнул ему охранник.
- Да какая, на хуй, милиция! – закричал на него Пятница. – Я тут при чем? Зыркалы свои разуй! Я – чистый, у меня не было ничего! Крестьянина этого оформляй!
- Сто-им здесь! Ждем! Ми-ли-цию! – охранник набычился.
- Слышь, ты, блядь! Петушок, блядь! Мне с мусорами общаться не в дугу, понял? У меня пять ходок было, шестая на хуй не нужна. У меня блядь легкие в «Волчьих норах» остались! Трамбуй этого крестьянина, а меня не трожь! Съеби в сторону, дай выйти, блядь!
- Стоим здесь. Ждем милицию, – прошептал охранник, сдерживаясь, как видно из последних сил.
- Тебе предъявиться, блядь? Я – вор в законе. У меня паук и эполеты, – Пятница спустил пиджак и показал наколку на плече, изображавшую нечто похожее на расшитый золотом гусарский погон. – Если ты мне! Выйти! Сейчас! Не дашь! Тебе – пиздец! Пиздец тебе, сука!
- Он уверенно двинулся к выходу, прямо на мужчину с бэджом «Охрана», и тут чахлая, как полевые цветы, продавщица ойкнула, потому что звук кулака, врезающегося в челюсть, был резким и неприятным, с явным костяным прихрустом: лязгнули зубы, грохнула стойка с чипсами, которую сбил летящий Пятница. Вообще, звуков у этого удара было много, а заметить никто ничего не успел. Вот, вроде долю секунды назад покрытый наколками мужчина, выпя-

тив вперед лоб и сжав кулаки, шел на одетое в черное спортсмена и потом сразу – вокруг разбросанные чипсы из взорвавшихся пакетов, гора свалившихся с полок круп, и из-под них сучат по полу две ноги.

Охранник поправил перстень-печатку на среднем пальце и размял ладонь. Пятница встал на ноги, покачнулся, взялся за стенд с маринованными огурцами. Распахнул пиджак. Полез во внутренний карман. Достал большой пистолет, в котором эксперт безошибочно опознал бы Тульского Токарева, известный также как «ТТ». На стволе у пистолета была длинная царапина. Навел пистолет на охранника.

– Пиздец тебе, петушок, – сплюнул он кровью. Правая часть лица не двигалась, десна стремительно увеличивалась в размерах, подпирая щеку. На скуле осталась борозда от перстня. – Пиздец тебе. Пиздец, – он помотал головой, пытаюсь преодолеть головокружение. – Так блядь. Как тебя там. Миша. Миша, блядь. Миша. Снимай штаны, доставай залупу. Сейчас мы петушка вафлить будем. Ты, блядь, становись на колени. На колени. Блядь.

Охранник, не до конца осознавший то, как стремительно поменялись их роли, продолжал стоять у дверей, массируя ушибленную ладонь. Он напрягся, смотрел внимательней, но еще не успел испугаться.

– Что смотришь, зайчик? Давай, блядь, на колени. И губы разминай, сука! Сейчас сосать будешь! Блядь, Миша, снимай штаны! Штаны снимай, сука!

Ни Миша, ни охранник не спешили исполнять приказы Пятницы, но спортсмен в черном уже начал понимать, чем все может обернуться, и сделал шаг назад, к дверям.

– Так, от двери отошел! Быстро, блядь! – крикнул Пятница. – Чего стоим? Чего не слушаем вора? Вы что, петушки? Вы, блядь, тюрьму не уважаете? – он надавил на кнопку в руко-

ятке и высвободил обойму. Вывернул ее торцом и предъ-
явил – сначала охраннику, потом Мише. – Боевые! Блядь!
Оба смотрите! Боевые! Не газ! Не травма! Боевые! С пуля-
ми! У тебя между глаз влетит и затылком твоим тут все за-
брызгает! Отошел сказал! – его голос набирал истеричную
силу.

Охранник медленно сделал несколько шагов в сторону
прочь от входа в магазин. Пятница занял его место у две-
ри, попеременно тыкая оружием то в Мишу, то в него.

– Так. Если ты сейчас хуй не достанешь – стреляю между
ног! До трех считаю! Ты, блядь, на колени стал! Быстро!

Охранник пошел красными пятнами, согнулся пополам,
подогнул ноги, но пока не опустился на колени, а скорей
присел, сполз вдоль кассового стенда.

– Три! Блядь! Блядь! Думаете, не шмальну! Да мне похуй!
Мне в тюрьме по малолетке башку проббили! У меня пласти-
на железная и справка из психбольницы! Белый билет!
У меня две мокрых ходки! Положу тебя, а тебе просто яйца
отстрелю! Дадут десятку! И хули! В тюрьме кормят хотя
бы! Уважают! Суки всякие не чморят! Вору в тюрьме уме-
реть почет и слава! Два!

Михаил торопливо расстегнул ремень на брюках и осла-
бил ширинку.

– Штаны снял! Полностью! И трусы! – Пятница направил
ствол между ног Мише. Это подействовало мобилизующе:
вообще, как показывает практика, очень малый процент
мужчин остаются невозмутимыми в момент, когда на их
половые органы направлен ствол огнестрельного оружия.
Крестьянин трясущимися руками оголил бедра. В шерсть
между его ног вжимался окаменевший от ужаса член.

– Теперь ты! – повернул Пятница ствол на спортсмена. –
На колени стал! Не присел, а на колени! Рот раскрыл, язык
наружу! Сей...

На этот раз удар был влажным и негромким. Быть может, – оттого, что приклад автомата Выхухолева встретился с затылочной частью головы Пятницы, а не с его челюстью, как это было, когда бил спортсмен. Дернувшись резко вперед, Пятница устоял на ногах, поднял пистолет вверх, как будто хотел почесать дулом у себя за ухом. Его лицо приняло задумчивое выражение. Он был похож на человека, который вспомнил какой-то нюанс, о котором совсем позабыл накануне. Потом он начал оборачиваться, вытягивая оружие перед собой, готовясь, видимо, к перестрелке, но так, в обороте, и рухнул в полный рост.

– Убит? – спросил Миша в ужасе.

– Да где там! – отмахнулся Выхухолев. Пощупал пульс, похлопал уголовника по щеке. – В глубоком вырубоне.

Он вальяжно поднял с пола пистолет, которым размахивал Пятница. Осмотрел его. Нахмурился. Произнес, как в трансе: «Тульский Токарев. Тульский Токарев. Вот это поворот. Хотя логично. Логично!» Выхухолев повертел головой вокруг так, как будто у него только что открылись глаза, а до этого он жил во тьме и не понимании. Открывшиеся глаза Выхухолева увидели раскрасневшееся личико чахлой, как полевые цветы Глусского района, продавщицы. Она смотрела на Выхухолева с восхищением. Так, наверное, советские женщины смотрели на майора Пронина. Впервые за долгое время Выхухолев почувствовал в районе диафрагмы щекочущее касание гордости за то, что служит в органах.

Глава 22.

– Понимаете, я ведь не на газонокосилку себе прошу. И не на квадроцикл «Харли Дэвидсон». Просто очень надо. Вопрос жизни и смерти, – распинался Шульга.

– Что ты знаешь о жизни и смерти? – улыбнулся колдун. – Ты что, думаешь, тебя убить можно?

На этот раз на болота Шульга выдвинулся засветло. Дни, проведенные в одиночестве в хате, заселенной лишь портретами давно умерших, изменили его. Несколько раз он словил себя на том, что разговаривает вслух – привычка рассуждать, строя планы, осталась, а слушателей и спорщиков вокруг уже не было. Баба Люба после исчезновения Серого с Шульгой общалась скупой – так, будто он убил ее сына. В Бобруйском морге сутками не брали трубку, и это было хорошо, потому что, получив известие о смерти, нужно было что-то делать с телом, а что – Шульга не знал. Хоть и бесследно исчез ровно в тот день, когда они расстались, растворившись прямо с улицы посреди деревни Буда. Возможно, его взяла попутка, возможно, он ушел в Глуск пешком.

Теперь Шульга вставал с рассветом и ложился на закате. Сначала он еще пробовал в одиночку придумать план, но все его идеи либо требовали бригады из троих человек, либо ему самому казались неосуществимыми, так как, в отсутствии критиков, все слабые места планов приходилось искать ему самому. И они неизбежно отыскивались. Очень скоро Шульга погрузился в апатичное ожидание с единственным проблеском надежды – визитом к колдуну. Понимая, что если Степан не поможет, с болот ему лучше не возвращаться, Шульга все откладывал поход на потом. Несколько вечеров он провел за оттачиванием аргументов в пользу того, что ему, Шульге, нужно дать попробовать сбегать за падающими звездами еще раз. Потом ночью ему снова, как это уже однажды было, приснились душистые его руки: ощущение нехватки воздуха, расплющенного горла, раздавленного кадыка было физическим, осязаемым и все не отступало, когда он кричал, проснувшись. Ему ка-

залось, что так и придет его смерть – как кошмар о смерти, превращающийся в реальность умирания и затем распадающийся под влиянием смерти как таковой. Распадающийся с тем, чтобы заменить собой сны, явь и все остальное. Выдвинулся на следующее же утро. Подойдя к болоту обнаружил, что тут опять все невообразимым образом поменялось: «утопленная» машина стояла практически сразу на выходе из леса к трясине, а к дому колдуна вела не просто ясно различимая тропа, а нечто вроде обильно поросшего травами старого шоссе. Он ни разу не оступился и даже не намочил ноги.

Степан встретил его уже вскипяченным чаем и репликой: «Ну наконец-то!» И вот теперь они пили чай, Шульга уговаривал его пустить в еще один трип за золотом, обещал, что не будет брать так много, что не станет его оставлять, что ляжет спать рядом, что сдохнет, но вынесет на себе, а колдун лишь посмеивался:

– Улетело твое золото!

Небо было сумрачным: мглистость и туманная дымка настолько шли болоту, настолько органично сочетались с запахом испарений и километрами стоячей вокруг воды, что совершенно не верилось, что тут бывает яркое солнце.

– Ты где дружков своих потерял? – сменил Степан тему.

– Хомяк слился. А Серого в морг увезли лечить. Он колтун состриг.

– Зачем же он колтун состриг?

– Не знал он, что это колтун! И что такое колтун не знал! Думал, просто солома в волосы попала.

– Странные вы люди! Интернетов понастроили, а о самом главном забыли.

Колдун взял топор и отрубил несколько поленец от лежащего рядом с огнем ствола.

– Так, может, вы бы вместо меня за золотом сходили? – умолял Шульга. – Я вам рабом буду! Мне просто ну очень деньги нужны!

– Я сам не могу. Оттого, что другим это показываю – сам не могу. В природе ведь все в балансе. Вода, огонь, тьма, свет. Что, думаешь, деньги, богатство – человек придумал? Такая же основа. Как вода, например. Как пища. И она в балансе быть должна. Можешь – бери. Даже когда не надо – бери. Пользуйся. Наслаждайся. Веселись. Кути. Не можешь – не бери. Не можешь, но очень надо – все равно не бери! Нельзя! Не твое это! У вас в городах потому все так через жопу, что баланс нарушен. Те, кто денег не заслуживает, кто пролетает вообще по всем конкурсам, как вы той ночью, он – почему-то миллиардер. Другой – вроде должен, вроде знает, сколько брать, где брать. Знает, что его и где его. Но – нищий. Сидит в офисе, из него эти черви соки пьют. А он на квартиру отдает съемную и на телефон, с которого его пьют. Ему бы сюда – он бы тут все за пару дней понял. А он – нет! В офисе сидит. Интернет строит. Отправляет что-то там, принимает. Жертвы жрут хищников. Слабые – сильных. И нажравшись, еще жрут, остановиться не могут. Не по природе это. Не по балансу.

– Степан. Ну очень надо, – твердил как заклинание Шульга. – Мне пути отсюда нет. Если не поможете – мне только топиться тут.

– Да я знаю. Я, думаешь, не знаю? – Колдун был задумчив. – Но только с неба на тебя уже не свалится. А если для покаяфовать просто, – сварить могу.

Шульга жестом показал, что не в «покаяфовать» дело.

– Думаю, как тебе помочь. И хочу помочь. Да тут все – опять от тебя зависит. Сможешь – твое. Не сможешь – не твое. Есть тут один клад заколдованный. Он очень ста-

рый. Он – с тех времен, когда тут короли жили. Вот там, где лес сейчас, город был. Столица. И там король. Трон, колдуны у него. И вот, король решил все, что было у него, припрятать. Это еще до немцев было. И до революции. Он тогда с колдунами договорился, они клад отнесли на болото, нашли островок, закопали. А сверху насыпали камней. Огромных валунов, со всех лесов и полей окрестных. А наверх, на камни, посадили дубок. Дуб рос, корни его в щели между камнями прорастали и скрепили их лучше, чем железобетон.

– Интересная легенда! И где этот дуб?

– Так вон, стоит, – улыбнулся Степан, показывая на дерево, накрывавшее кроной его хату. Оно было не выше, чем далекие буки, но ствол был очень толстым в обхвате.

Шульга встал и, зачарованный, медленно пошел к дубу.

– Не высокий, – прокомментировал он, всматриваясь в толстые, диаметром с человека, ветви.

– Это потому, что на камнях растет, – объяснил Степан. – Ты гляди! Видишь сосенку? – он ткнул пальцем на чахлое деревце, торчавшее за кустами в болоте. – Этой сосне – лет больше, чем тем двадцатиметровым, что возле буков растут. Маленькая потому, что ее болото выпивает, а те на относительной суши стоят. Видишь, у этой сосницы ветки часто-часто идут по стволу, а у тех – через метр-два? Оттого, что не растет она ввысь, вся в ветку уходит. А те сосны вверх тянутся, к солнышку. Так и с этим дубком. Он вроде маленький, а в обхвате – пять человек руки не сомкнет. Камни его вверх не пускают, так он вширь идет, стволом тяжелеет.

– Как он вообще на камнях вырос? Сосны на камнях – видел. А дубы – нет.

– Потому, что не простой он. Это не дуб – это оберег. Сюда и ученые приезжали. И чечены приходили с прибором. Очень у них пищало, говорили, что там пятно металла размером с танк. Хотели дуб срубить и толлом все тут взорвать. Только я им объяснил, что от взрыва клад еще глубже в торф уйдет. Но они, правда, все равно хотели дуб срубить и толлом все взорвать, ну так я их... Маленечко.

Колдун сделал неясный знак рукой, показывающий, что проблему с чеченами он решил. Шульге не захотелось выяснять, каким именно образом Степан избавил дуб от угрозы срубания.

– Так а ученые что?

– Ученые с эхолотом были или как прибор называется, который в землю смотрит. Какие-то графики на бумажках показывали. И об истории много говорили. Тоже верили, что золото там. Но они по-научному называли, «казна такого-то», и про имена королей спорили. Копать пытались, – Степан зевнул, – но ничего у них не вышло.

– Смотри ты! Действительно следы от ям остались! – восхищенно сказал Шульга, обнаружив метровые провалы у корней дуба. Провалы были укрыты дерном и затянулись, как военные окопы.

– Покопали, уперлись в камни и уехали? – спросил Шульга с уважением.

– Покопали, уперлись в камни, притащили пилу циркулярную, сломали ей все зубы и уехали. Хотели вернуться с толлом, дуб срубить, а камни взорвать. Ну я им тоже объяснил, что клад от взрыва только еще глубже уйдет. Но они все равно взрывать решили, с толлом на болото сунулись.

– И что? Вы их...?

– Не, ну это же не чечены! А ученые! Из академии наук! Просто поляну не нашли. Пять дней тут ходили. Туда-

сюда. К озеру – с озера. Не нашли. Ни дуба, ни поляну. Так и уехали. А кто экспедицию затеял, выговор, наверное, получил.

– Но, если ученые не выкопали, то что мы будем делать? У нас и циркулярки нет...

– Так я ж говорю. Клад заколдован.

Степан подошел к дереву и сделал знак Шульге идти за ним. Вместе они обошли ствол вокруг. С другой его стороны, не обращенной к хате, в двух метрах от земли обнаружилось вытянутое дупло той формы, которую приобретают две ладони, если соединить их указательными и большими пальцами, максимально растянув. Дупло почему-то казалось более старым, чем кора, которую оно разрывало.

– Вот это – вход, – объяснил Степан.

Шульга стал на цыпочки и дотянулся ладонью до дупла. Ощупал, насыпав себе в волосы древесной крошки.

– То есть, через эту дырку можно к корням пробраться?

– Дырка у тебя в заднице. А там – не дырка. Там – вход.

– А что за входом?

– За входом – клад. Но его просто так не взять. Сначала бой будет.

– Бой? – переспросил Шульга. Он пожалел, что Серого больше нет. Не то, чтобы он боялся драк, но, скажем так, во время некоторых из них чувствовал себя недостаточно спортивным. Последний бой, в котором ему пришлось участвовать одному, ввиду того, что Серый и Хомяк ждали пива, за которым он был послан, закончился тем, что четверо бирюлевских гопников с гиканьем гнали его через безысходный двор, окруженный тошнотворно-одинаковыми девятиэтажками. Он, как кот, забрался под машину «Мазда 323» со спасительно низким клиренсом, и они долго кру-

жили вокруг тачки, стараясь достать его рукой или ногой, дотянуться, пнуть ботинком на высокой утяжеленной подошве. Затем они взяли какую-то палку и, не имея пространства чтоб как следует размахнуться, долго и уныло тыкали этой палкой в Шульгу, который лежал тихо и делал вид, что умер.

– Бой, – повторил он еще раз.

– Бой, да не бой, – объяснил колдун. – Не на саблях бой. Как ты понимаешь, тело твое до клада не дотянется. Потому, что клад в пяти метрах под камнями. Поэтому вот тут будет твой бой, – он постучал Шульгу по голове – так, как обычно стучат по чугунку, чтобы понять, из чего он сделан: из стали, никеля, алюминия.

– Вот тут – это хорошо, – улыбнулся Шульга и тронул себе голову пальцем. – А с кем биться?

– Все б вам вопросы глупые задавать! – приговаривал колдун. – Откуда мне знать? Ты что, думаешь, я там был?

– А не был?

– Не был! Я ведь говорю: я сам не могу. Я только другим двери могу открывать.

– Так подсадите? – Шульга наклонил размял плечи, готовясь к схватке.

– Ты куда? – рассмеялся колдун. – Если ты туда сейчас влезешь, ты там только жуков-короедов найдешь! И застрянешь намертво. К любому входу ключ нужен. С ключом идти! Помнишь, я рассказывал, как на машине и на поезде в разные города приезжаешь? Так вот, чтоб в этот город попасть, тебе подводная лодка нужна, не меньше. Но у меня есть одна. Завалялась! К костру пойдем! Боец!

Степан усадил его у огня, пошел в хату, напевая что-то себе под нос. Сначала Шульге показалось, что колдун заты-

нул какое-то мистическое заклинание, но потом, вслушавшись, он решил, что мелодия скорей напоминает песню «Летят перелетные птицы» – о том, как хорошо жить в СССР. Вернулся Степан с газетным свертком. В нем были высушенные луковички какого-то болотного растения. Некоторые – совсем маленькие, с ноготь, другие – побольше, с мизинец. На нескольких была видна земляная крошка, следы торфа, из которого их достали.

– Ключ? – спросил Шульга. – Это ключ?

– Что ты понимаешь? – усмехнулся Степан. – Это витамины! Ешь давай.

Шульга разгрыз одну луковичку и нашел, что по вкусу она больше всего напоминает перезревшую морковь: такие же суховатые и безвкусные волокна. Затем, проглотив, он вдруг ощутил резкую и необычную отдушку и нарастающее экзотичное послевкусие.

– Много есть?

– Ты рубай давай! – предложил колдун. – Я скажу, когда хватит.

Шульга набрал полный рот луковичек: ему показалось, что волокнистая масса высосет изо рта всю слюну, он даже запил водой из котелка. Вкус, который оставался на языке и небе после проглатывания, легко было распознать, но сложно идентифицировать. Понять, что он напоминает, было так же сложно, как разобраться из каких точно компонентов (тмин, кориандр, кора, лимонник, имбирь, зерна горчицы) состоит сложная индийская приправа. Но, затолкав в рот новую порцию растений, Шульга выяснил для себя, что послевкусие больше всего напоминает клубнику. Было в этом определенное упрощение, – как упростить гору Монблан только до снежной шапки, ее украшающей. Но по-другому понять и объяснить вкус не представлялось возможным.

Шульга прислушался к своим ощущениям. Он не чувствовал даже толики того волшебства, которое сообщил восприятию бодрящий Степанов чай перед походом за звездами. Реальность оставалась равнодушной, холодной и неприятной, как мгlistое и сумрачное небо над головой.

– Скажите. А как так получилось, что вы на болото ушли? – поинтересовался Шульга, чтобы поддержать разговор и не молчать.

– Ну ты спросил! – ответил ему Степан, который сидел напротив него, делал вид, что следит за костром, но стрелял время от времени быстрыми внимательными взглядами на Шульгу, как будто стараясь определить его состояние. – А как так получилось, что ты человек?

– Ну это как раз просто, – Шульга проглотил корешки и набрал пригоршню новых. – Мама меня родила, вот я и человек. Если б кузнечик меня родил – был бы кузнечиком.

– Ну. Если б так просто! Бывает, что кузнечик рождает кузнечика, а он – не кузнечик, а человек. Книжка была такая. У Франца Кафки. Или не про кузнечика, а про жужелицу, не помню. Но самое плохое – когда мама рождает человека, он живет как человек, на работу ходит как человек, а сам – кузнечик. Вот это самое худшее. Для окружающих кузнечика людей.

– А почему вас двое, Степан? – понизив голос до интимных интонаций, спросил Шульга.

– В глазах двоится? – хмыкнул колдун.

– Нет. Я про того, который в деревне. Настенин папа? – Шульга вдруг обнаружил, что не может проглотить сухое месиво, которое глотка протолкнула в пищевод, да там, между желудком и ртом, оно и застряло, выжимая из глаз слезы и заставляя кадык лихорадочно ходить вверх-вниз. Он покраснел, схватился за котелок.

– Думаю, клиент готов. Поскольку уже не лезет! – колдун хлопнул Шульгу по спине, и разжеванная масса быстро ушла из горла в живот. Тот понял, что на некоторые вопросы колдун ему не ответит никогда.

Топая к дереву, Шульга еще раз вслушался в свои ощущения, тщась определять хотя бы малое прикосновение «ключа»: искажение сознания, бьющую через край веселость, чрезмерную яркость оттенков, головокружение, появление внутри какого-то восхищенного и изобретательного другого, радостный лепет которого искажает не только реальность, но и того «тебя», кто эту реальность воспринимает. Но внутри было пусто, тихо и скучно, как в офисе, из которого вынесли всю мебель, подготовив к сдаче новому арендатору.

Подойдя к дубу, Шульга еще раз восхитился безмерной шириной его ствола: казалось, внутри мог спрятаться целый дом. Он погладил кору рукой – теплая, изрезанная морщинами, как кожа мудреца. Шульга присел, намереваясь подпрыгнуть и уцепиться за края дупла, но колдун прервал прыжок:

– Не прыгай. Не надо. Я подсажу.

Он подхватил Шульгу под мышки и медленно поднял вверх, так что Шульга почувствовал себя кошкой, которую хозяин подсаживает на подоконник. Оказавшись наверху, он ощупал вход: дупло было широким и как будто бездонным. Он спустил ноги в его колодец, уперся носками в стенки и начал медленно опускаться, находя внутри уступы и порожки на ощупь, как скалолаз. Здесь было душно и клаустрофобично. Резко пахло дубовой корой, но не было той затхлости, которую ощущаешь, спускаясь в подzemелье, сделанное из неживых кирпичей. Это напоминало ночную прогулку через ельник: точно так же ничего не видно и есть

возможность выбить себе глаз не видимой в темноте веткой. Спустившись настолько низко, что голова уже была скрыта темнотой, он поинтересовался:

– А что дальше?

– Вниз ползи, – отозвался Колдун напряженным голосом. – И не разговаривай.

Шульга обнаружил, что в рот, когда он спрашивал, набралось паутины. Он попробовал сплюнуть, но гортань была пересохшей, и избавиться от паутины не удалось. Тогда, закрепив положение в идущей вниз «трубы» упором на колено, он отпустил державшуюся за край дупла руку и поднес ладонь ко рту, чтобы достать паутину. И достал, и растер ее по тыльной стороне ладони, как вдруг колено поехало вниз, а носок сорвался с ненадежного уступа, найденного на шероховатых стенках дерева. Тело резко ушло вниз, причем полет успел продлиться как будто три, пять метров, и Шульге хватило времени подумать, что сейчас он упадет на камни и сломает ноги, руки, позвоночник, и его невозможно будет вытащить. Но тут ощущения тесноты, тьмы, жары, падения растаяли, а вслед за ними исчезло и дупло, в котором барахтался Шульга, и дерево, в котором располагалось дупло, и болото, на котором стояло дерево. После этого совершенно исчез и сам Шульга, так что удивляться стало некому.

Глава 23.

Выхухолев выключил газ под мармышелем и достал из белого кухонного шкафчика дуршлаг. «Ага. Вычищай потом», – сказал Выхухолев вслух, вспомнив, как прошлый раз, матерясь, вымывал мармышелевую слизь из ячеек дуршлага. Отложил дуршлаг и накрыл кастрюлю крышкой, слил воду и бросил к еще не до конца сварившимся, но уже

намертво слипшимся мучным изделиям «Барымак» кусок масла: пусть томится. Вскрыл тушенку, собирался, как обычно, отделить половину банки, а вторую оставить на завтрак, с хлебом, но вспомнил: сегодня праздник! Сегодня – не жалеть! Он ухнул в кастрюлю все, что было в жестяной кубышке с задумчивой коровой, изображенной с уорхоловским минимализмом. Размял, перемешал до относительно однородной массы, накрыл крышкой и обмотал полотенцем. Пусть маринуется. Сервелат на столе был уже нарезан. Осталось главное.

Выхухолев достал из кармана коробочку «спецторга» с новыми звездами, взял одну и бросил в пятидесятиграммовую ступку, из которой обычно замахивал по вечерам. Звезда на дне рюмашки смотрелась не достаточно празднично. Выхухолев выбросил ее в ладонь и, зажав в кулаке, поискал граненый двухсотпятидесятиграммовый стакан. «Вот это тема», – сказал бы он себе, если бы был на двадцать лет моложе и жил в столице. А так он сказал себе: «Подойдет». Протер стакан вафельным полотенцем до праздничного блеска. Вбросил звездочку на дно. Достал из морозильника бутылку «Аквадива», покрытую полярной изморозью. Водка лилась в стакан, медленная и тягучая, как нефть: стакан тотчас же покрылся ледком. Влезла ровно половина бутылки. Глядя на арктический натюрморт у себя на столе, Выхухолев вдруг вспомнил загадочное заклинание – «студзёный вырай». «Студзёный вырай» – а что это? На каком языке? На болгарском, что ли? Какой-то ледяной мираж, а откуда вдруг прыгнул в голову? Ну конечно! Янка Брыль – белорусский писатель из школьной программы, роман «Птушки и гнезда», повесть первая! Томик «Вырая» стоит на полке, странно, что не выкинул.

Латунная звезда, залитая водкой, напоминала подводный клад, найденный полярниками, искавшими в шельфе не скучное золото, а сланцевый газ. Можно было начинать.

Когда Выхухолев был лейтенантом празднование собственных подполковничьих погон представлялось ему совершенно по-другому. Мыслился огромный, роскошный ресторан. Толпа друзей подшафе, поднимающих тосты за успех Выхухолева. Танцы на столах, пьяное катание по городу с залпами из табельного оружия. Много смеха, шампанское, дурь и веселье. Уже дослужившись до капитана, Выхухолев понял, что эта картинка человеческого счастья не исполнима. Не потому, что пьяным кататься по городу за рулем с включенным красным проблесковым и стрельбой из «Макарова» капитану, майору и даже подполковнику вообще нельзя. В принципе-то можно договорится, оформить бумажно, запрятать, объяснить. Но сам процесс договаривания убивал кураж и чувство вседозволенности. Более того, чем выше было звание, тем громче становился тот голос, который говорил изнутри головы: «Выхухолев! Не дури! Возьми водки и посиди тихо дома». Дослужившись до майора, он обнаружил, что и друзей – хмельных и бесшабашных друзей юности, вокруг не осталось. Они не выдержали естественного отбора, который диктует любая карьера. Вокруг были сослуживцы, и рожи у них были кислыми. Теперь, разливая в участке скудные пять бутылок для всего отдела (больше было нельзя, чтобы не началось гусарства), он вдруг сообразил, что на уровне подполковника все еще хуже. Потому что поднимали бокалы «за профессиональный рост и продвижение» даже не сослуживцы, но – подчиненные. Больше всех усердствовал Андруша, к которому хотелось подойти прямо посреди «проставы», когда он еще не успел опрокинуть в себя содержимое пластикового стаканчика, и от души двинуть в ухо. И ничего при этом не объяснять. И это было бы обжигающе приятно – примерно так же приятно, как раньше, в юности – принимать поздравление толпы друзей подшафе. Но не подошел, не двинул. Потому что подполковник.

Праздновал, в строгом соответствии, дома. Приглашать разделить трапезу было некого – не Андрушу же! Не остальных же подчиненных! А жена от него ушла, да. Выхухолев протянул руку к стакану, но вдруг вспомнил об одном деле, которое нужно закончить до того, как омыwać новые погоны. Он достал мобильный телефон, набрал номер, включил громкую связь и положил телефон рядом со стаканом.

– Сергей Макарович? – сказал он наигранно весело, изображая бурное веселье по поводу присвоения очередного звания. – Подполковник Выхухолев беспокоит!

– Чего надо, Выхухолев, – в трубке жевали.

– Во-первых, позвольте поблагодарить вас за присвоение очередного звания, Сергей Макарович! Служу Советскому Союзу!

– Вольно, Выхухолев. Когда простишься?

– Как только, так сразу! – Выхухолев сам не понял, что это значило.

– Динамишь, Выхухолев! А это вредно для карьеры, – жевание в трубке прервалось хрустящими звуками, видно, собеседник разгрызал какой-то аппетитный хрящ. – Так а надо тебе что?

– Сергей Макарович, тут у нас новости по убийству в Малиново.

– Что, тело опознали?

– Нет, тело не опознано! Так а что вы хотите? 20 тысяч человек в год по республике пропадают. Мы сообщили приметы, сверили, они там в республиканском будут искать совпадения по обращениям. А может, родственников нет? А может, он из России гастролер? Мы ж не знаем! Его и не опознают, может, никогда. Будет в леднике у нас мерзнуть.

- Что за новости тогда?
- Мы нашли этого... – Выхухолев хотел сказать «убийцу», но что-то заставило его произнести по-другому. – Винавника нашли, Сергей Макарович!
- Ну ни хуя себе! – в трубке перестали жевать. – Это как?
- Задержан. Разбойное нападение на гипермаркет «Каприз».
- А с делом в Малиново как связан?
- Да непосредственно! Оружие убийства. Это вообще известный у нас в районе балбес. Пятница, может, слышали?
- Что-то слышал, да. Ты, по-моему, и говорил.
- Он из синих. Рецидивист. Сидел за мелкие кражи, наколот весь.
- И что? Что с оружием убийства?
- Он попытался магазин ограбить. С помощью пистолета «ТТ». В теле в Малиново пулевое отверстие как раз из «ТТ», помните?
- Не помню. Ну и?
- «ТТ» вы знаете. Пистолетик редкий. Это не «Макар», который тут скоро у каждого таксиста под сиденьем будет.
- Так а ты уверен, что из этого ствола в Малиново стреляли?
- Чтоб уверенность была, экспертиза нужна. Пули-то у нас нет. А экспертизы мы не можем. Из-за...
- Ну, понятно. Не можем, да. И что?
- Емкость у «ТТ» – восемь патронов. У Пятницы в обойме было семь.
- Интересно.
- Интересно. Ну и из ствола воняет так, как вот когда из «Макарова» в тире отстреляешь. Так воняет. Как будто в работе был совсем недавно.

- Очень хорошо. То есть, Пятница этот в Малиново убил?
- А какие варианты? Рецидивист. В тюрьме полжизни прожил. Кто еще?
- А что с Кабановым? С основным подозреваемым?
- Вот тут как раз, Сергей Макарович, и загвоздочка. Дело в том, что его Валька уже отработала. Получил семеру на прошлой неделе.
- Что ты говоришь?
- Ну, вот такая у нас ситуация. Да.
- И что невинно осужденный? – собеседник возобновил жевание, но оно стало нервным, как будто поглощением пищи он пытался сгладить раздражение. – Будет на тебя в суд подавать?
- Опять же. В том и щекотливость, понимаете... Я с ним работал... Ну как с сыном родным. В камеру приходил по ночам... Разговаривал... В общем. Он совершенно убежден, что он стрелял.
- Как так?
- Вот так получилось.
- Почки отбил, значит? – Сергей Макарович снова сплюнул.
- Да если б я ему почки отбил, он бы кассуху писал. А он правда верит. Он выпимши был в ту ночь. Вот мы с ним вместе и решили, что если суд сказал, что он убил, значит, надо искупить.
- Блядь. Выхухолев. Ну ты мастер! У меня слов нет.
- Душевный подход, Сергей Макарович.
- Так и что Кабанов?
- Готовится к этапированию. Доволен, что позволили искупить. Приговор обжаловать не собирается. Семь лет это вообще не срок, честно говоря, за убийство.

- Возвращаемся к Пятнице, – предложила трубка.
- Возвращаемся к Пятнице, – поддержал Выхухолев. – Смотрите. Обвинение ему пока не предъявляли.
- А почему? Непорядок! – в трубке громко выпили какой-то жидкости.
- Потому что непонятно, что предъявлять.
- Что значит непонятно? А убийство?
- Убийство я предлагаю Кабановым закрыть. Потому что начнем сейчас расследовать. Выяснятся детали. Что там при теле было... Ну, вы понимаете.
- Понимаю, – вдруг с готовностью сказала трубка. – Понимаю. Кабанов удобен, да. Ну так за вооруженное ограбление его тогда проведи.
- Вот тут тоже у нас проблемочка. Смотрите. Вооруженное ограбление проводим по документам. Акт изъятия на пистолет «ТТ», его сразу – в экспертизу. Начнут проверять, что еще. А тут как раз свежачок из Малиново. С дырками в теле из «ТТ».
- Так приברי там пистолет!
- «Протокол предварительного осмотра» помните я вам направлял? Там где при теле ничего не найдено? Помните?
- Ну, помню.
- Я сегодня проверил, там указано про пулевые отверстия пистолета калибра 7,62 «Тульский Токарев».
- Приברי тогда протокол!
- Да как приберешь? Он же в деле пришит! А дело уже закрыто! Кабан уже семеру получил.
- Действительно, незадача, – согласилась трубка. – Так влепи ему тогда незаконное хранение. И определим на пять лет.

- А какой ствол он будет «незаконно хранить»? «ТТ»?
- Еб твою мать, Выхухолев! Еб твою мать! – в трубке что-то громко лязгнуло. Возможно, вилка ударила по тарелке, возможно, ложка была с негодованием отправлена в суп. – И что?
- Вот я не знаю, что, – вздохнул Выхухолев. Он бросил полный лермонтовской грусти взгляд на кастрюлю с макаронами. – Не знаю.
- Слушай. А какая картина из показаний Пятницы следует? За что он дурика этого пришил?
- Вы понимаете, я с ним следственных действий не проводил. Потому что куда подшивать протокол допроса? К какому делу?
- Ну а в разговоре?
- А в разговоре – он же зек. Тертый волк. Я его прессую, а он несет какую-то пургу – про то, что пистолет ему ухарь залетный продал. Буквально вчера.
- Вчера?
- Вчера.
- А деньги у Пятницы откуда? На пистолет?
- Так он и это продумал, сука! Он так врет: ухарь за ствол попросил всего ничего. Только на автобусный билет до Минска. Взял и пошел на автостанцию. Говорит, мелкий какой-то. Молодой. Зековатый такой весь из себя, но не зек. Как он выразился «пацанчик, не мужик». Пятница еще приплел, что звали ухаря как-то дивно. Хорек. Или Грызун. Он не мог вспомнить.
- А если ему действительно пушку какой-то специалист отдал? Заказ выполнил, оружие слил, чтобы следы запутать. И уехал. Про автовокзал, ясно, ерунда. Но сценарий интересный.

– Как-то мудро, Сергей Макарович! Это ж Пятница! А он зек! Его попрессуй как следует, он еще десять версий сообразит! Он и пришил. Может, по пьяни. Может – нет. Главное – это не важно.

– Так что ты предлагаешь, Выхухолев?

– Я, Сергей Макарович, ничего не предлагаю. Я вообще за тем и звоню, чтобы уточнить, как быть сейчас. Но если б вы спросили моего мнения, мнения снизу, из участка, так я бы так сказал. Пятницу этого выпустить. Предупредить, чтобы не шалил. И выпустить.

– Выпустить? – удивилась трубка.

– Ну а что? Он у меня теперь на учете будет. Буду проверять, что делает, следить, чтобы не бузил. Выпустить. Тут со всех сторон польза. Не надо будет новую уголовку возбуждать. Польза? С учетом наших с вами... Обстоятельств.

– Польза, – согласился Сергей Макарович.

– Не надо будет Кабанова выпускать. Он же писать начнет. Жаловаться. На меня. На всех. Может и вас задеть. Польза?

– Польза.

– Ну и в конце концов. Дело закрыто. Преступник осужден. Концы в воду, как говорят моряки. Можно забыть и двигаться дальше. Польза?

– Ну да. Польза, – подумав, сказал собеседник. – Польза. А с пушкой ты что будешь делать?

– Что делать? А что с ней делать? Пойду на Докольку, утоплю. В районе белого моста. Ее илом занесет, и всех делов.

– Вариант. Вариант.

В телефоне молчали, и Выхухолев снял с плиты кастрюлю с мармышелем. Стараясь не производить шума, он размотал полотенце. Мармышель все еще хранил тепло, но оно было ненадежным, как сон больного простатитом.

– Выхухолев, – наконец, сказала трубка. – Так мы и поступим. Хорошо ты все расписал. И мы ровно так и поступим. Но, – трубка замолчала.

– Но? – переспросил Выхухолев.

– Но... Так просто... На будущее... Как повод подумать... Тебе, подполковник, подумать... Тебе не кажется, что все это неправильно, а... Вот так... По большому счету. Несправедливо. За убийство невинного на семь лет упек? Упек. Убедил и упек. И радуешься. Убийцу вроде словил, но случайно. Случайно, Выхухолев? А? Случайно. И теперь его еще и отпускаешь. Как это, Выхухолев? Нормально?

– Не нормально, – тихим голосом, изображающим раскаяние, ответил милиционер. – Не нормально. Будем совершенствовать...

– Вот не надо только, – оборвала его трубка. – А вообще – поздравляю с присвоением очередного звания. Поздравляю, блядь! Бывай.

Связь рассоединилась. Выхухолев раздраженно потер подбородок и замахнул водку в три крупных глотка. Она обожгла гортань – то ли льдом, то ли огнем, то ли огнем и льдом вместе взятыми. Выплюнул звезду на правую ладонь и – как учили еще лейтенанта Выхухолева, – впечатал знак отличия в левое плечо – туда, где на кителе размещается погон. Приложил ладонь к виску, отдавая честь. Отдавая честь. В голове приятно покачнулось. Он встал и вдруг заговорил, отвечая молчащей трубке.

– Не правильно? А что, блядь, правильно, а? Что у меня, блядь, на весь район два отряда милиции, блядь, правильно? Что я погоны полкана тушенкой с мармышелем праздную правильно? Правильно-не правильно, блядь!

Он расхаживал по кухне, чувствуя, как заводится до потемнения в глазах, до сжатия кулаков, до желания сорвать все кухонные ящики и перебить посуду.

– На хуй мне твоё правильно? Что ты, блядь, знаешь о «правильно»? – он орал в отключенную трубку. – Чтобы преступник был наказан, не я делаю. Он делает! – Выхухолев вздернул руку вверх и ткнул в потолок. – Он делает! Он наказывает! Он награждает! И если, блядь, у меня невиновный на семеру уходит, Он виноват! Не я! – Выхухолев обратил лицо к потолку и выкрикнул куда-то в сторону люстры. – Что ж не проследил, блядь? Дел много, да? Блядь? Не до Кабанова чмошного?

Он метался по кухне, расшвыривая попадавшие на пути табуреты и стулья.

– У! Меня! Задача! Обеспечить! Порядок! – он взял трубку, поднес ее к уху и начал кричать прямо в динамик. – За справедливость – к Нему! – Выхухолев снова погрозил пальцем люстре. – К Этому за справедливость! Я охраняю порядок! Порядок! Журналистик этот не пиздит? Петрович? А? Не пиздит! Молчит! Почему? Потому, что я поработал! По справедливости – может, и неправильно! Но для порядка – верно! Кабанов не бухает? Не бухает! И семь лет бухать не будет! Выйдет исправленным! Будет, блядь, старух через улицу переводить! Нормально? Нормально! Пятница задержан? Задержан! Я ему, блядь, перед выходом! Я ему, ссуче! Он у меня больше никого не убьет! А справедливость? На хуй кому твоя справедливость?

Он бросил телефон на стол и открыл кастрюлю. Мармышель остыл, превратившись в подобие окаменевшей колонии кораллов. Милицционер обреченно отковырнул кусок слипшейся субстанции, запихнул его в рот и стал равнодушно мять зубами, сопя, как тюлень во время циркового представления. Разжевав сглотнул, отковырнул еще. Мармышель был холодным и липким, как сопля мертвеца. Но он продолжал прожевывать и сглатывать, глядя на стол перед собой. Празднование присвоения очередного звания можно было считать завершенным.

Глава 24.

Самым важным в таких случаях было зайти последней и сесть отвечать последней. Билет номер двадцать пять. Структурный психоанализ Лакана. Девчонки сначала не хотели пускать, особенно старалась та крашенная милка с потока, «она занимала», ну ты ж понимаешь! Но Вичка объяснила, что она, Вичка, занимала еще в начале семестра и что корни подкрась, блядь, и та решила не связываться – ноготки-то у Вички свеженарощенные, с иероглифами на твердом лаке: такими ноготками фонарный столб можно порвать, не то, что какую-то снегурочку из Столина. Да и шансов на Какашу у этой кобылки не было никаких: про воск она ничего не слышала, все лицо было в угрях, кожа дряблая, как у тридцатилетней старухи. Пришло, чудо, экзамен сдавать! Снегурочка смирилась, зашла в последней пятерке, но не последней, и только что с ревом выбежала из аудитории, получив свой кол в сердце.

Структурный психоанализ Лакана. Шансы были, были. Стринги по-инквизиторски резали кожу между ног: дешевый китайский нейлон, зато цвет красный и мальчикам нравится. Знали бы мальчишки, как порой страдают их красавицы, их королевы. Похоже, на писе уже бордовые борозды от трусиков, раньше ж не резали так. Во рту вкус клубнички – жевачку, что ли, жевала? Хотя нет, какая жевачка, это блеск для губ – обмахнулась кисточкой перед тем, как зайти в экзекуторскую.

Настроение Какаша сложно было понять: его Вичка вообще понимала и чувствовала плохо. Основной проблемой было то, что очень сложно было определить, когда Какаша серьезен и пригоден для флирта, когда весел и всех вокруг выстебывает. Какаша был человеком молодым. Нет, поправочка. Какаша был человеком еще молодым. На лысом черепе громоздились хипстерские очки, которые должны

были его делать секси, но делали похожим на человека-молотка из фильма группы Pink Floyd «Стена». Но надо было установить контакт. У него таких коз проходит две сотни в год, он и лиц-то поди не замечает. Обратить на себя внимание. Установить контакт, точно.

– Аркадий Николаевич, – Вичка по-пионерски подняла руку, зная, что мужчинам это нравится. – Аркадий Николаевич. Можно попросить вас открыть окно? А то душно как-то? Ну пожалуйста?

Преподаватель был увлечен Машей Арсеньевой – задроткой, которая реально готовилась к экзаменам. Вот уж где ни сиси, ни писи, только книжками мужиков брать.

– Открывайте, – Какаша даже не посмотрел на Вичку.

Структурный психоанализ Лакана. Что это вообще такое? Учебник она не открывала весь семестр и даже не была уверена, что по предмету, который ведет Какаша, есть учебник. Вичка три раза появлялась на лекциях Аркадия Николаевича, но два раза была с бодуна, а третий раз после ночи диких танцев с азерами в «Белой веже». О преподавателе она тогда поняла, что человек он серьезный, предмет у него сложный, а слово «метанарратив» прекрасный заменитель слова «пиздеж» в тех риторических ситуациях, когда такой заменитель нужен. Структурный психоанализ Лакана. Вичка сделала вид, что пишет что-то по теме билета, нарисовав кружочек. Потом она поставила в кружочке точку. Спыхватившись, подумала, что кружочек с точкой напоминает сиську и преподаватель еще решит, что она психованная, раз рисует сиськи. Она нарисовала вокруг кружочка с точкой лепестки, превращая его в цветочек. Структурный психоанализ Лакана. Вчера в «Мэдисоне» подкатил роскошный итальянец, около полтоса, такой и ночью не измучает, и в ювелирный с ним можно сходить, и перспектива развития отношений. Своя-то, небось, уже к моло-

дому ускакала, а дому в Риме нужна хозяйка – павлинов кормить. А что их кормить – взяла корма для кур, всыпала. Но итальянец ни шиша по-русски: они обычно могут три слова – «привет, малышка», «меня зовут Рикардо», «пошли ебаться, гы-гы». А этот вообще ничего. Сидел, улыбался. Они так поулыбались друг другу час, а потом подошел Ашот и увел ее за барную стойку кормить «Мартини». Вот и весь структурный психоанализ Лакана. Просто вопрос подрачки как-то задан. Она потому и понять не может. Что такое «структурный психоанализ Лакана»? Это нужно психоанализировать Лакана? Или это психоанализ, который принадлежит Лакану? Надо будет спросить у Какаша. Он сразу поймет, что перед ним не соска сидит, а человек внимательный, вдумчивый. Хотя красивый и с ухоженным телом. Маша Арсеньева уже отвечала на дополнительные вопросы – кивала своей невымытой головой и, размахивая руками с обгрызенными ногтями, что-то пространно втирая про «отсутствующую структуру». Сиськи у тебя отсутствуют, пизда! Не утомляй Какашу! Ему еще с людьми работать! Вичка снова попыталась установить контакт, вперившись в преподавателя взглядом, но тот не отрывал глаз от Маши Арсеньевой. Наконец, прозвучало долгожданное и страшное: «Следующий!» Он бросил вслед уходящей Арсеньевой: «Очень хорошо! Лучшее выступление сегодня!» – и Вичку сдавила грудная жаба – сейчас сложней будет впечатлить, очаровать, он уже, сука, очарован. Держа спину прямо, грудь вперед, подбородок – параллельно полу, она продефилировала через аудиторию к столу. На ее лице было выражение «Я печальна, ковбой, меня предал индеец», которое хорошо прокатывало с ботанами (программисты с окладом после двух штук, которые иногда заходят в клубы по укуру; редакторы, которые в клубах живут; детки известных бандитов, отучившиеся в Праге и теперь ищущие

места под солнцем). Это выражение на лице самки вызвало в ботанах воспоминание о том жеребце, которым они могли бы быть, если бы Бог снабдил их чуть меньшим мозгом и чуть большими яйцами. Но Какаша – о ужас! – смотрел в ведомость, что-то черкал в ней, и ее божественное гарцевание осталось без его внимания. Вичка уселась в позу, подсмотренную на рекламе Dior из последнего номера Cosmopolitan – расслабленная роскошь, уверенность в себе, которую можно заполучить на ночь, ну или хотя бы на чашку кофе.

– Фамилия, – сказал преподаватель.

– Есюченя, – бархатистым голосом произнесла Вичка и наклонила голову, пытаясь, выудить взгляд Аркадия Николаевича, распластанный по бумагам. – Я последняя. Мы с вами остались одни.

Что-то щелкнуло в мозгу Какаша, по всей видимости отреагировав на фразу, которую женский голос ему не произносил очень давно. Если вообще когда-нибудь произносил. Он посмотрел несколько секунд сквозь Вичку и заключил:

– Ну да, точно. Вы последняя. Билет номер?

– Двадцать пять. Структурный психоанализ Лакана. И я как раз хотела вот спросить...

– Лакан это хорошо, – улыбнулся Какаша и поднял голову. Его глаза были полны Лакана, и женской красоте в них места не было. – Начнем с истоков. Как вы понимаете психоанализ вообще?

Преподаватель сбил Вичку с мысли и разрушил план ее ответа, который должен был начаться с объяснения двойственного значения словосочетания «Структурный психоанализ Лакана». Это объяснение позволило бы ей продемонстрировать собственный ум и то, что она не соска, а человек с пониманием. Пусть красивая и с

ухоженным телом. Кроме того, в голову Вички без всякой связи с вопросом и по-чему-то именно сейчас пришла мысль, что если она провалит экзамен, это будет катастрофой, потому, что одна задолженность у нее уже есть, а за вторую задолженность по сессии ее просто отчислят, а на бесплатное она потом уже не восстановится, так что придется всю жизнь, что ли, без высшего образования? Мама имела высшее образование, папа имел высшее образование, а она что? И все – вот из-за этой нечесаной Маши Арсеньевой? Кроме того, вопрос был глуп, ну кто не знает, что такое психоанализ? Зачем про такое спрашивать?

– Психоанализ? – она сделала удивленное лицо. – Психоанализ – это Фрейд.

– Да-да, Фрейд. Не только, но и Фрейд, с него началось. Но как вы его понимаете? Психоанализ Фрейда? – Какаша говорил быстро, куда быстрее, чем привыкла думать Вичка. Вичка же отвечала медленно, так как во-первых, знала себе цену, во-вторых, когда женщина говорит медленно, это красиво и остается возможность для мимических движений.

– Фрейд, – медленно произнесла Вичка и мечтательно закатила глаза. Она заметила, что это ее неспешное мурлыканье уже привлекло внимание преподавателя. Он оторвался от зачетки и ведомости и внимательно смотрел на девушку. – Фрейд это... Ну... Когда по Фрейду, – Вичка поправила рукавчик и поиграла плечиками. На экзамен она надела блузку, которую и в клубы надевала не всегда: она была сделана из полупрозрачного тонкого шелка и через нее томительно проглядывала грудь. Бюстгальтер она не надела, так как, по ее мнению, сверкать нижним бельем в таких случаях – куда более вызывающе, чем сверкать собственно телом.

– По Фрейду? – помог ей преподаватель.

– По Фрейду, – согласилась Вичка. – Ну по Фрейду это когда девушка неудовлетворенная. Ну не по жизни. А конкретно. Когда она хочет секса. Понимаете? – Вика грустно улыбнулась кончиками рта, показывая, что ей это состояние, увы, знакомо. – Когда у нее нет молодого человека. Который бы ее регулярно. И вот она везде куда не посмотрит, видит... – Вичка хотела сказать «хуй», но вовремя исправилась, – видит мужские половые гениталии.

– Очень интересная трактовка, – Какаша нервно протер глаз под очками. – Очень интересная. Ну а структура личности, вытеснение, симптом?

– Симптом, да! – согласилась отвечающая. – Это когда допустим хочешь сказать «челн», ну, лодка такая, а говоришь вместо этого – «член». Или вместо «секта» говоришь «секса». Это называется оговорка по Фрейду. И это реально симптом. У нас с девочками было...

– Симптом? – прервал ее преподаватель, покачав головой. – Это симптом?

– Да, симптом! Ну, того, что надо бы уже! Что девочка созрела, – Вичка попробовала на нем ту улыбку, которую общала губам, когда после трех коктейлей с «Мартини» решила, что можно согласиться отвезти себя домой.

– У меня нет слов. В *Cosmopolitan* прочитали?

Вичка уклончиво пожала плечами: этот жест мог означать как: «Что вы! *Cosmopolitan* не читаю!», – так и: «А вы видели, какие у Сары Джессики Паркер тупельки на обложке в прошлом номере?»

У нее было две хорошо отрепетированные и продуманные до мелочей роли, чередование которых всегда заставляло мужчин, сидящих перед ее грудью, сходить с ума. Это были роли дуры и роли умной, но не вполне удачливой в лич-

ной жизни (из-за своего ума) женщины. Если мужчина ей попадался умный, она включала дуру, и это побуждало мужчину вовлекаться и помогать. Если мужчина у ее груди был глупым, она помогала ему своим умом и своей мудренностью. Ловушка данной конкретной ситуации заключалась в том, что мужчина перед ней был вроде как умный, но дуру она включить не имела права, так как сидела на экзамене, который проверял как раз ее знания.

– А что ж вы с таким глубоким знанием психоанализа на лекциях у меня не бывали? – спросил преподаватель. В его голосе совершенно точно была издевка, но Вичка не могла понять: относится ли она к ее знаниям психоанализа, которые она, может быть, не до конца полно, но все же продемонстрировала, или к ее отсутствию на занятиях.

– Ну, понимаете. Родители мне не помогают. Мне приходится работать, – Вичка опустила голову, демонстрируя, какой у нее прекрасный затылок и изящная, нежная шея. – Я совмещаю учебу с... – она не нашлась, как определить свое круглосуточное пропадание в клубах. – С бизнесом.

– Бедная девочка, – совершенно серьезно сказал преподаватель. Кажется, он все-таки издевался. – Ближе к Лакану. Я хотел бы, чтобы вы строили свой ответ вокруг трех понятий. Реальное. Воображаемое. Символическое. Начнем, конечно, с воображаемого. Я думаю, уже тут мы все поймем о ваших знаниях.

– Воображаемое, – вздохнула Вичка и подумала о пляже в Хургаде. Мысль о пляже в Хургаде сообщала ее лицу выражение нежное и честолюбивое.

– Что такое воображаемое?

– Воображаемое это... – Вичка потерла себе сосок на левой груди, делая вид, что ей болит сердце: это должно было навести Какашу на мысль, что даже такая прекрасная, воз-

душная женщина может страдать от какого-нибудь страшного и, может быть, смертельного недуга, нуждаться в ласке и жалости. Сосок, соприкоснувшись с холодным искусственным шелком блузки, набух и сжался. Теперь это выглядит дело некрасиво, не симметрично: одна грудь с твердым соском, другая – с расползшимся, мягким. Вичка тыльной стороной ладони тронула и правую грудь, выгнула спину, показывая, какая же она притягательно зовущая.

– Воображаемое... – повторила она. – Это когда воображение. Воображение нам дано от природы. Природа – кладовая воображения.

– Воображаемое, – напомнил преподаватель.

– Воображаемое, да! – кивнула Вичка. – Воображаемое – это когда человек плохой, дурак, например. А сам воображает из себя. Но вы не подумайте, что я о вас. Вот у нас в клубе есть такая деушка, Юлька Пальчишина. У нее... Как сказать? У нее большой таз. Нереально большой. И с нее ходят все и ржут. У нее кличка Юлька Жопа Холодильник. Понимаете? – Вичка вдруг неожиданно для себя рассмеялась истеричным смешками и все никак не могла запрячь их обратно, даже за нос схватилась, чтобы смежить рот, успокоиться, и, кажется, размазала помаду, черт! – И вот эта Юлька Жопа Холодильник видит, что все мужчины на ее таз смотрят. И думает, что у нее такая попка, такая попка! Что все ее хотят в попку, понимаете? А про нее все – Юлька Жопа Холодильник! Вот это воображаемое.

– Что воображаемое? – переспросил Какаша. На его губы в какой-то момент легла тень улыбки, он, кажется, собирался засмеяться, возможно – по какому-то другому поводу, но не позволил себе, сдержался.

– Что воображаемое? – переспросила Вичка. – Ну, жопа у нее воображаемая!

– Интересно, – заключил преподаватель и покивал. – Интересно, – он неожиданно прыснул, но взял себя в руки. – Интересное у вас воображаемое. Ну а про стадию зеркала что расскажете?

– Про стадию зеркала? – переспросила Вичка. Вопрос поставил ее в тупик. Зеркало как-то было связано с «хуем» Фрейда и с «воображаемым» Лакана. – Ну, наверное, раз это стадия, это когда деушка, чтобы парня завести, танцует ему перед зеркалом. То есть, стадия примерно минут за десять до.

– И в чем проблема этой стадии? – преподаватель скрывал ладонью улыбку.

Вичка хотела ответить: в том встанет или нет, но, подумав, сформулировала более изящно:

– В том, найдет ли ее танец отклик. Или не найдет. Потому что не всегда находит.

– Очень интересно, – похвалил Какаша. – И обязательно перед зеркалом танцевать?

– Ну, кому как, – пожала плечами Вичка.

Ей показалось, что ее ответы прозвучали излишне примитивно и у преподавателя могло остаться ощущение, что она глупая женщина, ничего не знающая о жизни. Пусть красивая и с ухоженным телом. И потому она вернулась к теме воображаемого:

– Я хочу добавить еще. Про воображаемое. Воображаемое очень важно в сексе. Некоторые парни просто предлагают в туалете запереться, лицом к умывальнику стать и все. Ну, сзади. И еще смотрят на себя в зеркало. Во время. Нравится им. Но так не работает воображаемое. Чисто трение. Помастурбировать можно с таким же эффектом. А когда перед этим девушку приглашают в кинотеатр, дарят розы, все вроде бы тоже самое происходит. Что в клубе перед

умывальником. Только подключается воображение. Но не так, как у Юльки Жопы Холодильник. А по-хорошему. Все как в сказке происходит: в широкой кровати, в которой можно и так лечь, и так. И совсем другое ощущение из-за воображаемого.

– Знаете, – сказал преподаватель с чувством. – Вам, Есюченя, надо написать свой собственный учебник по Лакану. По Фрейдю. По психоанализу. С вашим прочтением теорий и примерами из клубной жизни. Стал бы бестселлером.

Вичка подумала, что если Какаша предлагает ей написать учебник, стало быть все не так плохо с ее знаниями.

– Значит, сдала, Аркадий Николаевич?

– Нет, Есюченя, – строго ответил преподаватель. – Категорически не сдала. Даже близко не сдала. Клубную жизнь вы знаете неплохо. Половую жизнь, – он брезгливо дернул губами, – тоже. Но за знание Лакана вам два балла, вы уж извините.

– Ну Аркадий Николаевич! Ну пожалуйста! – Вичка внимательно смотрела на него, пытаясь оценить, помогут ли слезы. – Меня отчислят, у меня уже есть одна задолженность. Ну пожалуйста, пожалуйста, – на всякий случай она выпустила скупой ручеек из правого глаза – пока тоненький и жидкий, так, чтобы не размазать тушь. – Я вам что угодно сделаю!

– Вы мне семинары Лакана сделайте. Так, чтобы от зубов отскакивали. К пересдаче.

– Ну отчислят же меня! – в ее голосе вдруг проявилось больше паники, чем нужно было. Кроме того, Вичка ощутила, что из подмышек полилась липкая, пахучая паника: она стремительно теряла царственность. – Мне ведь немного надо. Минимальный проходной балл. Ну пожалуйста. Я – любое желание! Любое – самое дерзкое! Прямо тут!

Преподаватель фыркнул и закатил глаза. Все летело к чертям. Все должно было быть не так. Она представляла сцену по-другому: заходит, дефилирует (сделано), посылает долгие взгляды (сделано, но не сработало), тербит себе соски (сделано), поддергивает себе юбочку (сделано). Клиент заводится. Она его еще больше распаляет разговором, в котором преподносит себя мудрой, знающей женщиной. Пусть при этом она красива, и у нее ухоженное тело. Клиент дрожит и умоляет ее отдаться. Она говорит с ним о психоанализе и оговорках по Фрейдю. Она объясняет ему все о сексе. Клиент блеет и бегаёт вокруг нее возбужденным козлом. Она снисходительно позволяет потрогать себе грудь, поцеловать в шею, затылок, получает за это высокую оценку и, если тип при этом не вызвал в ней омерзения, может быть, еще что-нибудь ему позволяет, по ситуации.

– Ну пожалуйста, – повторила она еще раз, чувствуя, что начинает закипать.

– Встретимся через неделю. На пересдаче.

А что ей эта пересдача? Еще короче юбку надеть? Так короче уже некуда! Трусики на ней – самые лучшие. Сиси тверже и привлекательней не станут. Что изменит пересдача? Сейчас отказался, на пересдаче откажется.

– Ну почему вы не хотите? – она наклонилась к нему, показывая грудь в другом ракурсе. Ее движение было встречено быстрым брезгливым прищуриванием, вообще, этот мудохлик все время морщился, что он, баб боится, что ему, не надо, что ли? Голова у Вички заполнялась пульсирующей багровой яростью. – У тебя не встает, котик? Не встает вообще? Ты импотент, да? Или тебе, блядь, мальчиков? Ты с мальчиками? Не с девочками? Что, сука, моргаешь? Меня, блядь, знаешь, какие люди добиваются? Осыпают

цветами, стихи пишут! Встречают, провожают, платят, чтоб я просто минутку рядом постояла! Знаешь, какие люди? Да кто ты вообще такой? Давай, блядь, пятерку ставь, иначе тебя, блядь, закопают на хуй! Приедут, отхуярят, а потом Лакана этого тебе в жопу засунут! В ведомость давай пиши!

Вичка увидела, что Какаша закрыл зачетку и в разлинованной ведомости в единственной не заполненной клеточке крупно и четко написал «2\два». Она думала взять стул и ударить преподавателя по голове, но вдруг сообразила, что это уже ничего не изменит. Во всяком случае, в лучшую сторону. Цокая каблуками и чувствуя, как горячее льется, льется из глаз по щекам и щекочет губы, она распахнула дверь в аудиторию и ступила прочь и – вниз лететь, лететь вниз, сгруппироваться по возможности, Шульга упал плашмя, амортизировав упором на руки, но все равно было больно: под ладонями, которые вдруг стали его, Шульги, ладонями, ходило ходуном болото, наверху было дупло, из которого он вывалился, рядом стоял Степан, уже тянувший руки, чтобы помочь встать. Шульга полежал несколько секунд, приходя в себя и осознавая себя Шульгой. На пальцах больше не было длинных, неуклюжих ногтей, ноги не были вывернуты каблуками. Ощущения телесности поменялись, даже цвета как будто воспринимались по-другому, по-мужски, без изменений остался только привкус земляники, земляники – полученный, конечно же, из луковичек, которые ел перед тем как..

– Это что, блядь, было такое? – крикнул он, поднимая голову.

– Это бой был.

– Это пиздец был, а не бой! – не согласился Шульга.

– Нет, это именно бой, – настаивал колдун.

– Вы вообще знаете, что там? Там весь пиздец! Там лютейший пиздец, там просто...

– Я не знаю! И знать не хочу! Что произошло – только между тобой и болотом.

– Я бабой был! Какой-то молодой бабой! Которую чуть на хуй не посадили!

– Не знаю и знать не хочу.

– Мне экзамен нужно было сдать, а я не мог. В смысле, не могла. Не, ну это вообще!

– Экзамен ты не сдал? Не сдала? – уточнил Степан.

– Там без вариантов! Ну, то есть, конечно, можно было – упрасивать, но я закипел что-то.

– Ну, значит, не твой клад. Не твой.

Шульга приподнялся на четвереньки, вдумываясь в приговор, озвученный Степаном.

– То есть, все?

– Все.

– А если повторить?

– Что толку? Будет ровно то же. Был бы бой по тебе, вышел бы победителем.

– То есть не надо было мне психовать?

– Откуда ж мне? Я вообще не должен знать, как у тебя там прошло.

– Так я ж не знал, что это бой! Я вообще себя Шульгой не помнил. Какая-то Вичка! Вичка Есюченя! Полная подмена! Я не о кладе думал, а о том, как мне труселя в промежности натерли. И о том, какой я красивый. И тело ухоженное. Не, это не пересказать даже! Так а точно все?

– Точно.

– Без вариантов?

– Без вариантов.

Шульга добрел до костра, обхватил голову руками и надолго замолчал. Похоже было на то, что он заснул вот так, согнувшись. Степан закипятил в котелке воды и заварил чая из трав. Чай пах полевым ветром, грустью и расставанием. Такой чай хорошо пить, уезжая в путешествие, из которого можешь не вернуться. Растолкал Шульгу, протянул ему чашку. Шульга глотнул и заговорил, покачиваясь:

– Очень серьезные люди дали деньги. До хуя денег. Деньги были на дело. Мы должны были их передать другим серьезным людям. Деньги мы проебали. Деньги забрали менты. Местные менты. Глусские. Нас уже ищут или скоро начнут искать. Найдут. Без вариантов. Хомяк думает, что его не найдут, но найдут и его. Серому уже по хуй. Положат по одному. Закопают где-нибудь. Без крестов. Если вообще закопают. Такие дела.

Степан выслушал его внимательно, глядя на огонь.

– Мне мой дед говорил. А он тоже на болотах жил. И его дед на болотах жил. Так вот, дед говорил: если на тебя напал волк – договорись с волком. Мудрость народная.

– Вы имеете в виду, – переспросил Шульга, – что не надо от бандитов бегать? Пойти в деревню. Собрать пожитки. Выдвинуть в Глуск. Прийти там в участок. Найти какого-нибудь важного мента. И все по чесноку ему выложить. Так и так. Деньги, которые вы взяли, – очень серьезных людей. Я от этих людей. Деньги не отдадите – вам пиздец.

– А еще дед говорил. Если с волком не удастся договориться и он все же напал, не нужно пытаться свернуть ему шею или вырвать горло, – Степан понюхал душистый чай в своей чашке и довольно улыбнулся. – Потому, что волк – сильней человека без ножа. А что нужно сделать, так это сжать

руку в кулак и пропихнуть ее волку в глотку. Волк будет пытаться инстинктивно заглотив ее глубже, не надо этому мешать. Наоборот, нужно пихать кулак глубже, до кишок. Так, чтобы зверю нечем стало дышать. Если все сделать правильно, волк умрет из-за своей кровожадности.

– Захожу к менту, – Шульга встал на ноги и начал ходить по поляне. – Захожу, предъявляю: верните деньги, пацаны. Хуже будет. Дальше два варианта. Если менты умные – отдадут. Если наглые – посадят. Отдают – проблема решена. Садят – тоже, в общем, решена. На зоне на меня братва от серьезных людей выйдет, я им все как есть объясню: пытался. Клады искал. Звезды с неба ловил. К ментам пришел, деньги вернуть просил. Не отдали – посадили. Они все проверят, историю с Жирным пробьют. Ментов прикопают. Деньги из жен повытряхивают. Серому – почет и хвала посмертно. Соорудят гранитный обелиск на Кальварии. Хомяку – осуждение за то, что стрекача задал. Мне – черный пояс по рулению вопросов. Хоть какой план!

– Пойдешь? – прищурился Степан.

– Пойду, – согласился Шульга. – Прощаться будем.

– Суетливые вы все, – осудил Степан. – Изнутри головы живете. Придумаете себе какую-то проблему и скачете, зажмурившись. А вокруг – мир. А в нем решений – куча. Только глаза раскрой.

– Спасибо! Подсказали! – искренне отозвался Шульга.

– Я тебе ничего не подсказывал, – покачал головой колдун.

– Мы не увидимся уже, наверное, дядя Степан, – Шульга протянул ему руку. Тот улыбнулся в капитанские усы и сказал, акцентируя каждое слово:

– Люди не расстаются навсегда.

Глава 25

Стояло раннее утро. Листья деревьев были влажными – то ли от росы, то ли от ночного дождя, а голова Выхухолева трубно гудела от мучительной ночи, в которой он сквозь сон разговаривал то с Богом, то с начальством, то с организованной и неорганизованной преступностью. Он подошел к участку, когда телефон завел мотивчик из мультипликационного фильма «Винни Пух». Хрипловатый голосок, выведивший «хорошо живет на свете Винни Пух», больше не казался Выхухолеву похожим на его собственный голос. «Надо сменить мелодию», – раздраженно подумал Выхухолев. Он снял трубку и включил громкую связь.

– Здорово, подполковник! – гаркнула трубка.

– Здравствуйте, Сергей Макарович, – смиренно отозвался Выхухолев. На секунду ему стало страшно, что вчера, когда он кричал на кухне, он не разорвал соединение и собеседник слышал его матерщину и проклятья.

– Выхухолев. Я взвесил. Раз уж дело закрыто. Ну как оно у тебя закрыто. То есть через жопу, прямо скажем. Но раз уж закрыто. Давай-ка мы с тобой встретимся.

– Понял, Сергей Макарович. Уже можно?

– Можно, Выхухолев.

– У меня дома лежит. Дома у меня, не с собой. Так я заеду в обеденный перерыв домой и – сразу к вам.

– Езжай тогда на фазенду мою. В особняк.

– В первый или второй?

– В тот, который за городом.

– Понял, Сергей Макарович.

Выхухолев учтиво поклонился, не помня, что собеседник его не видит.

- Буду ждать.
- Мне позвонить?
- Нет, можешь не звонить.
- Так а мне все брать? Или как?
- Бери все. У меня поделим.
- Ясно! Буду!

На миг в голове милиционера мелькнула идея: а не отдать ли совершенно все? Что, если не оставить себе ни копейки? Показать, что есть у него гонор и вообще. Но Выхухолев – строгий, рациональный Выхухолев, под гнетом которого душевный, веселый и способный на безрассудство Выхухолев жил последние двадцать лет, рявкнул: «Выхухолев, не дури! Возьмешь свою долю и скажешь «спасибо»!

Глава 26.

Шульга вышел проститься со двором своего детства. Прощелся по тропинке, ведущей к хлеву, стопке, курятнику. Залез на ворчливую лестницу, ведущую на чердак над сараем: толкнул дверцу, та осела на прогнивших петлях и провалилась внутрь. На чердаке, застеленном соломой, громоздилась древняя прялка, у входа лежало рассохшееся и треснувшее веретено – предмет из волшебных сказок про заколдованных красавиц. Он присел, упершись ногами в лестницу и посмотрел вдаль – на не исковерканный многоэтажками первозданный горизонт, древний, как море. Туда, прочь, к небу, тянулись поля, горизонт разрезали гривы далеких, как сон, лесов. Горизонт ничуть не поменялся с тех пор, как Шульга курил тут первую в своей жизни сигарету, украденную из дедовской куртки.

Посмотрел на хату. Дом будет стоять еще лет двадцать. Первое время не будет заметно, что он заброшен, но потом из-за нетопленной печи, из-за сырости, прогниют стрехи,

провалятся балки крыши. Взорвется шифер, его листы разбросает ветер. Фотографии предков, обои, стол, за которым они с Хомяком и Серым играли в карты на фоханы, начнут заливать июньские дожди, окутывать сентябрьские туманы. Потом осядет фундамент, взорвутся доски пола. Бревна стен потеряют свою симметричность – стекла лопнут, слетят наличники и ставни. Проезжающие мимо водители будут меланхолично думать о том, что вот стоят развалины, а ведь в них кто-то когда-то жил. А в них он, Шульга, жил! В них Серый жил. И Хомяк. И это было не сто лет назад, а недавно, так недавно, что – руку протяни, дотронешься до этого вчера. Потом, по бревнышку, рухнут стены. Все превратится – в поле, в дерн, в горизонт. В море земли. В ничто.

Шульга спустился с лестницы и – перед тем, как навсегда закрыть за собой калитку, тронул ладонью массивные бревна хаты. Они были теплыми и ноздреватыми: дом как будто все еще дышал, все еще не бросал надежды жить. Погладил космы высохшего сфагнума, торчащего из щелей. До свидания. Бывай.

Он перешел через улочку и постучался к бабе Любе. Спихватился: свои здесь не стучат. Вошел, громко топая ногами в сенях, показывая, что идут гости. Баба Люба сидела на диване, под портретами родных. Одна, смотрела прямо перед собой – как будто память подсказывала ей столько интересного, что никакая газета, никакой телевизор были не нужны. Кто ее похоронит, когда придет время? Гриня Люлька? А кто похоронит Гриню?

– Как ваше здоровье? – поинтересовался он. Но деревенская женщина решила не поддерживать игру в обмен любезностями.

– У дарогу сабрауся? – уточнила баба Люба.

– Собрался, – подтвердил Шульга и сел рядом с женщиной. Он вспомнил, что про умирающих здесь, в Буде, говорили именно так: «Собрался в дорогу». Когда дед слег с инсультом и не приходил в сознание, про него говорили: «Собрался в дорогу». Когда он умер, сказали: «Пошёл». Смерти не существует. Есть лишь путешествие, в которое ты уходишь, прощаясь со всеми, кого любил.

– Не вышла у цибя тут ничыво, – покачала головой баба Люба. – Друга пацирал. Денег не нашол.

– Значит, не мое, – усмехнулся Шульга.

– Я цибе аладак напекла, – сказала женщина и кивнула на домотканый сверток, лежащий на столе. – Паедишь у да-роге.

– Спасибо, баба Люба.

– Сегодня чацверг. У пяць будзе машина з камволя ийти. Можэш падъехать.

Шульга улыбнулся: опять камволь. Она перекрестила его сложным крестом и поцеловала – в лоб, в щеки и снова в лоб. И помахала рукой, не вставая – так, как будто их разделяла река или как будто он уже сидел в машине и, прильнув лбом к стеклу, смотрел, как удаляется ее фигура. Он кивнул и вышел. На крыльце осмотрелся, обнаружил небранное ржаное поле за околицей и потопал к нему. У него оставалось еще одно дело.

Можно было, конечно, составить букет из клевера, мать-и-мачехи, лаванды, иван-чая и других полевых трав. Но у Шульги была идея получше. Искать васильки среди колосющейся ржи довольно просто. Нужно, отойдя немного вглубь, раздвигать сухие, шепоткие стебли с перезревшими колосками и внимательно смотреть под ноги. Цветки попадают редко и растут чаще всего по одному.

Проволочные ножки васильков были ломкими и вырывать приходилось двумя руками, придерживая у корней. Лепестки – тонкие и трепетные, как крылья бабочки. Казалось, если зажать их между пальцами, они, как капуста или как павлиний глаз, оставят свою пыльцу на коже. Когда букет стал большим, издали можно было подумать, что у Шульги полные ладони синих экзотических мотыльков.

Он скажет ей: «Здравствуй, милая». И обнимет. Хотя нет, так слишком пафосно. Просто – «здравствуй». И посмотрит в глаза. И без всей этой клоунады с выуживанием букета из-за пазухи. Васильки будут у него в руке. Он скажет: «Здравствуй», – протянет васильки и обнимет. Нежно, едва касаясь талии, плеч. «Здравствуй». И все. «Здравствуй» – лучше, чем «здравствуй, милая».

Шульга брел по растрескавшемуся асфальту умершей деревни с пучком пронзительно-синих васильков. Если дом жив до тех пор, пока у него есть хозяин, населенный пункт – село, деревня, хутор, живы до тех пор, пока хотя бы один мужчина дарит там цветы женщине. Позади остались руины клуба с призрачной библиотекой, хата Грини, брошенный дом с покинутым гнездом аиста на крыше.

Он скажет ей, что однажды он обязательно вернется. Хотя нет. Как бы ни было. Как бы грустно, блядь, ни было. Не надо врать. Врать не надо. Вместо этого он просто обнимет. Скажет «здравствуй» и обнимет, извиняясь – и за то, что не вернулся, и за то, что не вернется. Да, не вернется. Обнимет и – перед тем, как попрощаться и тронуть губами щеку, произнесет: «Люди не расстаются навсегда». Потому что люди никогда не расстаются навсегда. Встретятся. Когда-нибудь обязательно встретятся. И – пусть не ждет. Не надо его ждать. Он не достоин. И ему не надо. Он забудет ее. Вот так, блядь, да. Забудет потому, что даже если останется жив – жизнь у него будет совсем другая. Но – люди никогда не расстаются навсегда.

Шульга подошел к Настениному двору и тихо открыл калитку. Вытер глаза тыльной стороной ладони. Улыбнулся – просто и искренне. Расставаться лучше с улыбкой на лице. Заметил, что на двери висит щеколда. Без замка. Это означает, что хозяина дома нет, но он где-то поблизости. Его можно дозваться, если покричать как следует. Шульга молча засунул васильки в петлю щеколды. Так все понятно. Понятно без слов. Люди не расстаются навсегда. И эта фраза – в каждом васильке.

На дороге его почти сразу подобрала попутка.

Глава 27.

Приближалась осень. Еще зелено все было вокруг, еще не закончился август, а прозрачней стало небо над Глуском, задумчивей бродячие собаки, поэтичней просьбы алкашей дать им денег на чернила. Дворник «Глускжилкоммунстроя» Выричев Николай мел тротуар вокруг клена, под которым собрался целый парламент старух, торговавших кукурузой. Совершенно убрав площадку от палой листвы, дворник Выричев Николай рассудил так: вчера он убирал желтые листья. Позавчера убирал. Сегодня посвятил этому все утро. А завтра он бы хотел взять выходной и не мести тротуар – хотя бы вокруг этого клена. Поэтому, оглянувшись вокруг и убедившись, что его непосредственного начальства из «Глускжилкоммунстроя» не видно, дворник Выричев Николай обхватил ствол клена и начал его трясти. Из кроны посыпались рубиновые и охристые листья, обильно присыпав старух, кукурузу, тротуар. «Завтра бы выпало, а так сегодня уберу», – объяснил дворник старухам и своей совести, взявшись за метлу. Он был единственным дворником в мире, работавшим с опережением мусора.

На противоположной стороне улицы стояла парочка: упитанный, как мадонна на картине у Тициана, молодой человек и тщедушная, вихлявая и напропалую влюбленная в своего избранника девушка. Молодой человек был украшен длинными волосами, которые время от времени величественно поправлял. Из него также торчали бакенбарды.

– Вот не знаю, какую взять, – размышлял он вслух.

– Возьми вареную, – предлагала его спутница. – Съедем прямо сейчас.

– Вареная в два раза дороже, – объяснил молодой человек.

– Так возьми четыре початка сырой. Дома сварим.

Юноша задумался. Выпятив свои сочные губы, он покачивал головой. Возможно, он был музыкант и играл по вечерам в подвале на гитаре подражание какой-нибудь модной десять лет назад группе. Иначе не понять природу обожания, струившегося из глаз девушки. Впрочем, природу женской любви очень часто не понять, поэтому не будем и пытаться.

– Нет. Согласись, хочется прямо сейчас, – выдавил он. – Сейчас бы ее так хрясь и съесть.

– Тогда давай вареную возьмем, зайка, – гладила его по волосам девушка.

– Но она, во-первых, дороже, во-вторых, что мы, как колхозники будем? Идти, есть.

– Зачем идти? – девушка почесала нос о грудь своего спутника. Грудь как раз где-то в месте чесания плавно переходила в живот. – Мы вон в скверике сядем.

– Тем более. В скверике. Как колхозники. Кукурузой давиться.

Молодой человек поправил волосы и посмотрел своими бюрюзовыми глазами на небо, напоминая самому себе Ника Кейва на обложке альбома «Ботменс кол».

– Тогда бери сырую и пошли, – предложила беспомощно влюбленная девушка.

– Не, ну понимаешь, эти бабули ее в печи томят. По пять часов. Она так распаривается, вкусно. Прямо страх.

Все это он говорил ровным голосом, как будто интонировать ему не хватало сил: он был уже уставший от жизни. Парочка перешла на другую сторону улицы, став ближе к разложенным вдоль дороги початкам.

– Женщина. Дайте нам две вареных, – попросила девушка скороговоркой. – Получше, покрупней, не перезрелых. Так, чтобы беленькие были, сладкие, – быстрота ее речей как будто компенсировала млявую черепаховость спутника.

– Да погоди ты. Не торопи. Не надо нам пока, – остановил старушку жестом юноша. Было видно, что он настроен по-капризничать.

– Так чего тебе хочется, Кеш? – заглянула ему в лицо юная леди.

– Я вот не знаю, – лениво потянулся Кеша. – Понимаешь, она вареная вкусная, но там же гепатит может быть.

– Так я тогда сырой куплю. Дома помоем как следует перед тем, как сварить.

– Не. Ну ее, сырую! С ней таскаться. Когда мы до дома дойдем? Мы ведь не прямо сейчас домой. Только вышли. На промэнад. Что мы будем с ней ходить. И смотри: ее варить сорок минут. Минимум. А лучше часа три. И вот она будет булькать, пахнуть.

– Женщина, покажите, пожалуйста, что у вас есть вареного, – попросила спутница Кеша. – Я сама взглянуть хочу.

Старушка, возле которой стояла парочка, послушно раздвинула несколько слоев полотенец, в которые была замотана кастрюля, приоткрыла крышку. Внутри оказались источающие дивные ароматы початки.

– Гляди, зайка, какая вон та классная, – предложила девушка.

– Нет! Она перезревшая! Не угрызу. Что ты хочешь, чтобы я зуб сломал?

– А вот та? Давай ту возьмем. И еще одну какую-нибудь выберем.

– Нет! – брезгливо кривил наливные губы Кеша. – Та слишком белая! Безвкусная будет. Водянистая.

– Так мы кукурузки возьмем или нет, зай? Стынет ведь у тебя!

Кеша не ответил, потому что рядом с кленом и старушками притормозил большой черный автомобиль с российскими номерами. Автомобиль был не известной глусчанам марки и вместо простых и знакомых логотипов – кружочек «БМВ», много кружочков «Ауди», четырехугольник «Сеата» – имел на капоте сложную пентаграмму явно сатанинского вида. Автомобиль был из разряда тех, которые, когда движутся медленно вдоль тротуара, выглядят более зловеще, чем когда летят по встречной с превышением скорости в два раза. Более всего своей мрачной торжественностью, своими хромированными ручками и лакированными черными дисками он напоминал гроб де-люкс для великана.

– Знаешь. Ну ее к черту эту кукурузу, – сказал вдруг юноша беспокойно. – Я понял, что мороженого хочу.

Парочка быстро удалилась кормить Кешу мороженым, а дверь автомобиля распахнулась, и из нее на свет шагнул высокий мужчина с бледным одутловатым лицом, как буд-

то вылепленным из хлебного мякиша. Голова мужчины, которую тянуло назвать «черепом», была стрижена коротко, глаза глядели по-рыбы. У уха он держал телефон спутниковой связи – открывая дверь машины, он зажал его между головой и плечом. Продолговатая трубка выскользнула и чуть не грохнулась на асфальт, но мужчина сделал молниеносное движение левой, подхватив телефон на лету. И эта сверхъестественная скорпионья скорость реакции заставляла относиться к нему с опаской. Одет он был в пиджак, да-да. В пиджак. Если бы мы давали ему кличку, мы бы назвали его Пиджак – настолько неорганично на нем выглядел этот предмет одежды из мира офисных драцен и травоядных разговоров у электрочайника. Лучше всего на незнакомце смотрелся бы, пожалуй, большой черный колпак с прорезями для глаз, которые еще каких-нибудь триста лет назад надевали те, кто выбивал табуретки из-под ног осужденных к повешению.

Бабульки-кукурузницы, притихли, вслушиваясь в беседу Пиджака по телефону.

– Так а что искать? Что искать? Тут все просто. Один из них в деревне в детстве коз пас. Глусский район. Буда. Вот они в село и съехали. Ну! Ничего умней! Спрятались от страшных людей! Ты понимаешь? Партизаны! Не, ну что значит вообще без предосторожностей? Они побереглись! Знаешь, как? Они ставни со стороны улицы не открывали! Да! Ставни! Ха! Ха! Ха! Ха! – мужчина зло рассмеялся, причем заряд ненависти, заложенный в этот смех, заставлял съежиться. – Мы же тупые, ну! Мы же дом вокруг не обойдем! Вот белорусы, блядь! Ты понимаешь? Они все тут как будто в каком-то сказочном волшебном мире живут. Веришь? В какой-то сказке, блядь! Все такие мечтательные! Детский сад! Книжка-раскраска! Их как будто не бил никто никогда. Не обманывал. Если надо что – ни угрожать не надо,

просто обещай что-нибудь! Они в чудо верят. Все в чудо верят. Что бабы – ну это нормально! Но и мужики. Это знаешь, как на тракторе работать и надеяться, что тебя на «Формулу-1» вот-вот пригласят. Потому что ты когда-то Шумахеру письмо написал на адрес программы «Утренняя почта». Ловишь? Слушай. Я тебе через минуту позвоню, – мужчина отключил телефон и обратился к ближайшей старухе, заставив ее обмереть.

– У вас кукурузу за россию можно?

– Что? – оробела она.

– Кукурузу за россию?

– Я не понимаю, – испуганно пожала она плечами.

– Что ты не понимаешь, мать? – строго спросил у старушки Пиджак. – Ты по-русски не понимаешь? Не говоришь по-русски?

– Па-русски магу, – пискнула та. – Панимаю, нармальна!

– Так а че? Вы за россию продаете или нет? – начал злиться мужчина.

– Что значит за Россию? – покрутила она головой в поисках подсказки. Товарки молчали, боясь, что незнакомец сейчас достанет ППШ и всех накроет длинной очередью.

– За россию, мать! За рубли русские!

– Ах! За рубли! – поняла женщина. – Конечно!

– Сколько? – спросил мужчина.

– А я и не знаю, сколько. У нас жэ тут сваи дзеньги. Вы берыця бесплатно, – мужчина так здесь всех пугал, что она побоялась назвать неверную, негодную для него цену, которая могла еще больше вывести Пиджака из себя.

– Почему бесплатно? – он взял из кастрюли початок поаппетитней и сунул старушке пятьсот российских рублей. – Вот, бери, мать. Мне бесплатно не надо.

Пиджак вернулся в салон и завел двигатель. В машине царил хирургическая чистота. Кожаные подушки сидений имели бордовый цвет не успевшей застыть крови. Рукоятка переключения передач сияла так, как будто водитель управлял машиной в перчатках – на отполированном металле не было следов касания ладони. Он зажал початок в правой руке, переключил передачу левой и плавно тронулся, выворачивая руль одной рукой. Из динамиков полился мрачный немецкий индастриал. Монотонный женский голос твердил на одной ноте длинную режущую фразу, напоминавшую сатанинское заклинание. Автомобиль набирал скорость, двигаясь по единственной оживленной улице Глуска, рассекающей город, как коридор, идущий из вагона в вагон, рассекает поезд. Слева и справа были уютные купе частных домов, плацкарты многоэтажек, тамбуры дворов, вагоны-рестораны рюмочных, и все это несло, ускоряясь, мимо: мелькнули семафорами красные огни перекрестков, и Глуск остался позади. Мужчина нагрыз полный рот кукурузных зерен и широко улыбнулся, обнажая зубы, на которые обильно налипло непрожеванной кукурузной трухи.

С початка сорвалось зернышко и упало на пол автомобиля. «Блядь», – вполголоса произнес мужчина. Он попытался нащупать зернышко, не отрывая глаз от дороги и даже тронул его кончиком пальцев, но оно, по-футбольному подпрыгнув, откатилось дальше, под сидение. Мужчина попытался абстрагироваться от зернышка, забыть о нем. В конце концов, нет ничего страшного: выкинет, когда доедет. Но зернышко не давало ему покоя. Ему представилось, как он наступит на него каблуком ботинка, вотрет в шерстяные темно-бордовые коврики. Представилось, как к этой массе налипнет грязи, как образовавшееся пятно разотрется и его будет не вывести, нет, нет, это было невыносимо.

Мужчина зажал початок в левой руке, которой вел машину и, стараясь удерживать руль прямо, наклонился и стал шарить под сиденьем. Это процедура несколько затянулось, так как до выпавшего кукурузинного зуба было не дотянуться, он сделал несколько рывков, нога, лежавшая на газе, ушла вниз, разгоняя машину до самолетного рева, и это было нестрашно – потому что вот она, эта дрянь, уже в пальцах – и нужно было только разогнуться, как вдруг весь салон заполнился подушками безопасности, а машину тряхнуло от сильного удара. В немецком индастриале, льющемся из динамиков на секунду стало больше лязгающих металлических звуков, чем того требовала мелодия и стиль. Его бронированная машина загудела как колокол, по которому ударили танком.

Затормозил, приминая подушку, различая впереди раскученное металлической лебедкой препятствие. Только сейчас заметил, что ударом кукурузу выбило из руки и теперь золотые зубы початка разбросаны по всему салону. В сердцах бросил: «Блядь!» – и добавил еще одно ругательство, когда заметил, что препятствие, в которое он въехал – милицейский «газик». Надавил дверь, она открылась легко: трехмиллиметровые стальные листы, которыми был укреплен его автомобиль, не позволили геометрии кузова распозлзтись. Броня защитила и двигательный отсек: радиатор не парил, значит, можно ехать дальше.

Он подошел к «газику» – задняя часть советского «джипа» была вдавлена в салон и приподнята от удара. Все стекла высыпались. На водительском месте, уткнувшись лицом в руль, сидел без сознания подполковник Выхухолев. Мужчина снял с милиционера фуражку, померял пульс на шее, приподнял пострадавшему голову: на лбу наливалась космической чернью огромная шишка.

– Живучий менток, – прокомментировал Пиджак. – Повезло тебе, что я тебя сзади нагнал. Если в любовую – отправился бы с Дзержинским в городки играть.

Он подержал голову милиционера в руке, разглядывая безмятежное лицо.

– А вообще пристегиваться надо, епт! Нас же учите пристегиваться, а сами что?

Его взгляд упал на белый целлофановый пакет «ГУМ 60 лет», лежащий рядом с вырубленным Выхухолевым. Пиджак потянулся через выбитое стекло и вытащил мешок из машины. Заглянул. Пакет был заполнен тугими пачками со стодолларовыми купюрами. «До хуя! – флегматично произнес мужчина. И добавил: «Сошлось!» Лениво вытянул один денежный сверток, взвесил в руке, сунул обратно в мешок. Нашупал другой, тоньше и легче. Небрежно, как в казино, бросил Выхухолеву на колени.

– За ущерб, – объяснил он не слышащему его милиционеру и вернулся в машину. Набрал номер на спутниковом телефоне.

– Слышь. Тут такой поворот неожиданный, – объяснил он трубке, в недоумении почесывая себе лоб. – Нашлись деньги. Деньги, говорю, нашлись. Да! Ну. Вот так, да! Да! Бывает, ну что ты хочешь! Нашлись. Я не считал, но вроде все. До хуя, понимаешь? Да в том-то и дело: у мента были. Я тут в мента случайно въехал. В жопу. Разогнался, отвлекся. На бабу отвлекся. Красивая баба шла, в юбке короткой, аж трусы видны, засмотрелся, ну. Не, машине ничего. Мент? Жить будет. Он же подполковник. Лейтенант бы сдох, а подполковник будет жить. Ну да. Выходит, все так и было, как коцьк сказал. Действительно, выходит, менты забрали. Слышь. А что с самим коцьком делать? Как что планировал? Ясно, что планировал. Я ж не знал, что менты

взяли. Я его вообще-то в лес вез, ламанш делать. А теперь что с ним? Что? В смысле отпустить? Вообще отпустить? На хуй? Понял. Не, ну в принципе справедливо. Да. Вопросов-то к нему нет. Уже нет. Хорошо. Отпустить.

Пиджак вышел из машины, обошел ее по кругу и концертным жестом открыл багажник. В нем смиренный и бледный, как на отпевании, лежал Шульга. На носу у него виднелась свежая ссадина, но неясно было, получил ли он ее во время аварии (автомобили, даже самые роскошные, пока не снабжаются ремнями безопасности места пассажира в багажнике) или до нее.

– Выходим, – скомандовал ему мужчина.

Шульга обреченно свесил ноги на землю и взял лопату, лежавшую рядом с ним.

– Лопата не нужна.

Шульга ничего не спросил, но резко вздернул голову: его лицо выразило крайнюю степень удивления.

– Не нужна лопата. Иди отсюда.

– Куда идти? – спросил Шульга. Он думал, что Пиджак собрался стрелять ему в спину.

– Куда хочешь иди. Деньги нашлись.

– Как нашлись? – переспросил Шульга.

Мужчина развернулся, чтобы уйти, но Шульга схватил его за рукав.

– Как нашлись? – переспросил он еще раз. – Так я что, живу? Свободен?

– На хуй иди от-сю-да! – по слогам, очень четко, объяснил ему Пиджак. – На хуй!

Походкой римского центуриона он прошествовал в салон. Хлопнула дверь, взревел двигатель и немецкий индустри-

ал. Машина умчалась к горизонту, открыв Шульге батальную сцену раскуроченного милицейского «газика». Шульга подошел ближе, увидел вырубленного подполковника, уютно уложенного щекой на руль. Он понял, что ему лучше убираться отсюда, как можно быстрее, так как разбуженный из спячки медведь менее страшен, чем пришедший в себя с синяками на лице милицейский подполковник. Шульга засеменил в сторону Глуска, до которого было километра два. У перекрестка его подобрал мужик на телеге. Лицо мужика, как сфагнумом, было до самых глаз затянута рыжеватой бородой. Земляки великолепно и очень содержательно помолчали до самой городской черты.

В Глуске Шульга сразу нашел церковь. Никто и никогда не узнает, что он делал там, в ладанном полумраке, среди спящих старух и бодрствующих икон, но провел он за дверями храма не меньше получаса. Вышел, перекрестился, перепутав в крестном знамении лево с право, верх с низом, зато тыкал в себя щепотью несколько раз по кругу и очень искренне. Его лицо было чисто и радостно, он улыбался без повода, как юродивый.

– Где тут вокзал? – спросил он у прохожего.

– Там, где аутобусы астанавливающца! – прозвучал мудрый ответ.

Шульга этого объяснения не понял и пошел по улице, читая наглядную агитацию, призывающую чистить привод жатки перед выходом в поле и множить силосуемую массу. Красочная тумба «С Новым годом!» на площади стремительно набирала актуальность: еще пару месяцев, выпадет снег, и она окончательно засияет праздником, радуя сердца. Он подумал, не купить ли кукурузы у старух, расположившихся под кленом, но прислушавшись к себе, понял, что кукурузы совсем не хочется, а хочется брести, дышать, жить.

Рядом оказался музыкальный киоск, эякулировавший в окружающее пространство тошнотворно-липкими воплями Верки Сердючки. Витрина киоска была заставлена компакт-дисками отечественных и зарубежных исполнителей, преимущественно – мастеров эстрады, от творчества которых страну и мир тошнило еще двадцать лет назад. Шульга, преодолевая сопротивление бьющей по ушам звуковой струи, подошел вплотную к окошечку, наклонился и что-то закричал. Плотность Сердючки схлынула. В прорези киоска появилось круглое, как блин, и такое же поблескивающее жиром лицо продавца. Пожалуй, это был не праздничный масляничный блин, а унылый блин придорожного кафе, сделанный на прогорклом масле.

– Что сказал? – переспросило лицо.

– Говорю, диск мне нужен, – объяснил Шульга.

– Что за диск?

– Итальянская баба. По-итальянски поет. Заслуженная артистка. Лауреат международных конкурсов.

– А зовут ее как?

– Не помню я.

– У нас итальянского есть Эннио Морриконе. Мелодия из фильма «Профессионал».

– Ну-ка дай послушать.

Внутри киоска что-то щелкнуло и поверх статического шума динамиков ударило трагичное скрипичное соло. Оно было минорным, как костюм похоронщика, а та мелодия, которую искал Шульга, была минорной, как свидание, на которое не явился один из возлюбленных.

– Во, во! Похоже! Только не это. Там баба пела. А есть еще композиции этой Морриконе? Где она поет, а не только на скрипочках играет?

- Тут только одна, на сборке. Вот эта. Берешь?
- Не. Не беру. А что еще есть?
- Есть еще из итальянцев Энрике Иглесиас. Бэби ай лайк ит. Берешь?
- Не, мне нужно со скрипками. И баба поет.
- Ну ты даешь! – блин в прорези скривился в нетерпеливую гримасу. – И со скрипками, и чтобы баба пела. И чтобы по-итальянски. Тебе может еще чтобы хор папуасов с голыми жопами танцевал танец с саблями Хачатуряна?
- Не, а по серьезке?
- А по серьезке у нас чтобы баба пела есть Витни Хьюстон. Медляки. Про любовь. Водилы-дальнобои берут в рейсы, слушают. Возьмешь?
- Не. Не то. Там классическая музыка. Как Бетховен.
- Так сразу бы и сказал! У нас есть диск – Ванесса Мэй, это скрипачка такая японская, играет Бетховена.
- Ну-ка поставь.
- Из колонок хлынул водопад звуков – на фоне оркестрового легато неистовствовала скрипка, выводя сразу несколько партий из «Времен года» Вивальди.
- Прикинь! – ликовал продавец и делал все громче. Он пританцовывал у себя в кресле, щерясь во весь рот. Глуск тонул в кипучей «Весне».
- Нет, стоп! – оборвал его Шульга. – Мне, понимаешь, надо, чтобы баба пела. Там текст такой жалобливый. «Приди, милый», хуе мое. Баба обращается к ветрам, птицам, ручьям. Приди, типа, милый. А он, блядь, не приходит. Как в жизни, понимаешь? И там сначала медленно, а потом так тынь, тынь, тынь, тынь и – грустно, просто пиздец! Просто душу выворачивает.

– Знаешь что! – продавец выключил Ванессу Мэй. – Иди на хуй отсюда! Ишь ты! Тынь, тынь, тынь! На хуй иди! Не знают, что им надо, и ходят тут, блядь!

Шульга вяло подумал, не ударить ли продавца по лицу – прямо через прорезь киоска, но рассудил, что тот крупней и в Глуске у него наверняка есть друзья. Он отстранился от киоска, глядя в сторону и побрел дальше, смутно припоминая, что вот тут, за домами, будет мостик, резкий поворот, а за ним – поле и автостанция. В спину ударили хриплые вопли: «Ха-ра-шо! Все будет харашо я это знааааюю» Верки Сердючки: мстительный продавец сделал звук невыносимо громким.

Автостанция выглядела заброшенной. Ветер безвольно болтал входные двери и швырял пригоршни пыли в циферблат больших квадратных часов, остановившихся навсегда десять лет или десять минут назад: времени для них уже не существовало, как не существует времени для умершего, воды или скелета сгнившей машины. Лакированные фанерные листы, которыми когда-то было отделано здание изнутри, набрали влаги и покоробились. Ряды из желтых пластиковых стульчиков щербатились прорехами: кто-то утащил сидения себе на дачу, а может быть, они просто сломались. Внутри пахло восьмидесятыми. Это был запах сельского магазина, запах волос пятидесятилетней учительницы географии, запах растворимого кофейного напитка, продававшегося в советских универсамах. Или нет, даже не так: запах из старой банки этого самого кофе, банки, случайно найденной на бабушкиной кухне.

Два пьяных крестьянина под пожелтевшим расписанием выясняли, в каком году перестал ходить автобус на Зданьковичи, и были в этом выяснении близки к первым ударам по лицу. В окошке сидела женщина, статью и макияжем напоминавшая стандартный портрет с заводской доски почета.

– Один билет до Минска, – попросил Шульга, и сам поразился тому, как громко его голос грянул в пустынном сооружении.

Женщина, не меняя положения торса, прически, головы, сделала пассы руками, и в окошко выпал проштампованный кусочек картона. Шульга задумчиво прошелся по вокзалу, поднялся на второй этаж, заброшенный, как актальный зал в зоне отселения. Подергал ручки у отключенного от сети игрового автомата, постучался в пластиковые двери закрытого еще при Горбачеве кафе «Восток». На полу был растелен картон, и спал счастливым сном индийского святого мужчина, который в городе был бы бомжом, а здесь сходил за не доехавшего до своей деревни крестьянина. Шульга переступил через него и спустился по лестнице прямо на улицу, на перрон.

Ветер налетал порывами и швырял песок в лицо, заставляя щуриться, отворачиваться, тереть глаза. До отправления оставался час. Он уселся на скамейку под разваливающимся от времени янтарным навесом, прикрыл глаза и стал ждать. В его душе было пусто, в ней стало как будто слишком много места. Как в аквариуме, из которого достали всех рыбок.

Эта история имела все шансы закончиться вот здесь: герой потерял своих друзей, расстался с возлюбленной и ждет автобуса, который увезет его в неизвестность. Закончить ее можно было бы еще раньше – там, где Шульга безуспешно пытался найти арию Чечилии Бартолли из утраченной оперы Антонио Вивальди – мелодию, которая заставила его плакать тем вечером, когда он встретился с Настенной. В этом случае роман можно было бы понять как текст о любви. Однако этот текст – не о любви. Он – о жизни.

А потому проследим за Шульгой еще десять минут, увидим, как на стоянку автобусов медленно вползают милицейские «Жигули», за рулем которых сидит пусть слабо и приблизительно, но уже знакомый нам сержант Андруша.

Андруша сделал широкий круг по автобусной площадке и остановился рядом с Шульгой. Сложно сказать, что именно привлекло милиционера в сидящем. Быть может, свежая ссадина на носу, показывавшая, что ждущий автобуса был человеком драчливым и беспокойным. Быть может, городская одежда, выявлявшая в Шульге не местного. Быть может – общая скорбная поза, склоненная голова и ссутуленные плечи, обозначавшие в нем жертву обстоятельств, человека, не способного за себя постоять в данный конкретный момент жизни. Андруша некоторое время понаблюдал за Шульгой через окна «Жигулей» затем вышел, снял с пояса дубинку и медленно направился к пассажиру. Он остановился перед Шульгой, многообещающе похлопывая дубинкой по ладони. Не исключено, он думал, не ударить ли Шульгу сразу, для начала беседы. Возможно, разглядывая парня, он придумывал свою первую фразу, емкую, вескую и, одновременно с тем, нагруженную смысловой парадигмой предстоящего разговора.

– Хули тут сидим, – наконец, сказал Андруша, крутя торсом по сторонам. Он как бы не спрашивал, он обозначал проблему.

– Автобуса жду, – беспокойно объяснил Шульга. – Вот билетик.

– Хули сидим тут, – произнес милиционер громче.

– А где мне сидеть? – не понял Шульга. – Там внутри душно.

– Документы, – перешел Андруша к делу.

Шульга протянул ему паспорт, предупредительно развернув на странице с фотографией. Сержант внимательно про-

листал документ, убедился в том, что прописка у гостя не глусская, и сложил его в нагрудный карман своего кителя.

– Эээ, – попробовал выразить недоумение Шульга.

– В машину, – было приказано ему.

– Почему? – удивился пассажир. – У меня билет на Минск. Я автобус пропущу!

– В машину! – крикнул милиционер и с размаху ударил по лавочке дубинкой. Звук получился очень громким, хлестким, как будто щелкнула плеть у пастуха. Шульга инстинктивно вскочил, но в машину идти не хотел.

– На каком основании? – спросил он тихо. – Что я такого сделал? Я сидел, никого не трогал.

Андруша белобрысо улыбнулся и ткнул Шульгу ручкой дубинки в живот. Удар с виду был не сильным, но Шульгу переломило пополам.

– Неповиновение! – сказал сержант, добавив дубинкой по спине – от души, с оттягом. – Сотрудникам! Внутренних органов! При исполнении ими! – следующий удар был под колени, и Шульга рухнул на землю плашмя, лицом на асфальт, ударившись зубами о твердое и выплюнув кровь изо рта. – Профессиональных! Обязанностей!

Милиционер взял Шульгу за шиворот, приподнял над землей, поставив на колени. Ткнул коленом в левую почку, выломал руку, которой задерживаемый пытался опереться на землю, отвел ее за спину и застегнул наручники на запястьях. Поднял за скованные руки и повел в машину. В его поступи и движениях была отточенная красота, целеустремленная решимость, как будто он действительно знал, за что задерживает Шульгу, как будто им, Андрушей, руководил фатум, выбиравший его руками, его волей – кого оставлять млеть под солнцем и щуриться от несущего пыль ветра, а кого – нет.

– Я ни в чем не виноват! – громко закричал Шульга разбитым ртом, пытаясь заставить небо, землю, вокзал, облака, стрижей, прохожих, клены – прийти ему на помощь. Но вселенная была равнодушна. Во вселенной наблюдались все признаки баланса, равновесия и гармонии.

– В участке разберемся, – заверил Андруша и, придав телу задержанного необходимое ускорение, забросил его на заднее сиденье «Жигулей».

Ласточки металась совсем близко от земли, а это означало, что к вечеру, наверное, пойдет дождь.